

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

В. А. Жуковский
СТИХОТВОРЕНИЯ
И
БАЛЛАДЫ

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

*Серия рекомендована
управлением общего среднего образования
Министерства общего
и профессионального образования
Российской Федерации*

1288-1825

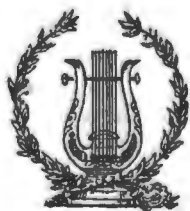
1783—1852

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

В. А. Жуковский

**СТИХОТВОРЕНИЯ
И БАЛЛАДЫ**

Иллюстрации Ю. Иванова

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
2006

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5
Ж86

Текст печатается по изданию:
Жуковский В. А. Сочинения в трех томах. —
М.: Худож. лит., 1980. — Т. 1, 2.

Составление, вступительная статья,
комментарии

В. И. КОРОВИНА

•

ISBN 5-08-004064-5

© Издательство «Детская литература».
Оформление серии, 2003
© В. И. Коровин. Составление, вступительная
статья, комментарии, 1984
© Ю. Иванов. Иллюстрации, 2003

ПОЭТ ВАСИЛИЙ ЖУКОВСКИЙ

Василий Андреевич Жуковский — большой и оригинальный поэт, открывший новый век в отечественной литературе. Его поэзия полна сердечной, таинственной, меланхолической и кроткой прелести. Жуковский создал совершенно особую поэзию. Он преобразовал старые жанры, перестроил стилистические, стиховые, интонационные формы поэтической речи.

Поэт жил и творил в переломную эпоху русской и европейской истории. За десять лет до его рождения Россию потрясла крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева. Она обнажила противоречия между дворянами-помещиками и крепостными крестьянами. Дворянство, пользуясь своей неограниченной властью над подневольными земледельцами, в большинстве своем заботилось не столько о благе государства, сколько о личной выгоде, о чинах, наградах и доходных местах.

После восстания Пугачева стало ясно, что противоречия между крестьянами и помещиками непримиримы и что надежды на просвещенную монархическую власть, которая была бы способна устранить социальные коллизии, неоправданны: ведь именно самодержавие выражало корыстные интересы дворянства. Так была подорвана вера в идею просвещенного абсолютизма. Но многие дворяне, в том числе и Жуковский, еще находились во власти иллюзий, будто только самодержавие может установить социальный мир в стране. Для этого мало начинить голову царя разумными понятиями. Надо прежде всего воспитать его

сердце, напомнить ему, что он человек, а не бездушный повелитель. Эта идея возникает у Жуковского, как и у других передовых людей его времени, под прямым влиянием бурных исторических событий, которые произошли в Европе и повлекли перемены в умах и чувствах.

Во Франции совершилась Великая буржуазная революция. Ее грозные раскаты достигли России, но отношение к ней русских дворян было двойственным. Они не приняли и осудили революционный террор, казнь короля, стихийное народное возмущение и вместе с тем радовались, что революция распатала феодально-сословные устои, и человек почувствовал себя раскрепощенным, свободным. Теперь, казалось, все зависело от его способностей и дарований. Однако свобода обернулась зависимостью от капитала, индивидуалистическим эгоизмом и безудержным своеволием личности. Итог наполеоновских войн — падение монархий и порабощение народов. Жуковскому, как и другим передовым дворянам, была близка идея независимости, духовной самостоятельности личности, но он отверг насильственный путь ее достижения. Разрешение социальных противоречий надо искать, полагал он, не на путях революции, а опираясь на воспитание личности. Человек в поэзии Жуковского испытывает горькое разочарование в реальной действительности. Он никогда не достигает счастья, но это не лишает его веры в лучшую жизнь, в добро, в любовь и дружбу, не отменяет неистребимого стремления к высокой нравственности.

Пафос человечности укрепляется в Жуковском и вследствие необычных обстоятельств его личной судьбы.

Поэт родился 29 января 1783 года. Отец его, Афанасий Иванович Бунин, был богатым тульским помещиком, а мать — пленная турчанка Сальха. В тогдашних условиях будущая судьба «незаконного» ребенка была весьма незавидной. Чтобы как-то обеспечить его общественное положение, Бунин попросил своего родственника, бедного дворянина А. Г. Жуковского, жившего в его доме, усыновить мальчика.

К счастью, в семье Буниных к ребенку отнеслись сочувственно. И это оказало несомненное влияние на духовное развитие поэта. Жуковский уверовал в доброту отзывчивого и чуткого сердца. В земных отношениях, думал он, все зависит не столько от социальных условий, сколько

от свойств самих людей, от меры их человеколюбия. Мысль о совершенном обществе связалась у Жуковского опять-таки не с идеями социального бунта и коренной ломки общественных отношений, а с моральным воспитанием личности. Ту же идею внушило Жуковскому и чтение Карамзина, авторитет которого в глазах юного поэта был очень высок. При этом гуманность Жуковского получила религиозную окраску, хотя поэт был далек от казенного православия и от официальной Церкви.

Поэт воспитывал себя в духе принятого им гуманного воззрения и с исключительным прямодушием, подчас забывая о себе, вступался за гонимых царизмом Пушкина, И. Киреевского, Герцена, содействовал выкупу на волю Шевченко. Современники отмечали необычайную мягкость, нежность, незлобивость, отличавшие его. Пушкин в одном из писем восторженно восклицал: «Что за прелесть чертовская его небесная душа! Он святой, хотя родился романтиком, а не греком, и человеком, да каким еще!» Однако религиозность часто суживала идейный кругозор Жуковского, а художественность нередко казалась поэту лишь простой иллюстрацией нравственного содержания. «Талант, — писал он Пушкину, — ничто. Главное: величие нравственное». Обогатив русскую поэзию нравственными идеями — и в этом его бесспорная заслуга, — Жуковский в то же время несвободен от поучительности, дидактизма, снижающих эстетические качества его произведений.

Эти недостатки, постепенно, кстати, изживаемые Жуковским, решительно перекрываются теми новыми и ценными качествами, благодаря которым неизмеримо расширилось художественное содержание русской поэзии и ее выразительные возможности.

Жуковский, по словам Белинского, вдохнул душу в русскую поэзию. Какой бы темы ни коснулся Жуковский, она несла на себе отпечаток его личности.

Русские поэты до Жуковского вдохновлялись пафосом государственных преобразований, постижением абсолютных, всеобщих философских истин, победами разума над темнотой, науки над невежеством. Носителями общегосударственных эмоций выступали либо самодержавие, либо просвещенный монарх, например Петр I. Человек в XVIII веке еще не мыслил себя суверенным существом и потому не мог противопоставить свою этику феодально-

иерархической морали. В XVIII веке считалось, что поэтического выражения наиболее достойны чувства, имеющие общее значение для Отечества. Интимные же эмоции казались случайными, необязательными. Всеобщее замещало и вытесняло личное, но без индивидуального начала и само выглядело рационально отвлеченным, абстрактным.

В начале XIX века дворянин почувствовал себя относительно самостоятельным от государства и испытывал искреннее разочарование в навязываемой ему официальной морали. Его не удовлетворяли и отвлеченные истины. Каждое событие теперь оценивалось с личной, субъективной точки зрения. Например, патриотическая тема в оде элегии Жуковского «Певец во стане русских воинов» предстала не в своем абстрактном и всеобщем содержании, а лично пережитой. Примечательно, что главную лирическую партию в ней ведет «певец», воины же вторят ему, разделяя его чувства.

Певец славит мужество, доблесть военачальников и простых ратников и говорит от своего лица. Патриотизм — его личное чувство, теплое и душевное, лишенное расщепленности, одического «парения», риторики, столь свойственных традиционным одам классицистов. Вместе с тем это и общественное чувство, потому что певец выражает общенациональные эмоции. Жуковскому дорога идея национального единства, душевного родства воинов и поэта, союза поэзии и военного искусства. Голос певца в стихотворении стал голосом нации. Общественное чувство обрело в оде личный характер, а личное не потеряло общественного содержания. Лирическое переживание связано с идеалами всей нации, а не одного лишь дворянства или иных привилегированных слоев. Кстати, о царе упоминается вскользь и без того волнующего одушевления, с каким обращается поэт к Родине. Именно человеческое, глубоко лиричное решение патриотической темы обеспечило «Певцу во стане русских воинов» небывалый успех среди участников Отечественной войны 1812 года и передовых людей того времени. Вместе с тем Жуковский понимал, что общественные условия в России его эпохи сковывают духовные богатства человека. Гуманная личность — это исключительное, редкое явление. Она относится к тем «немногим», которые презирают «преходящие» блага и

ценят лишь блага вечные, нетленные — дружбу, любовь, доброту, чуткость, сердечность. Не находя опоры своим чувствам в современной ему действительности, поэт обращается к истокам народной культуры, к обычаям, поверьям, быту и нравам народа, к национальной истории.

Так Жуковский приходит к идее народности, выступает зачинателем народной темы в нашей поэзии. Он обрабатывает на свой лад средневековые легенды европейских народов и знакомит русскую публику с неизвестными ей старинными сюжетами. В них Жуковский рассказывает о разнообразной исторической жизни народов Запада и Востока и приобщает русское общество к истории и культуре других стран. При этом во всех переводах и переложениях отчетливо выражен гуманистический пафос Жуковского. Как бы ни были несходны средневековые легенды Англии, Шотландии и Германии, как бы ни различались восточный и европейский эпос, нравственность народов содержала общие духовные принципы. Народная мораль отдавала предпочтение внутренней красоте человека, его благородству, высоким чувствам и мыслям, а не социальному происхождению, богатству или связям. Эти народные представления отвечали личным взглядам Жуковского, человека без имени и без состояния, вынужденного в дворянском обществе утверждать себя талантом и литературным трудом. Тем самым иноземные произведения использовались поэтом при решении актуальных для России общественно-литературных задач.

По мысли Жуковского, в обществе идеальные чаяния души искажаются, но не исчезают. Их пламень согревает дружбу и любовь, гражданские и патриотические подвиги, беззлобную шутку, озорную фантазию, крылатое вдохновение и бескорыстное самопожертвование. Прекрасный идеал, о котором мечтали народы всех стран, жив, но в настоящем своем виде часто скрыт, незрим. Его нелегко распознать в реальной жизни. Поэтому подлинное содержание идеи человечности составляет томление по совершенству. Не столько даже достижение идеала, сколько порыв к нему. В этом и заключается истинное предназначение человека. Следовательно, силы, влекущие к гармонии с природой и другими людьми, заложены в нем самом, и пробудить, воспитать их и усовершенствовать должен он сам. И это один из непреложных и predetermined

ных законов, управляющих жизнью. Не нарушая, а соблюдая его, человек обретет счастье.

Вследствие этого понятно, почему внутренний мир человека стал для Жуковского источником огромной нравственной энергии, возвышающей личность и поднимающей ее над действительностью. Счастье, по убеждению поэта, возможно, ибо оно в душе человека, и никто не в силах его отнять, но одновременно оно недостижимо в суровой и жестокой реальности, где неизбежно гибнут самые лучшие, самые благородные побуждения и разбиваются прекрасные сердца.

Эти взгляды начали складываться у Жуковского рано, когда первые романтические веяния проникли в Россию, всколыхнув чувства юноши. К тому времени он получил образование в частном пансионе, затем в Тульском народном училище, а потом стал слушателем Влагородного пансиона при Московском университете. Здесь, в кругу молодых друзей, и получили развитие романтические устремления поэта. Судьба свела его с известным в те годы семейством И. П. Тургенева — ректора университета. Жуковский подружился с его сыном Андреем. Вместе с ним и другими воспитанниками он вошел в «Дружеское литературное общество», где юные романтики обсуждали волновавшие их новые идеи. Внезапная смерть Андрея Тургенева потрясла Жуковского. Юношеской дружбе он сохранил верность до конца дней. Жизнь поэта сложилась так, что ему не раз приходилось оплакивать самых близких и духовно родных людей.

Давая уроки своим племянницам, Александре Андреевне и Марии Андреевне Протасовым, Жуковский влюбился в Марию Андреевну, и она ответила ему взаимностью. Но брак не состоялся: сестра Жуковского решительно воспротивилась счастью любящих из-за религиозных соображений, не допускавших кровного родства между будущими мужем и женой. «Христианство (по ее словам), — писал Жуковский о матери Марии Протасовой, — заставляет ее отказать нам в нашем счастье; а того, что составляет характер христианки, она не имеет, той любви, которая заботится о чужой судьбе, как о собственной. Каждая минута напоминает мне о том, чего я лишен, нет никакого вознаграждения. На нашу потерю смотрит она холодными глазами эгоизма. Нет никакой отрады». Ма-

рия Андреевна Протасова и Жуковский вынуждены были расстаться. Впоследствии М. А. Протасова вышла замуж за доктора Мойера. Через творчество Жуковского прошла тема большой и драматичной любви.

С 1815 года Жуковский исполнял придворную должность чтеца при императрице Марии Федоровне, вдове Павла I. Спустя два года его пригласили учителем русского языка к принцессе Шарлотте — будущей императрице Александре Федоровне, а с 1826 года он стал воспитателем наследника престола — впоследствии царя Александра II. Служба при дворе вызывает законную тревогу друзей поэта — Пушкина, Вяземского и других. Они сомневаются, сумеет ли Жуковский сохранить присущую ему независимость. Их смущают мистические ноты в произведениях поэта, и они опасаются, не повредит ли дворцовая обстановка таланту Жуковского. Но поэт не изменяет гуманным чувствам и, находясь при дворе, заступается за несправедливо гонимых литераторов, публицистов, художников.

Педагогическое поприще поэт воспринял как гражданское служение Отечеству. С необычайной ответственностью, очень ревностно отнесся он к занятиям со своим учеником: сам составлял программы и готовил пособия.

Будучи монархистом по убеждениям и признавая законность самодержавия в России, Жуковский, однако, хотел видеть царей более образованными, воспитанными, человечными. Его идеалом был просвещенный абсолютизм, и поэт пытался посеять в душе наследника семена добра, пробудить в нем чувство неудовлетворенности, уважения к законам, к личным правам, достоинству людей и их мнениям. Через воспитание наследника он надеялся изменить ход русской истории. Это была, конечно, трагическая иллюзия. Жуковский испытал глубокое разочарование: его мечты о просвещенном, гуманном и деятельном самодержце, образованию и воспитанию которого он отдал столько трудов и сил в пору своей творческой зрелости, рушились одна за другой. И хотя будущий царь ценил Жуковского как человека, он не следовал его советам. Поэту не удалось победить ни лени, ни малоподвижности ума высокородного отрока. Он часто наталкивался на глухое, упорное сопротивление и тупое своеволие. Как понял вскоре и сам Жуковский, причина гибели его

надежд на совместимость гуманности с монархизмом заключалась в том, что абсолютная власть, основанная на произволе, — враг человечности.

В 1841 году Жуковский вышел в отставку, женился на Елизавете Рейтерн, дочери художника. Но счастье продолжалось недолго: у жены поэта обнаружилось расстройство психики, и жизнь временами казалась ему невыносимой.

Воспоминания современников донесли до нас задумчивый, мечтательный, а иногда и радостный облик Жуковского. Часто встречавшиеся с поэтом А. И. Тургенев, Вяземский, Пушкин и близкие к их кругу литераторы любили его. Пушкин, например, ценил и доброе сердце, и верность Жуковского в дружбе, и его громадное лирическое дарование.

Без Жуковского нельзя представить всю новейшую русскую поэзию. Ему обязаны не только Пушкин, но и все крупные поэты начала XIX века, не исключая декабристов, которые по своим общественным устремлениям, казалось бы, Жуковскому чужды. Именно Жуковский заставил слово естественно и легко передавать самые тонкие переживания человека.

Органическую сопряженность поэзии и жизни в творчестве Жуковского уловили уже современники. «До Жуковского, — писал Белинский, — никто и не подозревал, чтоб жизнь человека могла быть в тесной связи с его поэзией и чтоб произведения поэта могли быть вместе и лучше его биографией». Но эта связь достаточно сложна.

Единственная тема и основное содержание лирики Жуковского — душа. Думам о ней и посвящена его поэзия. И все-таки Жуковский-поэт нетождествен Жуковскому-человеку. Он создает в лирике обобщенный образ. Лирический герой поэта и совпадает с личностью автора, и не совпадает с нею. Из своей биографии Жуковский выбирает не столько житейски достоверные факты, сколько рисующие мыслимую им идеальную судьбу. Так, например, любое событие в жизни Жуковского — встречи и объяснения с Марией Протасовой, вид моря или придворный праздник — теряет свою жизненную конкретность и становится вехой обобщенной участи поэта. Например, из стихотворений «Лалла Рук» и «Явление поэзии в виде Лалла Рук» мы ничего не узнаем о придворном празднике, о деталях обстановки, об оформлении и

прочем. Праздник — это лишь часть душевной жизни самого поэта. Жуковский, отвлекаясь от предметных изображений в элегиях «На кончину ее величества королевы Виртембергской» и «Славянка» и отсылая читателя к подробным примечаниям, выражает настроенность своей души, то эмоциональное волнение, которое слилось у него с трагическими или светлыми событиями. Биографические сведения в их подлинности не интересуют Жуковского-лирика. Они приобретают значение только в соотношении с общей долей человека и с представлением поэта о заранее предначертанном ему пути. Поэтому можно сказать, что узоры лирических переживаний вышиваются не по канве биографии поэта, а по канве символической судьбы, предназначенность которой он чувствует.

Каждое стихотворение становится отдельным моментом душевной жизни и отражает духовный облик поэта. Лирика в целом — это постепенно разворачивающаяся во времени панорама сложного внутреннего мира, ценность которого заключена в гуманных устремлениях.

В программном стихотворении «Теон и Эсхин» возвышенной личной морали нет преград, способных свернуть человека с избранного пути. Ничто не может заставить мудреца Теона уклониться с верной нравственной стези и унизить свою чистую душу.

При мысли великой, что я человек,
Всегда возвышаюсь душою, —

говорит он Эсхину. Даже горькие утраты не ослабляют силы его духа, ибо

Все в жизни к великому средство...

Однако гуманным порывам души в творчестве Жуковского всегда противостоят препятствия. Высоким и благородным чувствам угрожает общий закон земного бытия, предопределяющий их раннюю гибель, обычно в момент торжественного расцвета. Прекрасную человеческую душу на утре дней неожиданно похищает неумолимая смерть. Жуковский предельно сближает наивысший миг устремленности к идеалу и роковую его обреченность. Наслаждение природой, восторг вдохновения, нежную

любовь, дружескую привязанность неизменно подстерегает катастрофа. Вследствие этого самое пылкое чувство слито в поэзии Жуковского с грустным раздумьем. Печальный тон его поэзии зависит, таким образом, не от частных причин, не от того, что автор меланхолик по натуре, а от его мирозерцания.

Нет сомнения, что эти настроения в своеобразной форме отразили глубокую неудовлетворенность поэта русской действительностью, где рушились его мечты, где оказалось невозможным его личное семейное счастье, где самым благородным помыслам Жуковского и его лучших друзей противостояли деспотизм, сословные предрассудки, эгоистическая мораль, корыстолюбие, чинопочитание, презрение к достоинству человека. Вместе с тем в них запечатлелись и горячая вера Жуковского в высокое предназначение человека, в его волю, стойкость и способность преодолеть любые преграды.

В согласии с этими взглядами Жуковский разделил бытие на два мира — идеальный и реальный. Они оба живут в человеческой душе, в которой происходит постоянный разлад: принужденная испытывать жизненные тяготы, душа всегда устремлена за пределы земного мира, в далекий край духовного совершенства и красоты. Так рождается преимущественно меланхолический тон сердечных лирических признаний поэта.

В элегии «Вечер» певец готов начать свою песнь во славу жизни, но счастливый «удел» недолговечен: его нарушает мысль о смертной участи:

Так, петь есть мой удел... но долго ль?.. Как узнать?

Ах! скоро, может быть, с Минваною унылой

Придет сюда Альпин в час вечера мечтать

Над тихой юноши могилой!

Переживание торжества духовных сил сменяется предчувствием неизбежной кончины человека. В стихотворении освещается вся жизнь поэта, его заветные мечты, его призвание, его порывы и душевные муки. Каким сложным, многообразным, противоречивым и вместе с тем близким предстал в стихотворении поэт!

Жуковский считал, что самое трудное в лирике — схватить текущее переживаний. Ни мысль, ни чувство

неостановимы, их нельзя удержать, они мимолетны. Слово же в его логическом значении закрепляет и как бы омертвляет непрекращающееся течение чувства и дум и потоку никогда точно не может выразить ощущение. Можно легко запечатлеть, например, картину пышного заката или «пламень облаков, по небу тихому летящих». «Сии столь яркие черты, — пишет в стихотворении «Невыразимое» Жуковский, — легко... ловит мысль крылата...» Но то, что чувствует человек в связи с картинами природы, что возникает в нем при созерцании их, — недоступно верному выражению. Но ведь у любого поэта, и Жуковского в том числе, нет другого средства, кроме словесного, чтобы выразить волнующие его чувства. Поэт не может обойтись без слова. Следовательно, необходимо расширить заложенные в слове смысловые и эмоциональные возможности.

Русская поэзия до Жуковского опиралась на предметные и переносные значения слов. Вот почему поэтический язык предшествующей Жуковскому лирики не был приспособлен к выражению сложной и противоречивой душевной жизни. Жуковский пробудил дремавшие до него в слове эмоциональные смыслы или, как их обычно называют, эмоциональные ореолы. Он использовал слово не столько для называния, точного определения своих ощущений, сколько для передачи настроения. Жуковский как бы навевает на читателя свои переживания, увлекая и «заражая» ими. Его сердце звуками, стихами, интонациями «музыкально» переливается в сердце читателя. Так устанавливается прочное психологическое родство между поэтом и нами.

Сложный, изменчивый миг душевного состояния, неподвластный выражению, оказывается выразимым и внятным. Небольшой отрывок (стихотворение «Невыразимое» имеет подзаголовок: «Отрывок») душевной жизни на краткий срок остановлен, словно задержанный вздох, и в нем неожиданно открылось необъятное содержание.

Жуковский перестроил поэтическую речь и преобразовал поэтический язык, чтобы свободно передать те самые текущие переживания, которые, по его мнению, не поддавались точному словесному воспроизведению.

Весь зримый предметный мир, его картины и события стали как бы отражением души, ее произведением. Вот первая строфа элегии «Вечер»:

Ручей, виющийся по светлому песку,
Как тихая твоя гармония приятна!
С каким сверканием катишься ты в реку!
Приди, о муза благодатна...

Начав с описания ручья, Жуковский неожиданно призывает музу. Есть ли тут логическая связь между ручьем и музой? На первый взгляд переход к музе неправомерен. Однако логика соблюдена, но логика не рациональная, а логика чувства, переживания.

Жуковский описывает ручей, но его не интересует ручей как некое явление природы. Зато поэт полно передает впечатление, какое произвел на него поток. Во втором стихе — «Как тихая твоя гармония приятна!» — Жуковский отвлекается от конкретных, предметных признаков. Ему «приятен» не сам ручей, а его «тихая гармония». Слово «гармония», отнесенное к ручью, необычно. В обыденной речи сказать «гармония ручья» неловко, но в тексте Жуковского слово «гармония» вызывает эмоциональные переключки с душой поэта, исполненной глубоких волнений. К тому же «гармония» «приятна» и особенна: она «тихая». Слово «тихая» употреблено, конечно, не в прямом значении — «не шумная», «спокойная» (ср.: шумная, бурная гармония), а в переносном — «мирная», «умиротворенная».

Из описания Жуковского мы узнаем, какое настроение рождает ручей у поэта, какие переживания навевает его вид. Следовательно, между душой поэта и природой устанавливается интимная связь: виющийся ручей близок душе Жуковского своим «сверканием», своей «тихой гармонией». Душа поэта в описываемую минуту светла, тиха своей внутренней умиротворенной гармонией. Изображая природу, Жуковский, с одной стороны, схватывает такие ее признаки, которые созвучны его настроениям и переживаниям, а с другой — в образах природы запечатлевает свое эмоциональное состояние. Ведь это его душа полна оживленной сосредоточенности, ведь это на нее снизошла тихая гармония. Так природный пейзаж становится под пером поэта «пейзажем души». А слово «гармония» всегда сочеталось со словом «поэзия». Поэзия и есть гармония звуков, слов, чувств и мыслей. Вот почему, наблюдая журчание ручья, поэт вспомнил о музе. Его душа уже

готова к творчеству, она уже предчувствует приближение вдохновения, она настроена на лирическую волну.

Жуковский оживил «спавшие» в слове эмоциональные ассоциации, выдвинул их на первый план. Благодаря его поэтическому новаторству пришедшие вслед за ним русские поэты могли непосредственно и психологически конкретно выражать свои душевные переживания. Слово со времен Жуковского обрело способность запечатлевать самые тонкие, едва уловимые, изменяющиеся оттенки настроений, слитых с теми или иными предметами и явлениями. Теперь каждое событие могло быть воссоздано и в его личном, индивидуальном освещении.

Создавая лирику сердечного раздумья, Жуковский привил русской поэзии вкус к стилистически уместному в данном лирическом контексте слову. Слова сочетались между собой постольку, поскольку они принимали единообразную стилистическую окраску. В стихотворении «Невыразимое» есть строки:

Как прилетевшее незапно дуновение
От луга родины, где был когда-то цвет...

В обычной речи нельзя сказать «луг родины». Но в речи Жуковского выражение «луг родины» возможно. «Луг» у него — это не какое-то определенное место, не деревенский луг, а цветущая страна юношеских стремлений. Недаром Жуковский пишет: «...где был когда-то цвет». Но и «цвет» — не какой-нибудь полевой цветок, а наслаждение жизнью, здоровьем, молодостью, прекрасные мечты и сладостные упования.

Задача поэта, по убеждению Жуковского, состоит не в том, чтобы точно, в конкретных чертах, обрисовать идеал, а чтобы намекнуть на него, увлечь им, «заразить» образом совершенства и пробудить неодолимое желание его достичь. Душа у него словно «поет», изливается исходящей изнутри «музыкой». С целью дать «голос» самой душе, озвучить игру ее настроений поэт часто варьирует близкие по смыслу слова, повторяет одинаковые. Вот, например, характерное использование обертонных, родственных в стилистическом и эмоциональном значении слов, в элегии «Вечер»:

Уж вечер... облаков померкнули края, и последний
Последний луч зари на башнях умирает;
Последняя в реке блестящая струя
С потухшим небом угасает.

Ключевое слово «вечер» определяет стилистику строфы: с ним по значениям и эмоциональному наполнению согласуются слова «померкнули», «умирает», «потухшим», «угасает», поддержанные повторами («последний», «последняя»).

Жуковский широко использует вопросительные и восклицательные конструкции, которые, так же как и паузы, образуют «мелодию» души. Вопросы, например, несколько не содержат, не требуют каких-либо ответов и не подразумевают их (в отличие от вопросительных предложений в обычной речи и от риторических вопросов), а выявляют лишь чувства поэта, его волнение, его задумчивость. Они обращены и направлены не к собеседникам, а к самому себе:

Где вы, мои друзья, вы, спутники мои?
Ужели никогда не зреть соединенья?
Ужель иссякнули всех радостей струи?

Тут душа откликается на собственные думы и внимает им.

Жуковский преобразовал не только поэтический язык, но и жанры. По установившейся традиции, выражение интимных чувств было закреплено за «средними» жанрами — элегией, посланием, песней, романсом. Они и выдвинулись в лирике Жуковского на первый план.

В жанре послания, например, поэты делились мыслями и чувствами об устройстве жизни, продолжали в стихах литературную полемику. Словом, бывший некогда на литературной периферии жанр, вместив в себя общественно важное содержание, обнаружил большие возможности. Этим объяснялось как обращение к нему, так и его неслыханная до тех пор популярность.

То же самое произошло и с элегией, обновленной Жуковским. Элегия под пером поэта стала самым представительным жанром. И конечно, не потому только, что держала личные переживания поэта. Ведь элегия — это обычно грустная, жалобная песнь. Но грусть может быть

разной, и печальное настроение приходит к человеку по разным поводам, подчас незначительным. Элегия Жуковского содержала грустную думу о жизни. В ней выразилось его глубокое разочарование в участи человека и всего юного, светлого, прекрасного. В элегиях Жуковский пел о неосуществимых надеждах, о скоротечности молодости, о роковой краткости любви и дружбы, о вспышках поэтического озарения, об отдаленном идеале блаженства. Содержание жанра неизмеримо расширилось, философски углубилось, приобрело значение, близкое большим художественным формам — драме, трагедии, роману.

Тема, например, элегии «На кончину ее величества королевы Виртембергской» вполне традиционна: смерть. Но Жуковский осмыслил ее по-новому. Чувство печали, охватившее его, относится не только к королеве. Жуковский видит в умершей прежде всего человека, его юную душу, расцветшую и прекрасную, полную жизни, ликования, радости и вдруг внезапно угасшую. Молодость и гибель, красота и тление — вот коллизия, привлекавшая Жуковского, за которой встает иной, символический контраст — земное (реальный мир) и небесное (идеальный). В этом свете и человек с его высокими душевными порывами — мгновенный «небесный посетитель», недолго погостивший «на земле». Неожиданный и случайный факт — смерть юной и очаровательной женщины — Жуковский обобщил и возвел в степень общей закономерности. Образы беспощадной Судьбы, грозной Силы, коварного и неумолимого Рока властвуют над человеком в реальной действительности.

Прекрасное погубило в пышном цвете...

Таков удел прекрасного на свете! —

заключает Жуковский первую строфу, давая ключ к философскому размышлению над тайнами бытия. Неизбежная гибель красоты, лучших надежд, стремлений в час цветения — так переосмыслил Жуковский древнюю тему смерти. Его элегическая грусть о печальной участи человека обернулась скорбной жалобой о несовершенстве земной жизни:

О наша жизнь, где верны лишь утраты,

Где милому мгновенье лишь дано...

Эта общая доля личности и всех ее духовных проявлений неизменно волнует Жуковского на протяжении его творчества.

Столь же глубокое философское содержание скрывают и его баллады, жанр, преобразованный поэтом. Недалом Жуковского называли балладником.

Жуковский, как правило, брал чужие сюжеты. Лишь немногие баллады поэта оригинальны по замыслу. Но, «присваивая» вошедшие в литературный обиход сюжеты, поэт их преобразовывал на свой лад. Среди баллад Жуковского обычно выделяют три разновидности: «русские» («Людмила», «Светлана», «Двенадцать спящих дев»), «средневековые», или «рыцарские» («Эолова арфа», «Замок Смальгольм, или Иванов вечер», «Рыцарь Тогенбург», «Кубок», «Суд Божий над епископом», «Роланд оруженосец» и др.), «античные» («Кассандра», «Ахилл», «Ивиковы журавли», «Жалоба Цереры», «Элевзинский праздник»).

Все баллады строятся на каком-нибудь легендарном предании, непременно чудесном. Это либо действие сверхъестественной силы, либо ужасный случай, либо непредвиденное событие или происшествие, которое неожиданно поворачивает судьбы персонажей и устремляет ситуацию в новое сюжетное русло.

В ту пору, когда Жуковский выступил со своими балладами, категория чудесного привлекала к себе пристальное внимание. По поводу ее истолкования и границ включения чудесного в литературу классицисты спорили с романтиками. Чудесное — нечто исключительное, не поддающееся логическому объяснению. В своих крайних выражениях чудесное выливается в фантастику. Благодаря чудесным событиям человек того времени пытался проникнуть в суть жизненных фактов, которые еще не мог понять, но уже ощущал и чувствовал.

Сам сюжет обычно трактуется Жуковским в лирическом свете. Например, в «Эоловой арфе» для развития сжатого и сгущенного действия, изобилующего недосказанностями, недомолвками, существенны две лирические партии, которые ведут герои — бедный певец Арминий и его возлюбленная Минвана. В «Жалобе Цереры» античный миф служит сюжетной канвой для излияния материнских чувств Цереры, оторванной волей богов от своей дочери Прозерпины.

Жуковский в балладах не дает развернутых сюжетов, он сосредоточивается на наиболее важных событиях. Его баллады, как правило, фрагментарны, эпизодичны, но это не значит, что эпическое начало для поэта несущественно. Напротив, сюжет («склад», по выражению поэта) сам богат содержанием. Например, журавли, пролетевшие над Ивиком в минуту его гибели, потом становятся невольными вестниками возмездия.

В балладах Жуковского высокие нравственные чувства почти всегда торжествуют над низменными, своекорыстными. Но победа их наступает лишь в том случае, если сам человек остается верен своим убеждениям и привязанностям. И все-таки добро далеко не всесильно. Порою в земной жизни оно терпит крах, и в этом заключена сложность души человека и обстоятельств, с которыми он сталкивается. Разлучены Альсим и Алина, принужденная выйти замуж против воли, умирает Арминий, томится в тоске Церера. Баллады намекают на необычность отношений человека с миром, на странную и страшную связь с потусторонними явлениями, связь, которая предполагает как бы более глубокую причинную зависимость, чем видимая глазу. Сюжеты баллад Жуковского, включая и жестокие преступления, и несостоявшуюся любовь, и роковую подчиненность судьбе, и героические подвиги, и страстные томления, и жертвенность, постоянно обращаются к той таинственной силе вещей, которая тяготеет над человеком, повелевает им и заставляет следовать ей и подчиняться. Эта сила неизменно чудесная — будь то воля богов в античных балладах или предначертания христианской религии. Она не всегда выступает благой, но в конечном счете все же обнаруживает — даже в ущерб конкретному человеку — просветляющий нравственный смысл.

Понятно, что переплетение обыденного с чудесным, проникновение чудесного в обыкновенную жизнь образует исключительную ситуацию, которая как раз и проясняет стоящий над человеком закон, делает его доступным и «учит» смиряться перед ним. Таким образом, баллада как жанр дает возможность философско-поэтически истолковывать ее сюжеты.

Столь же естественна и устремленность баллады к национальной характерности, подмеченная и подхваченная Жуковским. Например, воля богов в античных балладах

осмыслена поэтом как своеобразное мирозерцание древнего человека на заре цивилизации. Все события и переживания персонажей вытекают из этой коренной предпосылки, а отсюда возникает стремление выразить психологию, речь, поступки в соответствии с историческим и национальным колоритом.

Заслуга Жуковского состоит в том, что он не поддался искушению изобразить лишь внешние атрибуты античности. Он не прибег к декоративности описаний, а положил начало традиции, преследующей постижение строя мыслей, чувств, переживаний. Те же принципы характерны и для «русских», и для «средневековых» баллад. Например, характер Светланы — героини одноименной баллады — слагается под влиянием народной нравственности. Светлану окружает простонародный быт, действие баллады открывается святочным гаданием. Собравшиеся подружки поют «песенки подблюдны». Жуковский широко вводит в балладу фольклорные элементы, приметы старины, зимний русский пейзаж. Мотив ожидания суженого поддержан национальными обычаями и верованиями. Народный колорит отражает стойкость героини и окрашивает ее романтическую любовь в исконно «русские» тона. Этому способствуют и народно-поэтические образы баллады. Но, конечно, Жуковский, воспроизводя национальный элемент в балладах «Людмила», «Светлана», «Двенадцать спящих дев» и уже широко привлекая русские обычаи, фольклор, еще только угадывал существо народного мирозерцания, и поэтому народность даже лучших баллад Жуковского не была глубокой. Тем не менее поиски Жуковского не пропали даром.

Судьбы героев Жуковского часто зависят от усвоения ими народных этических представлений, например любовной верности. Людмила и Светлана — романтические героини, ожидающие женихов с войны. Но Людмила не поверила в свое счастье и возроптала на свою долю, а Светлана, несмотря на душевные муки, осталась верна своему чувству, и поэт заключил балладу счастливым концом, даровав своей героине земную любовь.

Человек, как бы хочет сказать Жуковский, поступает по своей воле, но за ней стоит нечто большее. В мире добрые силы борются со злыми, и душа становится полем их битвы. Поэтому совсем не безразлично, какой нравствен-

ный потенциал заключен в человеке, влекут ли его суетные соблазны или благородные помыслы. Как бы ни была predetermined человеческая судьба, выбор дороги зависит и от самой личности. И чем непосредственнее влечение к добру, тем оно вернее поможет достойному выбору, тем личность активнее противостоит мелкому, пошлому и косному. Опираю же своим возвышенным чувствам человек всегда найдет в нравственном опыте народа. Людмила отчаялась, ожидая жениха, и не поверила в свое счастье:

Сердце верить отказалось!

Вопреки доводам и уговорам матери она осталась непреклонной. Продолжая любить суженого, Людмила уже не надеется на взаимное счастье. Но вот появляется тень, призрак возлюбленного, и героиня вся отдается чувству.

Критики упрекали Жуковского за то, что его героиня, несмотря на очевидные роковые предзнаменования, все-таки отваживается скакать на коне в мрачную обитель жениха-мертвеца. Людмиле безразлично, где — в раю или в аду — будет она, лишь бы быть вместе с женихом. Матери она говорит:

«Что, родная, муки ада?
Что небесная награда?
С милым вместе — всюду рай;
С милым розно — райский край
Безотрадная обитель».

То же самое она повторяет и жениху:

«Что до мертвых? что до гроба?
Мертвых дом земли утроба».

Героиня Жуковского поступает не в согласии с рассудком, а в соответствии с чувством. У любви свои резоны: она не подчиняется здравому смыслу. Но, отказавшись верить в счастье, возроптав на свою судьбу, она как бы бросила вызов могущественным силам и была наказана ими.

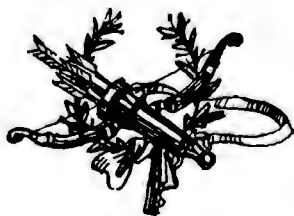
Баллада, основанная на чудесном, чисто фантастическом происшествии, отстаивала как правоту человеческого сердца, так и гуманные этические принципы, сложив-

шиеся в ходе исторической жизни народов. Подлинный гимн человеку и обществу, построенному на благородных и прекрасных нравственных началах, Жуковский пропел в «Элевзинском празднике».

Поэзия Жуковского открыла русскому читателю романтический мир страстей, таинственных преданий, сложность и психологическую глубину личности. Жуковский расширил умственный кругозор русского общества, познакомив его с особенностями художественной культуры других народов. Его переводы и переложения — неотъемлемая часть отечественной литературы. Жуковский внес в поэзию новые темы и мотивы, преодолел сухое, рационалистическое отношение к слову, которое в его поэзии обрело способность к выражению подчас неуловимых движений сердца. Новаторская поэтика Жуковского оказала мощное и благотворное влияние на творчество Пушкина, Баратынского, Языкова, Дельвига, Рылеева, Козлова. Она была подхвачена и развита впоследствии Тютчевым, Лермонтовым, Фетом, Полонским, Блоком.

Жуковский остается дорог и нам, людям другого времени, которым близки и понятны надежды поэта на разум, доброе сердце, непобедимую духовность и на неослабевающее стремление человека к нравственному совершенству.

В. И. Коровин

СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Элегия

Уже бледнеет день, скрываясь за горою;
Шумящие стада толпятся над рекой;
Усталый селянин медлительной стопой
Идет, задумавшись, в шалаш спокойный свой.

В туманном сумраке окрестность исчезает...
Повсюду тишина; повсюду мертвый сон;
Лишь изредка, жужжа, вечерний жук мелькает,
Лишь слышится вдали рогов унылый звон.

Лишь дикая сова, таясь под древним сводом
Той башни, сетует, внимаема луной,
На возмутившего полуночным приходом
Ее безмолвного владычества покой.

Под кровом черных сосн и вязов наклоненных,
Которые окрест, развесившись, стоят,
Здесь праотцы села, в гробах уединенных
Навеки затворясь, сном непробудным спят.

Денницы тихий глас, дня юного дыханье,
Ни крики петуха, ни звучный гул рогов,
Ни ранней ласточки на кровле щебетанье —
Ничто не вызовет почивших из гробов.

На дымном очаге трескучий огонь, сверкая,
Их в зимни вечера не будет веселить,

И дети резвые, встречать их выбегая,
Не будут с жадностью лобзаний их ловить.

Как часто их серпы златую ниву жали
И плуг их побеждал упорные поля!
Как часто их секир дубравы трепетали
И потом их лица кропилася земля!

Пускай рабы сует их жребий унижают,
Смеясь в слепоте полезным их трудам,
Пускай с холодностью презрения внимают
Таящимся во тьме убогого делам;

На всех ярится смерть — царя, любимца славы,
Всех ищет грозная... и некогда найдет;
Всемогущия судьбы незыблемы устavy:
И путь величия ко гробу нас ведет!

А вы, наперсники фортуны ослепленны,
Напрасно спящих здесь спешите презирать
За то, что гробы их непышны и забвенны,
Что леств им алтарей не мыслит воздвигать.

Вотще над мертвыми, истлевшими костями
Трофеи зиждутся, надгробия блестят,
Вотще глас почестей гремит перед гробами —
Угасший пепел наш они не воспалят.

Ужель смягчится смерть сплетаемой хвалою
И невозвратную добычу возвратит?
Не слаще мертвых сон под мраморной доскою;
Надменный мавзолей лишь персть их бременит.

Ах! может быть, под сей могилою таится
Прах сердца нежного, умевшего любить,
И гробожитель-червь в сухой главе гнездится,
Рожденной быть в венце иль мыслями парить!

Но просвещения храм, воздвигнутый веками,
Угрюмою судьбой для них был затворен,
Их рок обременил убожества цепями,
Их гений строгою нуждою умерщвлен.

Как часто редкий перл, волнами сокровенный,
В бездонной пропасти сияет красотой;
Как часто лилия цветет уединенно,
В пустынном воздухе теряя запах свой.

Быть может, пылью сей покрыт Гампден надменный,
Защитник сограждан, тиранства смелый враг;
Иль кровию граждан Кромвель необагранный,
Или Мильтон немой, без славы скрытый в прах.

Отечество хранить державною рукою,
Сражаться с бурей бед, фортуны презирать,
Дары обилия на смертных лить рекою,
В слезах признательных дела свои читать —

Того им не дал рок; но вместе преступленьям
Он с доблестями их круг тесный положил;
Бежать стезей убийств ко славе, наслажденьям
И быть жестокими к страдальцам запретил;

Таить в душе своей глас совести и чести,
Румянец робкия стыдливости терять
И, раболепствуя, на жертвенниках лести
Дары небесных муз гордыне посвящать.

Скрываясь от мирских погибельных смятений,
Без страха и надежд, в долине жизни сей,
Не зная горести, не зная наслаждений,
Они беспечно шли тропинкою своей.

И здесь спокойно спят под сенью гробовою —
И скромный памятник, в приюте сосн густых,

С непышной надписью и рёзьбою простою,
Прохожего зовет вздохнуть над прахом их.

Любовь на камне сем их память сохранила,
Их лёта, имена потщившись начертать;
Окрест библейскую мораль изобразила,
По коей мы должны учиться умирать.

И кто с сей жизнью без горя расставался?
Кто прах свой по себе забвенью предавал?
Кто в час последний свой сим миром не пленялся
И взора томного назад не обращал?

Ах! нежная душа, природу покидая,
Надеется друзьям оставить пламень свой;
И взоры тусклые, навеки угасая,
Еще стремятся к ним с последнею слезой;

Их сердце милый глас в могиле нашей слышит;
Наш камень гробовой для них одушевлен;
Для них наш мертвый прах в холодной урне дышит,
Еще огнем любви для них воспламенен.

А ты, почивших друг, певец уединенный,
И твой ударит час, последний, роковой;
И к гробу твоему, мечтой сопровождаемый,
Чувствительный придет услышать жребий твой.

Быть может, селянин с почтенной сединою
Так будет о тебе пришельцу говорить:
«Он часто по утрам встречался здесь со мною,
Когда спешил на холм зарю предупредить.

Там в полдень он сидел под дремлющею ивой,
Поднявшей из земли косматый корень свой;
Там часто, в горести беспечной, молчаливой,
Лежал, задумавшись, над светлою рекой;

Нередко ввечеру, скитаясь меж кустами, —
Когда мы с поля шли и в роще соловей
Свистал вечерню песнь, — он томными очами
Уныло следовал за тихою зарей.

Прискорбный, сумрачный, с главою наклоненной,
Он часто уходил в дубраву слезы лить,
Как странник, родины, друзей, всего лишенный,
Которому ничем души не усладить.

Взошла заря — но он с зарею не являлся,
Ни к иве, ни на холм, ни в лес не приходил;
Опять заря взошла — нигде он не встречался;
Мой взор его искал — искал — не находил.

Наутро пение мы слышим гробовое...
Несчастливого несут в могилу положить.
Приблизься, прочитай надгробие простое,
Чтоб память доброго слезой благословить».

*Здесь пепел юноши безвременно сокрыли,
Что слава, счастье, не знал он в мире сем.
Но музы от него лица не отвертели,
И меланхолии печать была на нем.*

Он кроток сердцем был, чувствителен душою —
Чувствительным Творец награду положил.
Дарил несчастных он — чем только мог — слезою;
В награду от Творца он друга получил.

*Прохожий, помолись над этою могилой;
Он в ней нашел приют от всех земных тревог;
Здесь всё оставил он, что в нем греховно было,
С надеждою, что жив его Спаситель-Бог.*

Май — сентябрь 1802

ДРУЖБА

Скатившись с горной высоты,
Лежал на прахе дуб, перунами разбитый;
А с ним и гибкий плющ, кругом его обвитый.
О Дружба, это ты!

1805

ВЕЧЕР

Элегия

Ручей, виющийся по светлomu песку,
Как тихая твоя гармония приятна!
С каким сверканием катѣшься ты в реку!
Приди, о муза благодатна,

В венке из юных роз, с цевницею златой;
Склонись задумчиво на пенистые воды
И, звуки оживив, туманный вечер пой
На лоне дремлющей природы.

Как солнца за горой пленителен закат, —
Когда поля в тени, а рощи отдаленны
И в зеркале воды колеблющийся град
Багряным блеском озаренны;

Когда с холмов златых стада бегут к реке
И рева гул гремит звучнее над водами;
И, сети склав, рыбак на легком челноке
Плывет у берега меж кустами;

Когда пловцы шумят, скликаясь по стругам,
И веслами струи согласно рассекают;
И, плуги обратив, по глыбистым браздам
С полей оратаи съезжают...

Уж вечер... облаков померкнули края,
Последний луч зари на башнях умирает;
Последняя в реке блестящая струя
С потухшим небом угасает.

Всё тихо: рощи спят; в окрестности покой;
Простершись на траве под ивой наклоненной,
Внимаю, как журчит, сливаясь с рекой,
Поток, кустами осененный.

Как слит с прохлагою растений фимиам!
Как сладко в тишине у берега струй плесканье!
Как тихо веянье зефира по водам
И гибкой ивы трепетанье!

Чуть слышно над ручьем колышется тростник;
Глас петела вдали уснувши будит сёлы;
В траве коростеля я слышу дикий крик,
В лесу стенанье филомелы...

Но что?.. Какой вдали мелькнул волшебный луч?
Восточных облаков хребты воспламенились;
Осыпан искрами во тьме журчащий ключ;
В реке дубравы отразились.

Луны ущербный лик встает из-за холмов...
О тихое небес задумчивых светило,
Как зыблется твой блеск на сумраке лесов!
Как бледно брег ты озлатило!

Сижу задумавшись; в душе моей мечты;
К протекшим временам лечу воспоминаньем...
О дней моих весна, как быстро скрылась ты
С твоим блаженством и страданьем!

Где вы, мои друзья, вы, спутники мои?
Ужели никогда не зреть соединенья?
Ужель иссякнули всех радостей струи?
О вы, погибши наслажденья!

Обратья! о друзья! где наш священный круг?
Где песни пламенны и музам и свободе?
Где Вакховы пиры при шуме зимних вьюг?
Где клятвы, данные природе,

Хранить с огнем души нетленность братских уз?
И где же вы, друзья?.. Иль всяк своей тропой,
Лишенный спутников, влача сомнений груз,
Разочарованный душою,

Тащиться осужден до бездны гробовой?..
Один — минутный цвет — почил, и непробудно,
И гроб безвременный любовь кропит слезой.
Другой... о Небо правосудно!..

А мы... ужель дерзнем друг другу чужды быть?
Ужель красавиц взор, иль почестей исканье,
Иль суетная честь приятным в свете слыть
Загладят в сердце воспоминанье

О радостях души, о счастье юных дней,
И дружбе, и любви, и музам посвященных?
Нет, нет! пусть всяк идет вослед судьбе своей,
Но в сердце любит незабвенных...

Мне рок судил: брести неведомой стезей,
Быть другом мирных сел, любить красы природы,
Дышать под сумраком дубравной тишиной
И, взор склонив на пенны воды,

Творца, друзей, любовь и счастье воспевать.
О песни, чистый плод невинности сердечной!

Блажен, кому дано цевницей оживлять
Часы сей жизни скоротечной!

Кто, в тихий утра час, когда туманный дым
Ложится по полям и холмы облачает
И солнце, восходя, по рощам голубым
Спокойно блеск свой разливают,

Спешит, восторженный, оставя сельский кров,
В дубраве упредить пернатых пробужденье
И, лиру соглася с свирелью пастухов,
Поет светила возрожденье!

Так, петь есть мой удел... но долго ль?.. Как узнать?..
Ах! скоро, может быть, с Минваною унылой
Придет сюда Альпин в час вечера мечтать
Над тихой юноши могилой!

Май — июль 1806

ПЕСНЯ

Мой друг, хранитель-ангел мой,
О ты, с которой нет сравненья,
Люблю тебя, дышу тобой;
Но где для страсти выраженья?
Во всех природы красотах
Твой образ милый я встречаю;
Прелестных вижу — в их чертах
Одну тебя воображаю.

Беру перо — им начертать
Могу лишь имя незабвенной;
Одну тебя лишь прославлять
Могу на лире восхищенной:
С тобой, один, вблизи, вдали.
Тебя любить — одна мне радость;

Ты мне все блага на земли;
Ты сердцу жизнь, ты жизни сладость.

Моя душа твоя

Моя. В пустыне, в шуме городском
Одной тебе внимать мечтаю;
Твой образ, забываясь сном,
С последней мыслию сливаю;
Приятный звук твоих речей
Со мной во сне не расстаётся;
Проснусь — и ты в душе моей
Скорей, чем день очам коснется.

Ах! мне ль разлуку знать с тобой?
Ты всюду спутник мой незримый;
Молчишь — мне взор понятен твой,
Для всех других неизъяснимый;
Я в сердце твой приемлю глас;
Я пью любовь в твоём дыханье...
Восторги, кто постигнет вас,
Тебя, души очарованье?

Тобой и для одной тебя
Живу и жизнью наслаждаюсь;
Тобою чувствую себя;
В тебе природе удивляюсь.
И с чем мне жребий мой сравнить?
Чего желать в толь сладкой доле?
Любовь мне жизнь — ах! я любить
Еще стократ желал бы боле.

1 апреля 1808

ПУТЕШЕСТВЕННИК

Песня

Дней моих еще весною
Отчий дом покинул я;
Всё забыто было мною —
И семейство и друзья.

В ризе странника убогой,
С детской в сердце простотой,
Я пошел путем-дорогой —
Вера был вожатый мой.

И в надежде, в уверенье
Путь казался недалек,
«Странник, — слышалось, — терпенье!
Прямо, прямо на восток.

Ты увидишь храм чудесный;
Ты в святилище войдешь;
Там в нетленности *небесной*
Всё *земное* обретешь».

Утро вечером сменялось;
Вечер утру уступал;
Неизвестное скрывалось;
Я искал — не обретал.

Там встречались мне пучины;
Здесь высоких гор хребты;
Я взбирался на стремнины;
Чрез потоки стлал мосты.

Вдруг река передо мною —
Вод склоненье на восток;
Вижу зыблемый струею
Подле берега челнок.

Я в надежде, я в смятенье;
Предаю себя волнам;
Счастье вижу в отдаленье;
Всё, что мило, — мнится — там!

Ах! в безвестном океане
Очутился мой челнок;
Даль по-прежнему в тумане;
Брег невидим и далек.

И вовеки надо мною
Не сольется, как поднесь,
Небо светлое с землею...
Там не будет вечно здесь.

1809

ПЕСНЬ АРАБА НАД МОГИЛОЮ КОНЯ

Сей друг, кого и ветер в полях не обгонял,
Он спит — на зыбкий одр песков пустынных пал.

О путник, со мною страданья дели:
Царь быстрого бега простерт на земли;
И воздухом брани уже он не дышит;
И грозного ржанья пустыня не слышит;
В стремленье погибель его нагнала;
Вонзенная в шею. дрожала стрела;
И кровь благородна струею бежала;
И влагу потока струя обаграла.

Сей друг, кого и ветер в полях не обгонял,
Он спит — на зыбкий одр песков пустынных пал.

Убийцу сразила моя булава:
На прах отделенна скатилась глава;

Железо вкусило напиток кровавый,
И труп истлевает в пустыне без славы...
Но спит он, со мною летавший на брань;
Трикраты воззвал я: спутник мой, встань!
Воззвал... безответен... угаснула сила...
И бранные кости одеда могила.

Сей друг, кого и ветер в полях не обгонял,
Он спит — на зыбкий одр песков пустынных пал.

С того ненавистного, страшного дня
И солнце не светит с небес для меня;
Забыл о победе, и в мышцах нет силы;
Брожу одинокий, задумчив, унылый;
Имена доселе драгие края
Уже не отчизна — могила моя;
И мною дорога верблюда забвенна,
И дерево амвры, и куща священна.

Сей друг, кого и ветер в полях не обгонял,
Он спит — на зыбкий одр песков пустынных пал.

В час зноя и жажды скакал он со мной
Ко древу прохлады, к струе ключевой;
И мавра топтали могучи копыта;
И грудь от противных была мне защита;
Мой верный соратник в бою и трудах,
Он, бодрый, при первых денницы лучах,
Стрелою, покорен велению длани,
Летал на свиданья любви и брани.

О друг! кого и ветер в полях не обгонял,
Ты спишь — на зыбкий одр песков пустынных пал.

Ты видел и Зару — блаженны часы! —
Сокровище сердца и чудо красы;
Уста вероломны тебя величали,
И нежные длани хребет твой ласкали;

Ах! Зара, как серна, стыдлива была;
Как юная пальма долины, цвела;
Но Зара пришельца пленилась красою
И скрылась... ты, спутник, остался со мною.

Сей друг, кого и ветер в полях не обгонял,
Он спит — на зыбкий одр песков пустынных пал.

О спутник! тоскует твой друг над тобой;
Но скоро, покрыты могилой одной,
Мы вкупе воздремлем в жилище отрады;
Над нами повеет дыханье прохлады;
И скоро, при гласе великого дня,
Из пыльного гроба исторгнув меня,
Величествен, гордый, с бессмертной красою,
Ты пламенной солнца помчишься стезею.

Конец 1809 — начало 1810

К НЕЙ

Имя где для тебя?
Не сильно смертных искусство
Выразить прелесть твою!

Лиры нет для тебя!
Что песни? Отзыв неверный
Поздней молвы об тебе!

Если бы сердце могло быть
Им слышно, каждое чувство
Было бы гимном тебе!

Прелесть жизни твоей,
Сей образ чистый, священный,
В сердце, как тайну, ношу.

Я могу лишь любить,
Сказать же, как ты любима,
Может лишь вечность одна!

<1810—1811>

ЖЕЛАНИЕ

Романс

Озарися, дол туманный;
Расступися, мрак густой;
Где найду исход желанный?
Где воскресну я душой?
Испещренные цветами,
Красны холмы вижу там...
Ах! зачем я не с крылами?
Полетел бы я к холмам.

Там поют согласны лиры;
Там обитель тишины;
Мчат ко мне оттоль зефиры
Благовония весны;
Там блестят плоды златые
На сенистых деревьях;
Там не слышны вихри злые
На пригорках, на лугах.

О предел очарованья!
Как прелестна там весна!

Как от юных роз дыханья
Там душа оживлена!
Полечу туда... напрасно!
Нет путей к сим берегам;
Предо мной поток ужасный
Грозно мчится по скалам.

Лодку вижу... где ж вожатый?
Едем!.. будь, что суждено...
Паруса ее крылаты,
И весло оживлено.
Верь тому, что сердце скажет;
Нет залогов от небес;
Нам лишь чудо путь укажет
В сей волшебный край чудес.

1811

ПЕВЕЦ

В тени дерев, над чистыми водами
Дерновый холм вы видите ль, друзья?
Чуть слышно там плескает в брег струя;
Чуть ветерок там дышит меж листьями;
На ветвях лира и венец...
Увы! друзья, сей холм — могила;
Здесь прах певца земля сокрыла;
Бедный певец!

Он сердцем прост, он нежен был душою —
Но в мире он минутный странник был;

Едва расцвел — и жизнь уж разлюбил
И ждал конца с волнением и тоскою;
И рано встретил он конец,
Заснул желанным сном могилы...
Твой век был миг, но миг унылый,
Бедный певец!

Он дружбу пел, дав другу нежну руку, —
Но верный друг во цвете лет угас;
Он пел любовь — но был печален глас;
Увы! он знал любви одну лишь муку;
Теперь всему, всему конец;
Твоя душа покой вкусила;
Ты спишь; тиха твоя могила,
Бедный певец!

Здесь, у ручья, вечернею порою
Прощальну песнь он заунывно пел:
«О красный мир, где я вотще расцвел;
Прости навек; с обманутой душою
Я счастья ждал — мечтам конец;
Погибло всё, умолкни, лира;
Скорей, скорей в обитель мира,
Бедный певец!

Что жизнь, когда в ней нет очарованья?
Блаженство знать, к нему лететь душой,
Но пропасть зреть меж ним и меж собой;
Желать всяк час и трепетать желанья...
О пристань горестных сердец,
Могила, верный путь к покою,
Когда же будет взят тобою
Бедный певец?»

И нет певца... его не слышно лиры...
Его следы исчезли в сих местах;
И скорбно всё в долине, на холмах;

И всё молчит... лишь тихие зефиры,
Колебя вянущий венец,
Порою веют над могилой,
И лира вторит им уныло:
Бедный певец!

1811

ПЕВЕЦ ВО СТАНЕ РУССКИХ ВОИНОВ

П е в е ц

На поле бранном тишина;
Огни между шатрами;
Друзья, здесь светит нам луна,
Здесь кров небес над нами.
Наполним кубок круговой!
Дружнее! руку в руку!
Запьем вином кровавый бой
И с падшими разлуку.
Кто любит видеть в чашах дно,
Тот бодро ищет боя...
О всемогущее вино,
Веселие героя!

В о и н ы

Кто любит видеть в чашах дно,
Тот бодро ищет боя...
О всемогущее вино,
Веселие героя!

Певец

Сей кубок чадам древних лет!
Вам слава, наши деды!
Друзья, уже могущих нет;
Уж нет вождей победы;
Их дома вихорь разметал;
Их гробы срыли плуги;
И пламень ржавчины сожрал
Их племя и кольчуги;
Но дух отцов воскрес в сынах;
Их поприще пред нами...
Мы там найдем их славный прах
С их славными делами.

Смотрите, в грозной красоте,
Воздушными полками,
Их тени мчатся в высоте
Над нашими шатрами...
О Святослав, бич древних лет,
Се твой полет орлиный.
«Погибнем! мертвым срама нет!» —
Гремит перед дружиной.
И ты, неверных страх, Донской,
С четой двух соименных,
Летишь погибельной грозой
На рать иноплеменных.

И ты, наш *Петр*, в толпе вождей.
Внимайте клич: Полтава!
Орды пришельца — снесь мечей,
И мир взывает: слава!
Давно ль, о хищник, пожирал
Ты взором наши грады?
Беги! твой конь и всадник пал;
Твой след — костей громады;
Беги! и стыд и страх сокрой
В лесу с твоим сарматом;

Отчизны враг сопутник твой;
Злодей владыке братом.

Но кто сей рьяный великан,
Сей витязь полуночи?
Друзья, на спящий вражий стан
Вперил он страшны очи;
Его завидя в облаках,
Шумящим, смутным роем
На снежных Альпов высотах
Взлетели тени с воем;
Бледнеет галл, дрожит сармат
В шатрах от гневных взоров...
О горе! горе, супостат!
То грозный наш Суворов.

Хвала вам, чада прежних лет,
Хвала вам, чада славы!
Дружиной смелой вам вослед
Бежим на пир кровавый;
Да мчится ваш победный строй
Пред нашими орлами;
Да сеет, нам предтеча в бой,
Погибель над врагами;
Наполним кубок! меч во длань!
Внимай нам, вечный мститель!
За гибель — гибель, брань — за брань,
И казнь тебе, губитель!

В о и н ы

Наполним кубок! меч во длань!
Внимай нам, вечный мститель!
За гибель — гибель, брань — за брань,
И казнь тебе, губитель!

П е в е ц

Отчизне кубок сей, друзья!
Страна, где мы впервые

Вкусили сладость бытия,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свет,
Знакомые потоки,
Златые игры первых лет
И первых лет уроки,
Что вашу прелесть заменит?
О родина святая,
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя?

Там всё — там родших милый дом;
Там наши жены, чада;
О нас их слезы пред творцом;
Мы жизни их ограда;
Там девы — прелесть наших дней,
И сонм друзей бесценный,
И царский трон, и прах царей,
И предков прах священный.
За них, друзья, всю нашу кровь!
На вражьи грянем силы;
Да в чадах к родине любовь
Зажгут отцов могилы.

В о и н ы

За них, за них всю нашу кровь!
На вражьи грянем силы;
Да в чадах к родине любовь
Зажгут отцов могилы.

П е в е ц

Тебе сей кубок, русский царь!
Цвети твоя держава;
Священный трон твой нам алтарь;
Пред ним обет наш: слава.
Не изменим; мы от отцов
Приjali верность с кровью;
О царь, здесь сонм твоих сынов,

К тебе горим любовью;
Наш каждый ратник славянин;
Все долгу здесь послушны;
Бежит предатель сих дружин,
И чужд им малодушный.

Воины

Не изменим; мы от отцов
Прияли верность с кровью;
О царь, здесь сонм твоих сынов,
К тебе горим любовью.

Певец

Сей кубок ратным и вождям!
В шатрах, на поле чести,
И жизнь и смерть — всё пополам;
Там дружество без лести,
Решимость, правда, простота,
И нравов непритворство,
И смелость — бранных красота,
И твердость, и покорство.
Друзья, мы чужды низких уз;
К венцам стезею правой!
Опасность — твердый наш союз;
Одной пылаем славой.

Тот наш, кто первый в бой летит
На гибель супостата,
Кто слабость падшего щадит
И грозно мстит за брата;
Он взором жизнь дает полкам;
Он махом мощной длани
Их мчит во сретенье врагам,
В средину шумной брани;
Ему веселье битвы глас,
Спокоен под громами:
Он свой последний видит час
Бесстрашными очами.

Хвала тебе, наш бодрый вождь,
Герой под сединами!
Как юный ратник, вихрь, и дождь,
И труд он делит с нами.
О, сколь с израненным челом
Пред строем он прекрасен!
И сколь он хладен пред врагом
И сколь врагу ужасен!
О диво! се орел пронзил
Над ним небес равнины...
Могущий вождь главу склонил;
Ура! кричат дружины.

Лети ко прадедам, орел,
Пророком славной мести!
Мы тверды: вождь наш перешел
Путь гибели и чести;
С ним опыт, сын труда и лет;
Он бодр и с сединою;
Ему знаком победы след...
Доверенность к герою!
Нет, други, нет! не предана
Москва на расхищенье;
Там стены!.. в россах вся она;
Мы здесь — и Бог наш мщенье.

Хвала сподвижникам-вождям!
Ермолов, витязь юный,
Ты ратным брат, ты жизнь полкам
И страх твои перуны.
Раевский, слава наших дней,
Хвала! перед рядами
Он первый грудь против мечей
С отважными сынами.
Наш Милорадович, хвала!
Где он промчался с бранью,
Там, мнится, смерть сама прошла
С губительною дланью.

Наш Витгенштейн, вождь-герой,
Петрополя спаситель,
Хвала!.. Он щит стране родной,
Он хищных истребитель.
О, сколь величественный вид,
Когда перед рядами, II
Один, склонясь на твердый щит,
Он грозными очами II
Блюдет противников полки, O
Им гибель устроит
И вдруг... движением руки
Их сонмы рассыпает. V

Хвала тебе, славян любовь,
Наш Коновницын смелый!..
Ничто ему толпы врагов,
Ничто мечи и стрелы;
Пред ним, за ним перун гремит,
И пышет пламень боя...
Он весел, он на гибель зрит
С спокойствием героя;
Себя забыл... одним врагам
Готовит истребленье;
Пример и ратным и вождям
И смелым удивленье.

Хвала, наш Вихорь-атаман,
Вождь невредимых, Платов!
Твой очарованный аркан IT
Гроза для супостатов. N
Орлом шумишь по облакам,
По полю волком рыщешь,
Летаешь страхом в тыл врагам,
Бедой им в уши свищешь;
Они лишь к лесу — ожил лес,
Деревья сыплют стрелы;
Они лишь к мосту — мост исчез;
Лишь к селам — пышут селы.

Хвала, наш Нестор — Бенингсон!
И вождь и муж совета,
Блюдет врагов не дремля он,
Как змей орел с полета.
Хвала, наш Остерман-герой,
В час битвы ратник смелый!
И Тормасов, летящий в бой,
Как юноша веселый!
И Багговут, среди громов,
Средь копий безмятежный!
И Дохтуров, гроза врагов,
К победе вождь надежный!

Наш твердый Воронцов, хвала!
О други, сколь смутилась
Вся рать славян, когда стрела
В бесстрашного вонзилась;
Когда полмертв, окровавлен,
С потухшими очами,
Он на щите был изнесен
За ратный строй друзьями.
Смотрите... язвой роковой
К постеле пригвожденный,
Он страждет, братскою толпой
Увечных окруженный.

Ему возглавье — бранный щит;
Незыблемый в мученье,
Он с ясным взором говорит:
«Друзья, бедам презренья!»
И в их сердцах героя речь
Веселье пробуждает,
И, оживясь, до полы меч
Рука их обнажает.
Спешите ж, о витязь наш! воспрянь;
Уж ангел истребленья
Горé подъял ужасну длань,
И близок час отмщенья.

Хвала, Щербатов, вождь молодой!
Среди грозы военной,
Друзья, он сетует душой
О трате незабвенной.
О витязь, ободрись... она
Твой спутник невидимый,
И ею свыше знамена
Дружин твоих хранимы.
Любви и скорби оживить
Твои для мщенья силы:
Рази дерзнувших возмутить
Покой ее могилы.

Хвала, наш Пален, чести сын!
Как бурею носимый,
Везде впреди своих дружин
Разит, неотразимый.
Наш смелый Отроганов, хвала!
Он жаждет чистой славы;
Она из мира увлекла
Его на путь кровавый...
О храбрых сонм, хвала и честь!
Свершайте истребленье,
Отчизна к вам взывает: мсты!
Вселенная: спасенье!

Хвала бестрепетных вождям!
На конях окрыленных
По долам скачут, по горам
Вослед врагов смятенных;
Днем мчатся строй на строй; в ночи
Страшат, как привиденья;
Блистают смертью их мечи;
От стрел их нет спасенья;
По всем рассыпаны путям,
Невидимы и зримы;
Сломили здесь, сражают там
И всюду невредимы.

Наш Фигнер старцем в стан врагов
Идет во мраке ночи;
Как тень прокрался вокруг шатров,
Всё зрели быстры очи...
И стан еще в глубоком сне,
День светлый не проглянул —
А он уж, витязь, на коне,
Уже с дружиной грянул.
Сеславин — где ни пролетит
С крылатыми полками:
Там брошен в прах и меч, и щит
И устлан путь врагами.

Давыдов, пламенный боец,
Он вихрем в бой кровавый;
Он в мире счастливый певец
Вина, любви и славы.
Кудашев скоком через ров
И летом на стремнину;
Бросает взглядом Чернышов
На меч и гром дружину;
Орлов отважностью орел;
И мчит грозу ударов
Сквозь дым и огонь, по грудам тел,
Всреди врагов Кайсаров.

В о и н ы

Вожди славян, хвала и чести!
Свершайте истребленье,
Отчизна к вам взывает: мсты!
Вселенная: спасенье!

П е в е ц

Друзья, кипящий кубок сей
Вождам, сраженным в бое.
Уже не придут в сонм друзей,
Не станут в ратном строе,
Уж для врага их грозный лик

Не будет вестник мщенья,
И не помчит их мощный клик
Дружину в пыл сраженья;
Их празден меч, безмолвен щит,
Их ратники унылы;
И сир могучих конь стоит
Близ тихой их могилы.

Где Кульнев наш, рушитель сил,
Свирепый пламень брани?
Он пал — главу на щит склонил
И стиснул меч во длани.
Где жизнь судьба ему дала,
Там брань его сразила;
Где колыбель его была,
Там днесь его могила.
И тих его последний час:
С молитвою священной
О милой матери угас
Герой наш незабвенный.

А ты, Кутайсов, вождь молодой...
Где прелести? где младость?
Увы! он видом и душой
Прекрасен был, как радость;
В броне ли, грозный, выступал —
Бросали смерть перуны;
Во струны ль арфы ударял —
Одушевлялись струны...
О горе! верный конь бежит
Окровавлен из боя;
На нем его разбитый щит...
И нет на нем героя.

И где же твой, о витязь, прах?
Какою взят могилой?..
Пойдет прекрасная в слезах
Искать, где пепел милый...

Там чище ранняя роса,
Там зелень ароматней,
И сладостней цветов краса,
И светлый день приятней,
И тихий дух твой прилетит
Из таинственной сени;
И трепет сердца возвестит
Ей близость дружной тени.

И ты... и ты, Багратион?
Вотще друзей молитвы,
Вотще их плач... во гробе он,
Добыча лютой битвы.
Еще дружин надежда в нем;
Всё мнит: с одра восстанет;
И робко шепчет враг с врагом:
«Увы нам! скоро грянет».
А он... навеки взор смежил,
Решитель бранных споров,
Он в область храбрых воспарил,
К тебе, отец Суворов.

И честь вам, падшие друзья!
Ликуйте в горней сени;
Там ваша верная семья —
Вождей минувших тени.
Хвала вам будет оживлять
И поздних лет беседы.
«От них учитесь умирать!» —
Так скажут внукам деда;
При вашем имени вскипит
В вожде ретивом пламя;
Он на твердыню с ним взлетит
И водрузит там знамя.

В о и н ы

При вашем имени вскипит
В вожде ретивом пламя;

Он на твердыню с ним взлетит
И водрузит там знамя.

П е в е ц

Сей кубок мщенью! други, в строй!
И к небу грозны длани!
Сразить иль пасты! наш роковой
Обет пред богом брани.
Вотще, о враг, из тьмы племен
Ты зиждешь ополченья:
Они бегут твоих знамен
И жаждут низложенья.
Сокровищ нет у нас в домах;
Там стрелы и кольчуги;
Мы села — в пепел; грады — в прах;
В мечи — серпы и плуги.

Злодей! он лестью приманил
К Москве свои дружины;
Он низким миром нам грозил
С кремлевския вершины.
♦Пойду по стогнам с торжеством!
Пойду... и всё восплещет!
И в прах падут с своим царем!... ♦
Пришел... и сам трепещет;
Подвигло мщенье Москву:
Вспылала пред врагами
И грянулась на их главу
Губящими стенами.

Веди ж своих царей-рабов
С их стаей в область хлада;
Пробей тропу среди снегов
Во сретение глада...
Зима, союзник наш, гряди!
Им заперт путь возвратный;
Пустыни в пепле позади;
Пред ними сонмы ратны.

Отведай, хищник, что сильней:
Дух алчности иль мщенье?
Пришлец, мы в родине своей;
За правых провиденье!

В о и н ы

Отведай, хищник, что сильней:
Дух алчности иль мщенье?
Пришлец, мы в родине своей;
За правых провиденье!

П е в е ц

Святому братству сей фиал
От верных братий круга!
Блажен, кому Создатель дал
Усладу жизни, друга;
С ним счастье вдвое; в скорбный час
Он сердцу утешенье;
Он наша совесть; он для нас
Второе провиденье.
О! будь же, други, святость уз
Закон наш под шатрами;
Написан кровью наш союз:
И жить и пасть друзьями.

В о и н ы

О! будь же, други, святость уз
Закон наш под шатрами;
Написан кровью наш союз:
И жить и пасть друзьями.

П е в е ц

Любви сей полный кубок в дар!
Среди борьбы кровавой,
Друзья, святой питайте жар:
Любовь одно со славой.
Кому здесь жребий уделен
Знать тайну страсти милой,

Кто сердцем сердцу обручен:
Тот смело, с бодрой силой
На всё великое летит;
Нет страха; нет преграды;
Чего-чего не совершит
Для сладостной награды?

Ах! мысль о той, кто всё для нас,
Нам спутник неизменный;
Везде знакомый слышим глас,
Зрим образ незабвенный!
Она на бранных знаменах,
Она в пылу сраженья;
И в шуме стана и в мечтах
Веселых сновиденья.
Отведай, враг, исторгнуть щит,
Рукою данный милой;
Святой обет на нем горит:
Твоя и за могилой!

О сладость тайная мечты!
Там, там за синей далью
Твой ангел, дева красоты,
Одна с своей печалью,
Грустит, о друге слезы льет;
Душа ее в молитве,
Бойся вести, вести ждет:
«Увы! не пал ли в битве?»
И мыслит: «Скоро ль, дружный глас,
Твой мне слышать звуки?
Лети, лети, свиданья час,
Сменить тоску разлуки».

Друзья! блаженнейшая часть:
Любезных быть спасеньем.
Когда ж предел наш в битве пасть —
Погибнем с наслажденьем;
Святое имя призовем

В минуты смертной муки;
Кем мы дышали в мире сем,
Стой нет и там разлуки:
Туда душа перенесет
Любовь и образ милой...
О други, смерть не всё возьмет;
Есть жизнь и за могилой.

В о и н ы

В тот мир душа перенесет
Любовь и образ милой...
О други, смерть не всё возьмет;
Есть жизнь и за могилой.

П е в е ц

Сей кубок чистым музам в дар!
Друзья, они в героя
Вливают бодрость, славы жар,
И месть, и жажду боя.
Гремят их лиры — стар и млад
Оделись в бранны латы:
Ничто им стрел свистящих град,
Ничто твердынь раскаты.
Певцы — сотрудники вождям;
Их песни — жизнь победам,
И внуки, внемля их струнам,
В слезах дивятся дедам.

О, радость древних лет, Боян!
Ты, арфой ополченный,
Летал пред строями славян,
И гимн гремел священный;
Петру возник среди снегов
Певец — податель славы;
Честь Задунайскому — Петров;
О камские дубравы,
Гордитесь, ваш Державин сын!
Готовь свои перуны,

Суворов, чудо-исполин, —
Державин грянет в струны.

О старец! да услышим твой
Днесь голос лебединый;
Не тщетной славы пред тобой,
Но мщенья дружины;
Простерли не к добычам длань,
Бегут не за венками —
Их подвиг свят: то правых брань
С злодейскими ордами.
Пришло разрушить их мечам
Племен поработенье;
Самим губителя рабам
Победы их — спасенье.

Так, братья, чадам муз хвала!..
Но я, певец ваш юный...
Увы! почто судьба дала
Незвучные мне струны?
Доселе тихим лишь полям
Моя играла лира...
Вдруг жребий выпал: к знаменам!
Прости, и сладость мира,
И отчий край, и круг друзей,
И труд уединенный,
И всё... я там, где стук мечей,
Где ужасы войны.

Но буду ль ваши петь дела
И хищных истребленье?
Быть может, ждет меня стрела
И мне удел — паденье.
Но что ж... навеки ль смертный час
Мой след изгладит в мире?
Останется привычный глас
В осиротевшей лире.
Пускай губителя во прах

Низринет месть кровава —
Родится жизнь в ее струнах,
И звучно грянут: слава!

В о и н ы

Хвала возвышенным певцам!
Их песни — жизнь победам,
И внуки, внемля их струнам,
В слезах дивятся дедам.

П е в е ц

Подыдем чашу!.. Богу сил!
Обратя, на колена!
Он искони благословил
Славянские знамена.
Бессильным щит Его закон
И гибнущим спаситель;
Всегда союзник правых Он
И гордых истребитель.
Обратя, взоры к небесам!
Там жизни сей награда!
Оттоль Отец незримый нам
Гласит: мужайтесь, чада!

Бессмертье, тихий, светлый брег;
Наш путь — к нему стремленье.
Покойся, кто свой кончил бег!
Вы, странники, терпенье!
Блажен, кого постигнул бой!
Пусть долго, с жизнью хилой,
Старик трепещущей ногой
Влачится над могилой;
Сын брани мигом ношу в прах
С могучих плеч свергает
И, бодр, на молнийных крылах
В мир лучший улетаает.

А мы?.. Доверенность к Творцу!
Что б ни было — незримый

Ведет нас к лучшему концу
Стезей непостижимой.
Ему, друзья, отважно вслед!
Прочь, низкое! прочь, злоба!
Дух бодрый на дороге бед,
До самой двери гроба;
В высокой доле — простота;
Нежадность — в наслаждение;
В союзе с ровным — правота;
В могуществе — смирение.

Обетам — вечность; чести — честь;
Покорность — правой власти;
Для дружбы — всё, что в мире есть;
Любви — весь пламень страсти;
Утеха — скорби; просьбе — дань;
Погибели — спасенье;
Могущему пороку — брань;
Бессильному — презренье;
Неправде — грозный правды глас;
Заслуге — воздаянье;
Спокойствие — в последний час;
При гробе — упование.

О! будь же, русский Бог, нам щит!
Прострешь Твою десницу —
И мститель-гром Твой раздробит
Коня и колесницу.
Как воск перед лицом огня,
Растает враг пред нами...
О страх карающего дня!
Бродя окрест очами,
Речет пришлец: «Врагов я зрел;
И мнил: земли им мало;
И взор их гибелью горел;
Протек — врагов не стало!»

Воины

Речет пришлец: «Врагов я зрел;
И мнил: земли им мало;
И взор их гибелью горел;
Протек — врагов не стало!»

Певец

Но светлых облаков гряда
Уж утро возвещает;
Уже восточная звезда
Над хólмами играет;
Редее сумрак; сквозь туман
Проглáнули равнины,
И дальний лес, и тихий стан,
И спящие дружины.
О други, скоро!.. день грядет...
Недвижны рати бурны...
Но... Рок уж жребии берет
Из та́инственной урны.

О новый день, когда твой свет
Исчезнет за холмами,
Сколь многих взор наш не найдет
Меж нашими рядами!..
И он блеснул!.. Чу!.. вестовой
Перун по хólмам грянул;
Внимайте: в поле шум глухой!
Смотрите: стан воспрянул!
И кони ржут, грызя бразды;
И строй сомкнулся с строем;
И вождь летит перед ряды;
И пышет ратник боем.

Друзья, прощанью кубок сей!
И смело в бой кровавый
Под вихорь стрел, на ряд мечей,
За смертью иль за славой...

О вы, которых и вдали
Боготворим сердцами,
Вам, вам все блага на земли!
Щит промысла над вами!..
Всевышний Царь, благослови!
А вы, друзья, лобзанье
В завет: *здесь* верныя любви,
Там сладкого свиданья!

В о и н ы

Всевышний Царь, благослови!
А вы, друзья, лобзанье
В завет: *здесь* верныя любви,
Там сладкого свиданья!

Сентябрь — октябрь 1812

УЗНИК К МОТЫЛЬКУ, ВЛЕТЕВШЕМУ В ЕГО ТЕМНИЦУ

Откуда ты, эфира житель?
Скажи, неожиданный гость небес,
Какой зефир тебя занес
В мою печальную обитель?
Увы! денницы милый свет
До сводов сих не достигает;
В сей бездне ужас обитает;
Веселья здесь и следу нет.

Сколь сладостно твое явленье!
Знать, милый гость мой, с высоты

Страдальца вздох услышал ты —
Тебя примчало сожаленье;
Увы! убитая тоской
Душа весь мир в тебе узрела,
Надежда ясная влетела
В темницу к узнику с тобой.

Скажи ж, любимый друг природы,
Всё те же ль неба красоты?
По-прежнему ль в лугах цветы?
Душисты ль рощи? ясны ль воды?
По-прежнему ль в тиши ночной
Поет дубравная певица?
Увы! скажи мне, где денница?
Скажи, что сделалось с весной?

Дай весть услышать о свободе;
Слыхал ли песнь ее в горах?
Ее видал ли на лугах
Водушевленном хороводе?
Ах! зрел ли милую страну,
Где я был счастлив в прежни годы?
Всё та же ль там краса природы?
Всё так ли там, как в старину?

Весна сих сводов не видала:
Ты не найдешь на них цветка;
На них затворников рука
Страданий повесть начертала;
Не долетает к сим стенам
Зефира легкое дыханье:
Ты внемлешь здесь одно стенанье,
Ты здесь порхаешь по цепям.

Лети ж, лети к свободе в поле;
Оставь сей бездны глубину;
Спеши прожить твою весну —

Другой весны не будет боле;
Спеши, творения краса!
Тебя зовут дуга шелковы:
Там прихоти — твои оковы;
Твоя темница — небеса.

Будь весел, гость мой легкокрылый,
Резвяся в поле по цветам...
Быть может, двух младенцев там
Ты встретишь с матерью унылой.
Ах! если б мог ты усладить
Их муку радости словами;
Сказать: он жив! он дышит вами!
Но... ты не можешь говорить.

Увы! хоть крыльями златыми
Моих младенцев ты прельсти;
По травке тихо полети,
Как бы хотел быть пойман ими;
Тебе помчатся вслед они,
Добычи милые желая;
Ты их, с цветка на цвет порхая,
К моей темнице примани.

Забав их зритель равнодушный,
Пойдет за ними вслед их мать —
Ты будешь путь их услаждать
Своею резвостью воздушной.
Любовь их — мой последний щит:
Они страдальцу провиденье;
Сирот священное моление
Тюремных стражей победит.

Падут железные затворы —
Детей, супругу, небеса,
Родимый край, холмы, леса
Опять мои увидят взоры...
Но что?.. я цепью загремел;

Сокрылся призрак-обольститель...
Вспорхнул эфирный посетитель...
Постой!.. но он уж улётел.

Начало 1813

СВЕТЛАНЕ

Хочешь видеть жребий свой
В зеркале, Светлана?
Ты спросись с своей душой!
Скажет без обмана,
Что тебе здесь суждено!
Нам душа — зеркало!
Всё в ней, всё заключено,
Что нам обещало
Провиденье в жизни сей!
Милый друг, в душе твоей,
Непорочной, ясной,
С восхищеньем вижу я,
Что сходна судьба твоя
С сей душой прекрасной!
Непорочность — спутник твой
И веселость — гений
Всюду будут пред тобой
С чашей наслаждений.
Лишь тому, в ком чувства нет,
Путь земной ужасен!
Счастье в нас, и Божий свет
Нами лишь прекрасен.
Милый друг, спокойна будь,
Безопасен твой здесь путь:
Сердце твой хранитель!
Всё судьбою в нем дано:
Будет здесь тебе оно
К счастью предводитель!

<1813>

ТЕОН И ЭСХИН

Эсхин возвращался к пенатам своим,
К брегам благовонным Алфея.
Он долго по свету за счастьем бродил —
Но счастье, как тень, убегало.

И роскошь, и слава, и Вакх, и Эрот —
Лишь сердце они изнурили;
Цвет жизни был сорван; увяла душа;
В ней скука сменила надежду.

Уж взорам его тихоструйный Алфей
В цветущих берегах открывался;
Пред ним оживились минувшие дни,
Давно улетевшая младость...

Всё те ж берега, и поля, и холмы,
И то же прекрасное небо;
Но где ж озарявшая некогда их
Волшебным сияньем Надежда?

Жилища Теонова ищет Эсхин.
Теон, при домашних пенатах,
В желаниях скромный, без пышных надежд,
Остался на бреге Алфея.

В близ места, где в море втекает Алфей,
Под сенью олив и платанов,
Смиренную хижину видит Эсхин —
То было жилище Теона.

С безоблачных солнце сходило небес,
И тихое море горело;

На хижину сыпался розовый блеск,
И мирты окрестны алели.

Из белого мрамора гроб невдали,
Обсаженный миртами, зрелся;
Душистые розы и гибкий ясмин
Ветвями над ним соплетались.

На праге сидел в размышленье Теон,
Смотря на багряное море, —
Вдруг видит Эсхина и вмиг узнает
Сопутника юныя жизни.

«Да благостно взглянет хранитель Зевес
На мирный возврат твой к пенатам!» —
С блистающим радостью взором Теон
Сказал, обнимая Эсхина.

И взгляд на него любопытный вперил —
Лицо его скорбно и мрачно.
На друга внимательно смотрит Эсхин —
Взор друга прискорбен, но ясен.

«Когда я с тобой разлучался, Теон,
Надежда сулила мне счастье;
Но опыт иное мне в жизни явил:
Надежда — лукавый предатель.

Скажи, о Теон, твой задумчивый взгляд
Не ту же ль судьбу возвещает?
Ужель и тебя посетила печаль
При мирных домашних пенатах?»

Теон указал, вздыхая, на гроб...
«Эсхин, вот безмолвный свидетель,
Что боги для счастья послали нам жизнь —
Но с нею печаль неразлучна.

О! нет, не ропщу на Зевесов закон:
И жизнь и вселенна прекрасны.
Не в радостях быстрых, не в ложных мечтах
Я видел земное блаженство.

Что может разрушить в минуту судьба,
Эсхин, то на свете не наше;
Но сердца нетленные блага: любовь
И сладость возвышенных мыслей —

Вот счастье; о друг мой, оно не мечта.
Эсхин, я любил и был счастлив;
Любовью моя освятилась душа,
И жизнь в красоте мне предстала.

При блеске возвышенных мыслей я зрел
Яснее великость творенья;
Я верил, что путь мой лежит по земле
К прекрасной, возвышенной цели.

Увы! я любил... и ее уже нет!
Но счастье, вдвоем столь живое,
Навеки ль исчезло? И прежние дни
Вотще ли столь были прелестны?

О! нет: никогда не погибнет их след;
Для сердца прошедшее вечно.
Страданье в разлуке есть та же любовь;
Над сердцем утрата бессильна.

И скорбь о погибшем не есть ли, Эсхин,
Обет неизменной надежды:
Что где-то в знакомой, но тайной стране
Погибшее нам возвратится?

Кто раз полюбил, тот на свете, мой друг,
Уже одиноким не будет...
Ах! свет, где она предо мною цвела, —
Он тот же: всё ею он полон.

По той же дороге стремлюся один
И к той же возвышенной цели,
К которой так бодро стремился вдвоем —
Сих уз не разрушит могила.

Сей мыслью высокой украшена жизнь;
Я взором смотрю благодарным
На землю, где столько рассыпано благ,
На полное славы творенье.

Спокойно смотрю я с земли рубежа
На сторону лучшая жизни;
Сей сладкой надеждою мир озарен,
Как небо сияньем Авроры.

С сей сладкой надеждой я выше судьбы,
И жизнь мне земная священна;
При мысли великой, что я человек,
Всегда возвышаюсь душою.

А этот безмолвный, таинственный гроб...
О друг мой, он верный свидетель,
Что лучшее в жизни еще впереди,
Что *верно* желанное будет;

Сей гроб — затворенная к счастью дверь;
Отворится... жду и надеюсь!
За ним ожидает сопутник меня,
На миг мне явившийся в жизни.

О друг мой, искав изменяющих благ,
Искав наслаждений минутных,
Ты верные блага утратил свои —
Ты жизнь презирать научился.

С сим гибельным чувством ужасен и свет;
Дай руку: близ верного друга
С природой и жизнью опять примиришь;
О! верь мне, прекрасна вселенна.

Всё небо нам дало, мой друг, с бытием:
Всё в жизни к великому средство;
И горесть и радость — всё к цели одной:
Хвала жизнедавцу Зевесу!

1—11 декабря 1814

СЛАВЯНКА

Элегия

Славянка тихая, сколь ток приятен твой,
Когда, в осенний день, в твои глядятся воды
Холмы, одетые последнею красой
Полуотцветшия природы.

Спешу к твоим брегам... свод неба тих и чист;
При свете солнечном прохлада повевает;
Последний запах свой осыпавшийся лист
С осенней свежестью сливает.

Иду под рощею излучистой тропой;
Что шаг, то новая в глазах моих картина;
То вдруг сквозь чащу древ мелькает предо мной,
Как в дыме, светлая долина;

То вдруг исчезло всё... окрест сгустился лес;
Всё дико вокруг меня, и сумрак и молчанье;
Лишь изредка, струей сквозь темный свод древес
Прокравшись, дневное сиянье

Верхи поблеклые и корни золотит;
Лишь, сорван ветерка минутным дуновеньем,

На сумраке листок трепещущий блестит,
Смущая тишину паденьем...

И вдруг пустынный храм в дичи передо мной;
Заглохшая тропа; кругом кусты седые;
Между багряных лип чернеет дуб густой
И дремлют ели гробовые.

Воспоминанье здесь унылое живет;
Здесь, к урне преклонясь задумчивой главою,
Оно беседует о том, чего уж нет,
С неизменяющей Мечтою.

Всё к размышленью здесь влечет невольно нас;
Всё в душу томное уныние вселяет;
Как будто здесь она из гроба важный глас
Давно минувшего внимает.

Сей храм, сей темный свод, сей тихий мавзолей,
Сей факел гаснущий и долу обращенный,
Всё здесь свидетель нам, сколь блага наших дней,
Сколь все величия мгновенны.

И нечувствительно с превратности мечтой
Дружится здесь мечта бессмертия и славы:
Сей витязь, на руку склонившийся главою;
Сей громоносец двоеглавый,

Под шуйцей твердою сидящий на щите;
Сия печальная семья кругом царицы;
Сии небесные друзья на высоте,
Младые спутники денницы...

О! сколь они, в виду сей урны гробовой,
Для унывающей души красноречивы:
Тоскуя ль полетит она за край земной —
Там все утраченные живы;

К земле ль наклонит взор — великий ряд чудес;
Борьба за честь; народ, покрытый блеском славным;
И мир, воскреснувший по манию небес,
Спокойный под щитом державным.

Но вокруг меня опять светлеет частый лес;
Опять река вдали мелькает средь долины;
То в свете, то в тени, то в ней лазурь небес,
То обращенных древ вершины.

И вдруг открытая равнина предо мной;
Там мыза, блеском дня под рощей озаренна;
Спокойное село над ясною рекой,
Гумно и нива обнаженна.

Всё здесь оживлено: с овинов дым седой,
Клубясь, по браздам ложится и редее,
И нива под его прозрачной пеленой
То померкает, то светлеет.

Там слышен на току согласный стук цепов;
Там песня пастуха и шум от стад бегущих;
Там медленно, скрипя, тащится ряд возов,
Тяжелый груз снопов везущих.

Но солнце катится беззнойное с небес;
Окрест него закат спокойно пламенеет;
Завесой огненной подернут дальний лес;
Восток безоблачный синеет.

Спускаюсь в дол к реке: брег темен надо мной.
И на воды легли дерев кудрявых тени;
Противный брег горит, осыпанный зарей;
В волнах блестят прибрежны сени;

То отраженный в них сияет мавзолей;
То холм муравчатый, увенчанный древами;
То ива дряхлая, до свившихся корней
Склонившись гибкими ветвями,

Сенистую главу купает в их струях;
Здесь храм между берез и яворов мелькает;
Там лебедь, притаясь у берега в кустах,
Недвижим в сумраке сияет.

Вдруг гладким озером является река;
Сколь здесь ее берегов пленительна картина;
В лазоревый кристалл слиясь вокруг челнока,
Яснеет вод ее равнина.

Но гаснет день... в тени склонился лес к водам;
Древа облечены вечерней темнотою;
Лишь простирается по тихим их верхам
Заря багряной полосой;

Лишь ярко заревом восточный берег облит,
И пышный дом царей на скате озлащенном,
Как исполин, глядясь в зеркало вод, блестит
В величии уединенном.

Но вечер на него покров накинул свой,
И рощи и берега, смешавшись, побледнели;
Последни облака, блиставшие зарей,
С небес, потухнув, улетели.

И воцарилася повсюду тишина;
Всё спит... лишь изредка в далекой тьме промчится
Невнятный глас... или колыхнется волна...
Иль сонный лист зашевелится.

Я на берегу один... окрестность вся молчит...
Как привидение, в тумане предо мною
Семья молодых берез недвижимо стоит
Над усыпленною водою.

Вхожу с волнением под их священный кров;
Мой слух в сей тишине приветный голос слышит;

Как бы эфирное там веет меж листов,
Как бы невидимое дышит;

Как бы сокрытая под юных древ корой,
С сей очарованной мешаясь тишиною,
Душа незримая подьѐмлет голос свой
С моей беседовать душою.

И некто урне сей безмолвный приседит;
И, мнится, на меня вперил он темны очи;
Без образа лицо, и зрак туманный слит
С туманным мраком полуночи.

Смотрю... и, мнится, всё, что было жертвой лет,
Опять в видении прекрасном воскресает;
И всё, что жизнь сулит, и всё, чего в ней нет,
С надеждой к сердцу прилетает.

Но где он?.. Скрылось всё... лишь только в тишине
Как бы знакомое мне слышится призванье,
Как будто Гений путь указывает мне
На неизвестное свиданье.

О! кто ты, тайный вождь? душа тебе вослед!
Скажи: бессмертный ли пределов сих хранитель
Иль гость минутный их? Скажи: земной ли свет
Иль небеса твоя обитель?..

И ангел от земли в сиянье предо мной
Взлетает; на лице величие смиренья;
Взор к небу устремлен; над юною главой
Горит звезда преображенья.

Помедли улетать, прекрасный сын небес;
Младая Жизнь в слезах простерта пред тобою...
Но где я?.. Всё вокруг молчит... призрак исчез,
И небеса покрыты мглою.

Одна лишь смутная мечта в душе моей:
Как будто мир земной в ничто преобразился;
Как будто та страна знакомей стала ей,
Куда сей чистый ангел скрылся.

Сентябрь — первая половина октября 1815

ПЕСНЯ

К востоку, всё к востоку
Стремление земли —
К востоку, всё к востоку
Летит моя душа;
Далеко на востоке,
За синевою лесов,
За синими горами
Прекрасная живет.

И мне в разлуке с нею
Всё мнится, что она —
Прекрасное преданье
Чудесной старины,
Что мне она явилась
Когда-то в древни дни,
Чтоб мне об ней остался
Один блаженный сон.

1815

Кто слез на хлеб свой не ронял,
Кто близ одра, как близ могилы,
В ночи, бессонный, не рыдал, —
Тот вас не знает, вышние силы!

На жизнь мы брошены от вас!
И вы ж, дав знаться нам с виною,
Страданию выдаете нас,
Вину преследуете мздою.

Начало 1816

ПЕСНЯ

Кольцо души-девицы
Я в море уронил;
С моим кольцом я счастье
Земное погубил.

Мне, дав его, сказала:
«Носи! не забывай!
Пока твое колечко,
Меня своей считай!»

Не в добрый час я невод
Стал в море полоскать;
Кольцо юркнуло в воду;
Искал... но где сыскать!..

С тех пор мы как чужие!
Приду к ней — не глядит!
С тех пор мое веселье
На дне морском лежит!

О ветер полуночный,
Проснися! будь мне друг!

Схвати со дна колечко
И выкати на луг.

Вчера ей жалко стало:
Нашла меня в слезах!
И что-то, как бывало,
Зажглось у ней в глазах!

Ко мне подсела с лаской,
Мне руку подала,
И что-то ей хотелось
Сказать, но не могла!

На что твоя мне ласка!
На что мне твой привет!
Любви, любви хочу я...
Любви-то мне и нет!

Ищи, кто хочет, в море
Богатых янтарей...
А мне мое колечко
С надеждою моей.

1816

ВЕСЕННЕЕ ЧУВСТВО

Легкий, легкий ветерок,
Что так сладко, тихо веешь?
Что играешь, что светлеешь,
Очарованный поток?
Чем опять душа полна?
Что опять в ней пробудилось?
Что с тобой к ней возвратилось,
Перелетная весна?
Я смотрю на небеса...
Облака, летя, сияют

И, сияя, улетают
За далекие леса.

Иль опять от вышины
Весть знакомая несется?
Или снова раздается
Милый голос старины?
Или там, куда летит
Птичка, странник поднебесный,
Всё еще сей неизвестный
Край желанного сокрыт?..
Кто ж к неведомым брегам
Путь неведомый укажет?
Ах! найдется ль, кто мне скажет,
Очарованное Там?

1816

Там небеса и воды ясны!
Там песни птичек сладкогласны!
О родина! все дни твои прекрасны!
Где б ни был я, но всё с тобой
Душой.

Ты помнишь ли, как под горою,
Осеребряемый росой,
Белелся луч вечернею порою
И тишина слетала в лес
С небес?

Ты помнишь ли наш пруд спокойный,
И тень от ив в час полдня знойный,
И над водой от стада гул нестройный,
И в лоне вод, как сквозь стекло,
Село?

Там на заре пичужка пела;
Даль озарялась и светлела;
Туда, туда душа моя летела:
Казалось сердцу и очам —
Всё там!..

1816

ГОРНАЯ ДОРОГА

Над страшною бездною дорога бежит,
Меж жизнью и смертию мчится;
Толпа великанов ее сторожит;
Погибель над нею гнездится.
Страшись пробужденья лавины ужасной:
В молчанье пройди по дороге опасной.

Там *мост* через бездну отважной дугой
С скалы на скалу перегнулся;
Не смертною был он поставлен рукой —
Кто смертный к нему бы коснулся?
Поток под него разъяренный бежит;
Сразить его рвется и ввек не сразит.

Там, грозно раздавшись, стоят *ворота*;
Мнишь: область теней пред тобою;
Пройди их — долина, долин красота,
Там осень играет с весною.
Приют сокровенный! желанный предел!
Туда бы от жизни ушел, улетел.

Четыре потока оттуда шумят —
Не зрели их выхода очи.
Стремятся они на восток, на закат,
Стремятся к полудню, к полночи;
Рождаются вместе; родясь, расстаются;
Бегут без возврата и ввек не сольются.

Там в блеске небес два *утеса* стоят,
Превыше всего, что земное;
Кругом облака золотые кипят,
Эфира семейство младое;
Ведут хороводы в стране голубой;
Там не был, не будет свидетель земной.

Царица сидит высоко и светло
На вечно незыблемом троне;
Чудесной красой обвиняет чело
И блещет в алмазной короне;
Напрасно там солнцу сиять и гореть:
Ее золотит, но не может согреть.

Март — начало апреля 1818

ПЕСНЯ

Минувших дней очарованье,
Зачем опять воскресло ты?
Кто разбудил воспоминанье
И замолчавшие мечты?
Шепнул душе привет бывалый;
Душе блеснул знакомый взор;
И зримо ей минуту стало
Незримое с давнишних пор.

О милый гость, святое *Прежде*,
Зачем в мою теснишься грудь?

Могу ль сказать: *живи* надежде?
Скажу ль тому, что было: *будь*?
Могу ль узреть во блеске новом
Мечты увядшей красоту?
Могу ль опять одеть покровом
Знакомой жизни наготу?

Зачем душа в тот край стремится,
Где были дни, каких уж нет?
Пустынный край не населится,
Не *узрит* он минувших лет;
Там есть *один* жилец безгласный,
Свидетель милой старины;
Там вместе с ним все дни прекрасны
В единый гроб положены.

Июль — ноябрь 1818

ЛИСТОК

От дружной ветки отлученный,
Скажи, листок уединенный,
Куда летишь?.. «Не знаю сам;
Гроза разбила дуб родимый;
С тех пор, по долам, по горам
По воле случая носимый,
Стремлюсь, куда велит мне рок,
Куда на свете *всё* стремится,
Куда и лист лавровый мчится
И легкий розовый листок».

Январь или февраль 1818

НА КОНЧИНУ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА КОРОЛЕВЫ ВИРТЕМБЕРГСКОЙ

Элегия

Ты улетел, небесный посетитель;
Ты погостил недолго на земли;
Мечталось нам, что *здесь* твоя обитель;
Навек *своим* тебя мы нарекли...
Пришла Судьба, свирепый истребитель,
И вдруг следов твоих уж не нашли:
Прекрасное погисло в пышном цвете...
Таков удел прекрасного на свете!

Губителем, неслышным и незримым,
На всех путях Беда нас сторожит;
Приюта нет главам, равно грозимым;
Где не была, там будет и сразит.
Вотще дерзать в борьбу с необходимым:
Житейского никто не победит;
Гнетомы все единой грозной Силой;
Нам всем сказать о здешнем счастье: *было!*

Но в свой черед с деревьев обветшалых
Осенний лист, отвянувши, падет;
Слагая жизнь старик с рамен усталых
Ее, как долг, могиле отдает;
К страдальцу Смерть на прах надежд увялых,
Как званный друг, желанная, идет...
Природа здесь верна стезе привычной:
Без ужаса берем удел обычный.

Но если вдруг, неожиданная, вбегает
Беда в семью играющих Надежд;
Но если жизнь изменою слетает
С веселых, ей лишь миг знакомых везд
И Счастье младое умирает,
Еще не сняв и праздничных одежд...

Тогда наш дух объемлет трепетанье
И силой в грудь врывается роптанье.

О наша жизнь, где верны лишь утраты,
Где милому мгновенье лишь дано,
Где скорбь без крыл, а радости крылаты
И где навек минувшее одно...

Почто ж мы здесь мечтами так богаты,
Когда мечтам не сбыться суждено?
Внимая глас Надежды, нам поющей,
Не слышим мы шагов Беды грядущей.

Кого спешишь ты, Прелесть молодая,
В твоих дверях так радостно встречать?
Куда бежишь, ужасного не чая,
Привыкшая с сей жизнью лишь играть?
Не радость — Весть стучится гробовая...
О! подожди сей праг переступить;
Пока ты здесь — ничто не умирало;
Переступи — и милое пропало.

Ты, знавшая житейское страданье,
Постигшая все таинства утрат,
И ты спешишь с надеждой на свиданье...
Ах! удались от входа сих палат;
Отложено навек торжествованье;
Счастливицы там тебя не угостят:
Ты посетишь обитель уж пустую...
Смерть унесла хозяйку молодую.

Из дома в дом по улицам столицы
Страшилищем скитается Молва;
Уж прорвалась к убежищу царицы,
Уж шепчет там ужасные слова;
Трепещет всё, печалью бледны лица...
Но мертвая для матери жива;
В ее душе спокойствие незнанья;
Пред ней мечта недавнего свиданья.

О Счастье, почто же на отлете
Ты нам в лицо умильно так глядишь?
Почто в своем предательском привете,
Спеша от нас: *я вечно!* говоришь;
И к милому, уж *бывшему* на свете,
Нас прелестью нежнейшею манишь?...
Увы! в тот час, как мать ты пленяло,
Ты только дочь на жертву украшало.

И, нас губя с холодностью ужасной,
Еще Судьба смеяться любит нам;
Ее уж нет, сей жизни столь прекрасной...
А мать, склонясь к обманчивым листам,
В них видит дочь надеждою напрасной,
Дарует жизнь безжизненным чертам,
В них голосу умолкшему внимает,
В них воскресить умершую мечтает.

Скажи, скажи, супруг осиротелый,
Чего над ней ты так упорно ждешь?
С ее лица приветное слетело;
В ее глазах узнанья не найдешь;
И в руку ей рукой оцепенелой
Ответного движенья не вожмешь.
На голос чад зовущих недвижима...
О! верь, отец, она невозвратима.

Запри навек ту мирную обитель,
Где спутник твой тебе минуту жил;
Твоей души свидетель и хранитель,
С кем жизни долг не столько бременил,
Советник дум, прекрасного делитель,
Слабеющих очарователь сил —
С полупути ушел он от земного,
От бытия прелестно молодого.

И вот — сия минутная царица,
Какою смерть ее нам отдала;
Отторгнута от скипетра десница:

Развенчано величие чела;
На страшный гроб упала багряница,
И жадная судьбина пожрала
В минуту всё, что было так прекрасно,
Что всех влекло, и так влекло напрасно.

Супруг, зовут! иди на расставанье!
Сорвав с чела супружеский венец,
В последнее земное прощанье
Веди сирот за матерью, вдовец;
Последнее отдайте ей лобзанье;
И там, где всем свиданиям конец,
Невнемлющей *прости* свое скажите
И в землю с ней все блага положите.

Прости ж, наш цвет, столь пышно восходивший, —
Едва зарю успел ты перецвести.
Ты, Жизнь, прости, красавец не доживший;
Как радости обманчивая весть,
Пропала ты, лишь сердце приманивши,
Не дав и дня надежде перечести.
Простите вы, благие начинанья,
Вы, славных дел напрасны упованья...

Но мы... смотря, как наше счастье тленно,
Мы жизнь свою дерзнем ли презирать?
О нет, главу подставивши смиренно,
Чтоб ношу бед от промысла принять,
Себя отдав руке неоткровенной,
Не мни Творца, страдалец, вопрошать;
Слепцом иди к концу стези ужасной...
В последний час слепцу всё будет ясно.

Земная жизнь небесного наследник;
Несчастье нам учитель, а не враг;
Спасительно-суровый собеседник,
Безжалостный разитель бранных благ,
Великого понятный проповедник,

Нам об руку на тайный жизни праг
Оно идет, всё руша перед нами
И скорбию дружа нас с небесами.

Здесь радости — не наше обладанье;
Пролетные пленители земли
Лишь по пути заносят к нам преданье
Облагах, нам обещанных вдали;
Земли жилец безвыходный — Странанье;
Ему на часть Судьбы нас обрекли;
Блаженство нам по слуху лишь знакомец;
Земная жизнь — страдания питомец.

И сколь душа велика сим страданьем!
Сколь радости при нем помрачены!
Когда, простясь свободно с упованьем,
В величии покорной тишины,
Она молчит пред грозным испытаньем,
Тогда... тогда с сей светлой вышины
Вся промысла ей видима дорога;
Она полна понятного ей Бога.

О! матери печаль непостижима,
Смирятся все мысли пред тобой!
Как милое сокровище, таима,
Как бытие, слиянная с душой,
Она с одним лишь небом делима...
Что ей сказать дерзнет язык земной?
Что мир с своим презренным утешеньем
Перед ее великим вдохновеньем?

Когда грустишь, о мать, одинока,
Скажи, тебе не слышится ли глас,
Призывное несущий издалека,
Из той страны, куда всё манит нас,
Где милое скрывается до срока,
Где возвратим отнятое на час?
Не сходит ли к душе благовеститель,
Земных утрат и неба изъяснитель?

И в горнее унынием влекома,
Не верю ль душа твоя полна?
Не мнится ль ей, что отческого дома
Лишь только вход земная сторона?
Что милая небесная знакома
И ждущею семьей населена?
Всё тайное не зрится ль откровенным,
А бытие великим и священным?

Внемли ж: когда молчит во храме пенье
И вышних сил мы чувствуем нисход;
Когда в алтарь на жертвосовершенство
Сосуд Любви сияющий грядет;
И на тебя с детьми благословенье
Торжественно мольба с небес зовет;
В час таинства, когда союзом тесным
Соединен житейский мир с небесным, —

Уже в сей час не будет, как бывало,
Отшедшая твоя наречена;
Об ней навек земное замолчало;
Небесному она передана;
Задержнулось за нею покрывало...
В божественном святилище она,
Незрима нам, но видя нас оттоле,
Безмолвствует при жертвенном престоле.

Святый символ надежд и утешенья!
Мы все стоим у таинственных врат;
Опущена завеса провиденья;
Но проникать ее дерзает взгляд;
За нею скрыт предел соединенья;
Из-за нее, мы слышим, говорят:
«Мужайтесь; душою не скорбите!
С надеждою и с верой приступите!»

Январь 1819

ЦВЕТ ЗАВЕТА

Мой милый цвет, былинка полевая,
Скорей покинь приют твой луговой:
Теперь тебя рука нашла родная;
Доселе ты с непышной красотой
Цвела в тиши, очей не привлекая
И путника не радуя собой;
Ты здесь была желанью не приметна,
Чужда любви и сердцу безответна.

Но для меня твой вид — очарованье;
В твоих листьях вся жизнь минувших лет;
В них милое цветет воспоминанье;
С них веет мне давнишнего привет;
Смотрю... и всё, что мило, на свиданье
С моей душой, к тебе, родимый цвет,
Воздушною слетелось толпою,
И прошлое воскресло предо мною.

И всех друзей душа моя узнала...
Но где ж они? На миг с путей земных
На север мой мечта вас призывала,
Сопутников младенчества родных...
Вас жадная рука не удержала,
И голос ваш, пленив меня, затих.
О, будь же вам заменой свиданья
Мой северный цветок воспоминанья!

Он вспомнит вам союза час священный,
Он возвратит вам прошлы времена...
О сладкий час! о вечер незабвенный!
Как Божий рай, цвела там сторона;
Безоблачен был запад озаренный,
И свежая на землю тишина,
Как ясное предчувствие, сходила;
Природа вся с душою говорила.

И к нам тогда, как Гений, прилетало
За песнею веселой старины
Прекрасное, что некогда бывало
Товарищем младенческой весны;
Отжившее нам снова оживало;
Минувших лет семьей окружены,
Всё лучшее мы зрели настоящим;
И время нам казалось нелетящим.

И *Верная* была незримо с нами...
Сии окрест волшебные места,
Сей тихий блеск заката за горами,
Сия небес вечерних чистота,
Сей мир души, согласный с небесами,
Со всем была, как таинство, слита
Ее душа присутствием священным,
Невидимым, но сердцу откровенным.

И нас *Ее* любовь благословляла;
И ободрял на благо тихий глас...
Друзья, тогда Судьба еще молчала
О жребиях, назначенных для нас;
Неизбранны, на дне ее фиала
Они еще таились в оный час;
Играли мы на тайном праге света...
Тогда был дан вам мною *цвет завета*.

И где же вы?.. Разрознен круг наш тесный;
Разлучена веселая семья;
Из области младенчества прелестной
Разведены мы в разные края...
Но розно ль мы? Повсюду в поднебесной,
О верные, далекие друзья,
Прекрасная всех благ земных примета,
Для нас цветет наш милый цвет завета.

Из северной, любовью избранной
И промыслом указанной страны

К вам ныне шлю мой дар обетованный;
Да скажет он друзьям моей весны,
Что выпал мне на часть удел желанный;
Что младости мечты совершены;
Что не вотще доверенность к надежде
И что *Теперь* пленительно, как *Прежде*.

Да скажет он, что в наш союз прекрасный
Еще один товарищ приведен...
На путь земной из люльки безопасной
Нам подает младую руку он;
Его лицо невинностию ясно,
И жизнь над ним как легкий веет сон;
Беспечному предав его веселью,
Судьба молчит над тихой колыбелью.

Но сладостным предчувствием теснится
На сердце мне грядущего мечта:
Младенчества веселый сон промчится,
Разоблачат житейское лета,
Огнем души сей взор воспламенится
И мужески созреет красота;
Дойдут к нему возвышенные вести
О праотцах, о доблести, о чести...

О! да поймет он их знаменованье,
И жизнь его да будет им верна!
Да перейдет, как чистое преданье
Прекрасных дел, в другие времена!
Что б ни было судьбы обетованье,
Лишь благом будь она освящена!..
Вы ж, милые, товарища примите
И путь его земной благословите.

А ты, наш цвет, питомец скромный луга,
Символ любви и жизни молодой,
От севера, от запада, от юга

Летай к друзьям желанною молвой;
Будь голосом, приветствующим друга;
Посол души, внимаемый душой,
О верный цвет, без слов беседуй с нами
О том, чего не выразить словами.

16 июня — 2 июля 1819

К МИМОПРОЛЕТЕВШЕМУ ЗНАКОМОМУ ГЕНИЮ

Скажи, кто ты, пленитель безымянный?
С каких небес примчался ты ко мне?
Зачем опять влечешь к обетованной,
Давно, давно покинутой стране?

Не ты ли тот, который жизнь младую
Так сладостно мечтами усыплял
И в старину про гостью неземную —
Про милую надежду ей шептал?

Не ты ли тот, кем всё во дни прекрасны
Так жило там, в счастливых тех краях,
Где луг душист, где воды светло-ясны,
Где весел день на чистых небесах?

Не ты ль во грудь с живым весны дыханьем
Таинственной унылостью влетал,
Ее теснил томительным желаньем
И трепетным весельем волновал?

Поэзии священным вдохновеньем
Не ты ль с душой носился в высоту,
Пред ней горел божественным виденьем,
Разоблачал ей жизни красоту?

В часы утрат, в часы печали тайной,
Не ты ль всегда беседой сердца был,
Его смирял утехою случайной
И тихую надеждою целил?

И не тебе ль всегда она внимала
В чистейшие минуты бытия,
Когда судьбы святыню постигала,
Когда лишь Бог свидетель был ея?

Какую ж весть принес ты, мой пленитель?
Или опять мечтой лишь поманишь
И, прежних дум напрасный пробудитель,
О счастья шепнешь и замолчишь?

О Гений мой, побудь еще со мною;
Бывалый друг, отлетом не спеши;
Останься, будь мне жизнью земною,
Будь ангелом-хранителем души.

7 августа 1819

К ПОРТРЕТУ ГЁТЕ

Свободу смелую приняв себе в закон,
Всезрящей мыслию над миром он носился.

И в мире всё постигнул он —

И ничему не покорился.

7—10 августа 1819

НЕВЫРАЗИМОЕ

Отрывок

Что наш язык земной пред дивною природой?
С какой небрежною и легкою свободой
Она рассыпала повсюду красоту
И разное с единством согласила!
Но где, какая кисть ее изобразила?
Едва-едва одну ее черту
С усилием поймать удастся вдохновенью...
Но льзя ли в мертвое живое передать?
Кто мог создание в словах пересоздать?
Невыразимое подвластно ль выраженью?..
Святые таинства, лишь сердце знает вас.
Не часто ли в величественный час
Вечернего земли преображенья,
Когда душа смятенная полна
Пророчеством великого виденья
И в беспредельное унесена, —
Спирается в груди болезненное чувство,
Хотим прекрасное в полете удержать,
Ненареченному хотим название дать —
И обессиленно безмолвствует искусство?
Что видимо очам — сей пламень облаков,
По небу тихому летящих,
Сие дрожанье вод блестящих,
Сии картины берегов
В пожаре пышного заката —

Сии столь яркие черты —
Легко их ловит мысль крылата,
И есть слова для их блестящей красоты.
Но то, что слито с сей блестящей красотой —
Сие столь смутное, волнующее нас,
Сей внемаемый одной душою
Обворожающего глас,
Сие к далекому стремленье,
Сей миновавшего привет
(Как прилетевшее незапно дуновенье
От луга родины, где был когда-то цвет,
Святая молодость, где жило упование),
Сие шепнувшее душе воспоминанье
О милом радостном и скорбном старины,
Сия сходящая святыня с вышины,
Сие присутствие создателя в созданье —
Какой для них язык?.. Горé душа летит,
Всё необъятное в единый вздох теснится,
И лишь молчание понятно говорит.

Вторая половина августа 1819

ПЕСНЯ

Отымает наши радости
Без замены хладный свет;
Вдохновенье пылкой младости
Гаснет с чувством жертвой лет;
Не одно ланит пылание
Тратим с юностью живой —
Видим сердца увядание
Прежде юности самой.

Наше счастье разбитое
Видим мы игрушкой волн,

И в далекий мрак сердитое
Море мчит наш бедный челн;
Стрелки нет путеводительной,
Иль вотще ее магнит
В бурю к пристани спасительной
Челн беспарусный манит.

Хлад, как будто ускоренная
Смерть, заходит в душу к нам;
К наслажденью охлажденная,
Охладев к самим бедам,
Без стремленья, без желанья,
В нас душа заглушена
И навек очарования
Слез отрадных лишена.

На минуту ли улыбкою
Мертвый лик наш оживет,
Или *прежнее* ошибкою
В сердце сонное зайдет —
То обман; то плющ, играющий
По развалинам седым;
Сверху лист благоухающий, —
Прах и тление под ним.

Оживите сердце вялое;
Дайте быть по старине;
Иль оплакивать *бывалое*
Слез *бывалых* дайте мне.
Сладко, сладко появление
Ручейка в пустой глуши;
Так и слезы — освежение
Запустевших души.

1820

Милый сон, души пленитель,
Гость прекрасный с вышины,
Благодатный посетитель
Поднебесной стороны,
Я тобою наслаждался
На минуту, но вполне:
Добрый вестником явился
Здесь небесного ты мне.

Мнил я быть в обетованной
Той земле, где вечный мир;
Мнил я зреть благоуханный
Безмятежный Кашемир;
Видел я: торжествовали
Праздник розы и весны
И пришелицу встречали
Из далекой стороны.

И блистая и пленяя —
Словно ангел неземной —
Непорочность молодая
Появилась предо мной;
Светлый завес покрывала
Отенял ее черты,
И застенчиво склоняла
Взор умильный с высоты.

Всё — и робкая стыдливость
Под сиянием венца,
И младенческая живость,
И величие лица,
И в чертах глубокость чувства
С безмятежной тишиной —
Всё в ней было без искусства
Неописанной красой!

Я смотрел — а призрак мимо
 (Увлекая душу вслед)
Пролетал невозвратно;
 Я за ним — его уж нет!
Посетил, как упоенье;
 Жизнь минуту озарил;
И оставил лишь преданье,
 Что когда-то в жизни был!

Ах! не с нами обитает
 Гений чистой красоты;
Лишь порой он навещает
 Нас с небесной высоты;
Он поспешен, как мечтанье,
 Как воздушный утра сон;
Но в святом воспоминанье
 Неразлучен с сердцем он!

Он лишь в чистые мгновенья
 Бытия бывает к нам
И приносит откровенья,
 Благотворные сердцам;
Чтоб о небе сердце знало
 В темной области земной,
Нам туда сквозь покрывало
 Он дает взглянуть порой;

И во всем, что здесь прекрасно,
 Что наш мир животворит,
Убедительно и ясно
 Он с душою говорит;
А когда нас покидает,
 В дар любви у нас в виду
В нашем небе зажигает
 Он прощальную звезду.

15/27 января — 7/19 февраля 1821

ЯВЛЕНИЕ ПОЭЗИИ В ВИДЕ ЛАЛЛА РУК

К востоку я стремлюсь душою!
Прелестная впервые там
Явилась в блеске над землею
Обрадованным небесам.

Как утро юного творенья,
Она пленительна пришла
И первый пламень вдохновенья
Струнами первыми зажгла.

Везде любовь ее встречает;
Цветет ей каждая страна;
Но всюду милый сохраняет
Обычай родины она.

Так пролетела здесь, блистая
Востока пламенным венцом,
Богиня песней молодая
На паланкине золотом.

Как свежей утренней порою
В жемчуге утреннем цветы,
Она пленяла красотою,
Своей не зная красоты.

И нам с своей улыбкой ясной,
В своей веселости младой,
Она казалась прекрасной
Всеобновляющей весной.

Сама гармония святая —
Ее нам мнилось бытие,
И мнилось, душу разрешая,
Манила в рай она ее.

При ней все мысли наши — пенье!
И каждый звук ее речей,
Улыбка уст, лица движенье,
Дыханье, взгляд — всё песня в ней.

1/13 — 6/18 февраля 1821

ВОСПОМИНАНИЕ

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: *их нет*;
Но с благодарностию: *были*.

16 февраля 1821

МОРЕ

Элегия

Безмолвное море, лазурное море,
Стою очарован над бездной твоей.
Ты живо; ты дышишь; смятенной любовью,
Тревожною думой наполнено ты.
Безмолвное море, лазурное море,
Открой мне глубокую тайну твою:
Что движет твое необъятное лоно?
Чем дышит твоя напряженная грудь?
Иль тянет тебя из земныя неволи
Далекое светлое небо к себе?..
Таинственной, сладостной полное жизни,
Ты чисто в присутствии чистого его:
Ты льешься его светозарной лазурью,
Вечерним и утренним светом горишь,
Ласкаешь его облака золотые
И радостно блещешь звездами его.
Когда же собираются темные тучи,

Чтоб ясное небо отнять у тебя —
Ты бьешься, ты воешь, ты волны подъемлешь,
Ты рвешь и терзаешь враждебную мглу...
И мгла исчезает, и тучи уходят,
Но, полное прошлой тревоги своей,
Ты долго вздымаешь испуганны волны,
И сладостный блеск возвращенных небес
Не вовсе тебе тишину возвращает;
Обманчив твоей неподвижности вид:
Ты в бездне покойной скрываешь смятенье,
Ты, небом любясь, дрожишь за него.

1822

9 МАРТА 1823

Ты предо мною
Стояла тихо.
Твой взор унылый
Был полон чувства.
Он мне напомнил
О милом прошлом...
Он был последний
На здешнем свете.

Ты удалилась,
Как тихий ангел;
Твоя могила,
Как рай, спокойна!
Там все земные
Воспоминанья,
Там все святые
О Небе мысли.

Звезды небес,
Тихая ночь!..

10(?) марта 1823

ПОБЕДИТЕЛЬ

Сто красавиц светлооких
Председали на турнире.
Все — цветочки полевые;
А моя одна как роза.
На нее глядел я смело,
Как орел глядит на солнце.
Как от щек моих горячих
Разгоралось забрало!
Как рвалось пробиться сердце
Сквозь тяжелый, твердый панцирь!
Светлых взоров тихий пламень
Стал душе моей пожаром;
Сладкошепчущие речи
Стали сердцу бурным вихрем;
И она — младое утро —
Стала мне грозой могучей;
Я помчался, я ударил —
И ничто не устояло.

1822

НОЧЬ

Уже утомившийся день
Склонился в багряные воды,
Темнеют лазурные своды,
Прохладная стелется тень;
И ночь молчаливая мирно

Пошла по дороге эфирной,
И Геспер летит перед ней
С прекрасной звездою своей.

Сойди, о небесная, к нам
С волшебным твоим покрывалом,
С целебным забвенья фиалом,
Дай мира усталым сердцам.
Своим миротворным явленьем,
Своим усыпительным пеньем
Томимую душу тоской,
Как мать дитя, успокой.

1823

* * *

Я Музу юную, бывало,
Встречал в подлунной стороне,
И Вдохновение летало
С небес, незваное, ко мне;
На всё земное наводило
Животворящий луч оно —
И для меня в то время было
Жизнь и Поэзия одно.

Но дарователь песнопений
Меня давно не посещал;
Бывалых нет в душе видений,
И голос арфы замолчал.
Его желанного возврата

Дождаться ль мне когда опять?
Или навек моя утрата
И вечно арфе не звучать?

Но всё, что от времен прекрасных,
Когда он мне доступен был,
Всё, что от милых темных, ясных
Минувших дней я сохранил —
Цветы мечты уединенной
И жизни лучшие цветы, —
Кладу на твой алтарь священный,
О Гений чистой красоты!

Не знаю, светлых вдохновений
Когда воротится чреда, —
Но ты знаком мне, чистый Гений!
И светит мне твоя звезда!
Пока еще ее сиянье
Душа умеет различать:
Не умерло очарованье!
Былое сбудется опять.

<1822> или <1824>

ТАИНСТВЕННЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ

Кто ты, призрак, гость прекрасный?
К нам откуда прилетал?
Безответно и безгласно
Для чего от нас пропал?
Где ты? Где твоё селенье?
Что с тобой? Куда исчез?
И зачем твоё явленье
В поднебесную с небес?

Не Надежда ль ты молодая,
Приходящая порой

Из неведомого края
Под волшебной пеленой?
Как она, неумолимо
Радость милую на час
Показал ты, с нею мимо
Пролетел и бросил нас.

Не Любовь ли нам собою
Тайно ты изобразил?..
Дни любви, когда одною
Мир для нас прекрасен был,
Ах! тогда сквозь покрывало
Неземным казался он...
Снят покров; любви не стало;
Жизнь пуста, и счастье — сон.

Не волшебница ли Дума
Здесь в тебе явилась нам?
Удаленная от шума
И мечтательно к устам
Приложивши перст, приходит
К нам, как ты, она порой
И в минувшее уводит
Нас безмолвно за собой.

Иль в тебе сама святая
Здесь Поэзия была?..
К нам, как ты, она из рая
Два покроя принесла:
Для небес лазурно-ясный,
Чистый, белый для земли:
С ней всё близкое прекрасно;
Всё знакомо, что вдали.

Иль Предчувствие сходило
К нам во образе твоём
И понятно говорило
О небесном, о святом?

Часто в жизни так бывало:
Кто-то светлый к нам летит,
Поднимает покрывало
И в далекое манит.

1824

МОТЫЛЕК И ЦВЕТЫ

Поляны мирной украшение,
Благоуханные цветы,
Минутное изображение
Земной, минутной красоты;
Вы равнодушно расцветаете,
Глядяся в воды ручейка,
И равнодушно упрекаете
В непостоянстве мотылька.

Во дни весны с востока ясного,
Младой денницей пробужден,
В пределы бытия прекрасного
От высоты спустился он.
Исполненный воспоминанием
Небесной, чистой красоты,
Он вашим радостным сиянием
Пленился, милые цветы.

Он мнил, что вы с ним однородные
Переселенцы с вышины,
Что вам, как и ему, свободные
И крылья и душа даны;
Но вы к земле, цветы, прикованы;
Вам на земле и умереть;
Глаза лишь вами очарованы,
А сердца вам не разогреть.

Не рождены вы для внимания;
Вам непонятен чувства глас;
Стремишься к вам без упования;
Без горя забываешь вас.
Пусть же к вам, резвясь, ласкается,
Как вы, минутный ветерок;
Иною прелестью пленяется
Бессмертья вестник мотылек...

Но есть меж вами два избранные,
Два ненадменные цветка;
Их имена, им сердцем данные,
К ним привлекают мотылька.
Они без пышного сияния;
Едва приметны красотой;
Один есть цвет воспоминания,
Сердечной думы цвет другой.

О милое воспоминание
О том, чего уж в мире нет!
О дума сердца — упование
На лучший, неизменный свет!
Блажен, кто вас среди губящего
Волненья жизни сохранил
И с вами низость настоящего
И пренебрег и позабыл.

1824

НОЧНОЙ СМОТР

В двенадцать часов по ночам
Из гроба встает барабанщик;
И ходит он взад и вперед,
И бьет он проворно тревогу.
И в темных гробах барабан
Могучую будит пехоту:

Встают молодцы егеря,
Встают старики гренадеры,
Встают из-под русских снегов,
С роскошных полей италийских,
Встают с африканских степей,
С горючих песков Палестины.

В двенадцать часов по ночам
Выходит трубач из могилы;
И скачет он взад и вперед,
И громко трубит он тревогу.
И в темных могилах труба
Могучую конницу будит:
Седые гусары встают,
Встают усачи кирасиры;
И с севера, с юга летят,
С востока и с запада мчатся
На легких воздушных конях
Один за другим эскадроны.

В двенадцать часов по ночам
Из гроба встает полководец;
На нем сверх мундира сюртук;
Он с маленькой шляпой и шпагой;
На старом коне боевом
Он медленно едет по фрунту;
И маршалы едут за ним,
И едут за ним адъютанты;
И армия честь отдает.
Становится он перед нею;
И с музыкой мимо его
Проходят полки за полками.

И всех генералов своих
Потом он в кружок собирает,
И ближнему на ухо сам
Он шепчет пароль свой и лозунг,
И армии всей отдают

Они тот пароль и тот лозунг:
И *Франция* — тот их пароль,
Тот лозунг — *Святая Елена*.
Так к старым солдатам своим
На смотр генеральный из гроба
В двенадцать часов по ночам
Встает император усопший.

<Январь — март> 1836

**<ИЗ АЛЬБОМА, ПОДАРЕННОГО
ГРАФИНЕ РОСТОПЧИНОЙ>**

А. С. ПУШКИН

Он лежал без движенья, как будто по тяжелой работе
Руки свои опустив. Голову тихо склоня,
Долго стоял я над ним, один, смотря со вниманьем
Мертвому прямо в глаза; были закрыты глаза,
Было лицо его мне так знакомо, и было заметно,
Что выражалось на нем, — в жизни такого
Мы не видали на этом лице. Не горел вдохновенья
Пламень на нем; не сиял острый ум;
Нет! Но какую-то мыслью, глубокой, высокою мыслью
Было объято оно: мнилось мне, что ему
В этот миг предстояло как будто какое виденье,
Что-то сбывалось над ним, и спросить мне хотелось:
что видишь?

1837

ЦАРСКОСЕЛЬСКИЙ ЛЕБЕДЬ

Лебедь белогрудый, лебедь белокрылый,
Как же нелюдимо ты, отшельник хилый,
Здесь сидишь на лоне вод уединенных!
Спутников давнишних, прежней современных
Жизни, переживши, сетуя глубоко,
Их ты поминаешь думой одинокой!
Сумрачный пустынный, из уединенья
Ты на молодое смотришь поколенье
Грустными очами; прежнего единый
Брошенный обломок, в новый лебединый
Свет на пир веселый гость не приглашенный,
Ты вступить дичишься в круг неблагоклонный
Резвой молодежи. На водах широких,
На виду царевых теремов высоких,
Пред Чесменской гордо блещущей колонной,
Лебеди младые голубое лоно
Озера тревожат плаваньем, плесканьем,
Воем крыл могучих, белых шей купаньем;
День они встречают, звонко окликаясь;
В зеркале прозрачной влаги отражаясь,
Длинной вереницей, белым флотом стройно
Плавают в сиянье солнца по спокойной
Озера лазури; ночью ж меж звездами
В небе, повторенном тихими водами,
Облаком перловым, вод не зыбля, реют
Иль двойною тенью, дремля, в них белеют;
А когда гуляет месяц меж звездами,
Влагу расшибая сильными крылами,
В блеске волн, зажженных месячным сияньем,
Окруженны брызгов огненных сверканьем,
Кажутся волшебным призраков явленьем —
Племя молодое, полное кипеньем
Жизни своевольной. Ты ж старик печальный,
Молодость их образ твой монументальный
Резвую пугает; он на них наводит

Скуку, и в приют твой ни один не входит
Гость из молодежи, ветрено летящей
Вслед за быстрым мигом жизни настоящей.
Но не сетуй, старец, пращур лебединый:
Ты родился в славный век Екатерины.
Был ее ласкаем царскою рукою, —
Памятников гордых битве под Чесмою,
Битве при Кагуле воздвижение зрел ты;
С веком Александра тихо устарел ты;
И, почти столетний, в веке Николая
Видишь, угасая, как вся Русь святая
Вкруг царевой силы, — вековой зеленый
Плющ вкруг силы дуба, — вьется под короной
Царской, от окрестных бурь ища защиты.

Дни текли за днями. Лебедь позабытый
Таял одиноко; а младое племя
В шуме резвой жизни забывало время...
Раз среди их шума раздался чудесно
Голос, всю пронзивший бездну поднебесной;
Лебеди, услышав голос, присмирели
И, стремимы тайной силой, полетели
На голос: пред ними, вновь помолоделый,
Радостно вздымая перья груди белой,
Голову на шее гордо распрямленной
К небесам подъявля, — весь воспламененный,
Лебедь благородный дней Екатерины
Пел, прощаясь с жизнью, гимн свой лебединый!
А когда допел он — на небо взглянувши
И крылами сильно дряхлыми взмахнувши —
К небу, как во время оное бывало,
Он с земли рванулся... и его не стало
В высоте... и навзничь с высоты упал он;
И прекрасен мертвый на хребте лежал он,
Широко раскинув крылья, как летящий,
В небеса вперея взор, уж не горящий.

Ноябрь — начало декабря 1851

БАЛЛАДЫ

Мухомор

И

Мухомор

Мухомор

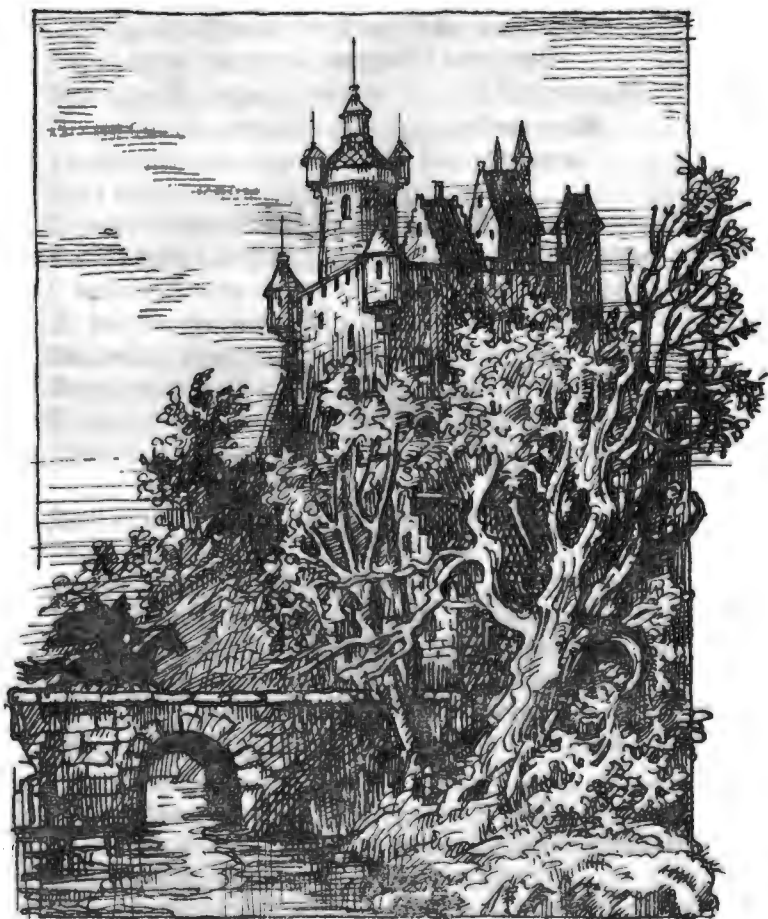
Мухомор

Мухомор

С

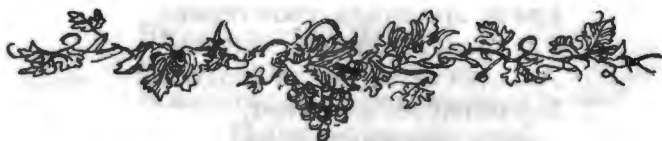
Вот

Мухомор

А славяны он доверчиво
 И рече: «Мне нечего бояться» —
 Влебу, как и прежде, арго,
 Се славяны не знали
 А и до того, и убого
 И прости, и прощаю
 Широко раскинуто
 И до сих пор впер

ЛЮДМИЛА

«Где ты, милый? Что с тобою?
С чужеземною красою,
Знать, в далекой стороне
Изменил, неверный, мне;
Иль безвременно могила
Светлый взор твой угасила».
Так Людмила, приуныв,
К персям очи преклонив,
На распутии вздыхала.
«Возвратится ль он, — мечтала, —
Из далеких, чуждых стран
С грозной ратнью славян?»

Пыль туманит отдаленье;
Светит ратных ополченье;
Топот, ржание коней;
Трубный треск и стук мечей;
Прахом панцири покрыты;
Шлемы лаврами обвиты;
Близко, близко ратных строй;
Мчатся шумною толпой
Жены, чада, обрученны...
«Возвратились, незабвенны...»
А Людмила?... Ждет-пождет...
«Там дружину он ведет;

Сладкий час — соединенье!...»
Вот проходит ополченье;
Миновался ратных строй...

Где ж, Людмила, твой герой?
Где твоя, Людмила, радость?
Ах! прости, надежда-сладость!
Всё погибло: друга нет.
Тихо в терем свой идет,
Томну голову склонила:
«Расступись, моя могила;
Гроб, откройся; полно жить;
Дважды сердцу не любить».

«Что с тобой, моя Людмила? —
Мать со страхом возопила. —
О, спокой тебя Творец!» —
«Милый друг, всему конец;
Что прошло — невозвратно;
Небо к нам неумолимо;
Царь Небесный нас забыл...
Мне ль Он счастья не сулил?
Где ж обетов исполненье?
Где Святое Провиденье?
Нет, немилостив Творец;
Всё прости, всему конец».

«О Людмила, грех роптанье;
Скорбь — Создателя посланье;
Зла Создатель не творит;
Мертвых стон не воскресит». —
«Ах! родная, миновалось!
Сердце верить отказалось!
Я ль, с надеждой и мольбой,
Пред иконою святой
Не точила слез ручьями?
Нет, бесплодными мольбами
Не призвать минувших дней;
Не цвести душе моей.

Рано жизнью насладилась,
Рано жизнь моя затмилась,
Рано прежних лет краса.

Что взирать на Небеса?
Что молить неумолимых?
Возвращу ль невозвратимых? —
«Царь Небес, то скорби глас!
Дочь, вспомни смертный час;
Кратко жизни сей страданье;
Рай — смиренным воздаянье,
Ад — бунтующим сердцам;
Будь послушна Небесам».

«Что, родная, муки ада?
Что небесная награда?
С милым вместе — всюду рай;
С милым розно — райский край
Безотрадная обитель.
Нет, забыл меня Спаситель!» —
Так Людмила жизнь кляла,
Так Творца на суд звала...
Вот уж солнце за горами;
Вот усыпала звездами
Ночь спокойный свод небес;
Мрачен дол, и мрачен лес.

Вот и месяц величавый
Встал над тихою дубравой:
То из облака блеснет,
То за облако зайдет;
С гор простерты длинны тени;
И лесов дремучих сени,
И зеркало зыбких вод,
И небес далекий свод
В светлый сумрак облеченны...
Спят пригорки отдаленны,
Бор заснул, долина спит...
Чу!.. полночный час звучит.

Потряслись дубов вершины;
Вот повеял от долины

Перелетный ветерок...
Скачет по полю ездок:
Борзый конь и ржет и пышет.
Вдруг... идут... (Людмила слышит)
На чугунное крыльцо...
Тихо брякнуло кольцо...
Тихим шепотом сказали...
(Все в ней жилки задрожали.)
То знакомый голос был,
То ей милый говорил:

«Спит иль нет моя Людмила?
Помнит друга иль забыла?
Весела иль слезы льет?
Встань, жених тебя зовет». —
«Ты ль? Откуда в час полночи?
Ах! едва прискорбны очи
Не потухнули от слез.
Знать, тронулся Царь Небес
Бедной девицы тоскою?
Точно ль милый предо мною?
Где же был? Какой судьбой
Ты опять в стране родной?»

«Близ Наревы дом мой тесный.
Только месяц поднебесный
Над долиною взойдет,
Лишь полночный час пробьет —
Мы коней своих седлаем,
Темны кельи покидаем.
Поздно я пустился в путь.
Ты моя; моею будь...
Чу! совы пустынной крики.
Слышишь? Пенье, брачны лики.
Слышишь? Борзый конь заржал.
Едем, едем, час настал».

«Переждем хоть время ночи;
Ветер встал от полуночи;

Хладно в поле, бор шумит;
Месяц тучами закрыт». —
«Ветер буйный перестанет;
Стихнет бор, луна проглянет;
Едем, нам сто верст езды.
Слышишь? Конь грызет бразды,
Бьет копытом с нетерпенья.
Миг нам страшен замедленья;
Краткий, краткий дан мне срок;
Едем, едем, путь далек».

«Ночь давно ли наступила?
Полночь только что пробила.
Слышишь? Колокол гудит». —
«Ветер стихнул; бор молчит;
Месяц в водный ток глядится;
Мигом борзый конь домчится». —
«Где ж, скажи, твой тесный дом?» —
«Там, в Литве, краю чужом:
Хладен, тих, уединенный,
Свежим дерном покровенный;
Саван, крест и шесть досток.
Едем, едем, путь далек».

Мчатся всадник и Людмила.
Робко дева обхватила
Друга нежною рукой,
Прислонясь к нему главой.
Скоком, летом по долинам,
По буграм и по равнинам;
Пышет конь, земля дрожит;
Брызжут искры от копыт;
Пыль катится вслед клубами;
Скачут мимо них рядами
Рвы, поля, бугры, кусты;
С громом зыблются мосты.

«Светит месяц, дол сребрится;
Мертвый с девицею мчится

Путь их к келье гробовой.
Страшно ль, девица, со мной? —
«Что до мертвых? что до гроба?
Мертвых дом земли утроба». —
«Чу! в лесу потрясся лист.
Чу! в глуши раздался свист.
Черный ворон встрепенулся;
Вздрыгнул конь и отшатнулся;
Вспыхнул в поле огонек». —
«Близко ль, милый?» — «Путь далек».

Слышат шорох тихих теней:
В час полуночных видений,
В дыме облака, толпой,
Прах оставя гробовой
С поздним месяца восходом,
Легким, светлым хороводом
В цепь воздушную свились;
Вот за ними понеслись;
Вот поют воздушны лики:
Будто в листьях повилики
Вьется легкий ветерок;
Будто плещет ручеек.

«Светит месяц, дол сребрится;
Мертвый с девицею мчится;
Путь их к келье гробовой.
Страшно ль, девица, со мной?» —
«Что до мертвых? что до гроба?
Мертвых дом земли утроба». —
«Конь, мой конь, бежит песок;
Чую ранний ветерок;
Конь, мой конь, быстрее мчися;
Звезды утренни зажглись,
Месяц в облаке потух.
Конь, мой конь, кричит петух».

«Близко ль, милый?» — «Вот примчались».
Слышат: сосны зашатались;

Слышат: спал с ворот запор;
Борзый конь стрелой на двор.
Что же, что в очах Людмилы?
Камней ряд, кресты, могилы,
И среди них Божий храм.
Конь несется по гробам;
Стены звонкий вторят топот;
И в траве чуть слышный шепот,
Как усопших тихий глас...
Вот денница занялась.

Что же чудится Людмиле?..
К свежей конь примчась могиле,
Бух в нее и с седоком.
Вдруг — глухой подземный гром;
Страшно доски затрещали;
Кости в кости застучали;
Пыль взвилася; обруч хлоп;
Тихо, тихо вскрылся гроб...
Что же, что в очах Людмилы?..
Ах, невеста, где твой милый?
Где венчальный твой венец?
Дом твой — гроб; жених — мертвец.

Видит труп оцепенелый;
Прям, недвижим, посинелый,
Длинным саваном обвит.
Страшен милый прежде вид;
Впалы мертвые ланиты;
Мутен взор полуоткрытый;
Руки сложены крестом.
Вдруг привстал... манит нерстом...
«Кончен путь: ко мне, Людмила;
Нам постель — темна могила;
Завес — саван гробовой;
Сладко спать в земле сырой».

Что ж Людмила?.. Каменеет,
Меркнут очи, кровь хладеет,

Пала мертвая на прах.
Стон и вопли в облаках,
Визг и скрежет под землею;
Вдруг уснувшие толпою
Потянулись из могил;
Тихий, страшный хор завыл:
«Смертных ропот безрассуден;
Царь Всевышний правосуден;
Твой услышал стон Творец;
Час твой бил, настал конец».

14 апреля 1808

КАССАНДРА

Всё в обители Приама
Возвещало брачный час:
Запах роз и фимиама,
Гимны дев и лирный глас.
Спит гроза микувшей брани,
Щит, и меч, и конь забыт,
Облечен в пурпурны ткани
С Поликсеною Пелид.

Девы, юноши четами
По узорчатым коврам,
Украшенные венками,
Идут веселы во храм;
Стогны дышат фимиамом;
В злато царский дом одет;
Снова счастье над Пергамом...
Для Кассандры счастья нет.

Уклонясь от лирных звонов,
Нелюдима и одна,
Дочь Приама в Аполлонов
Древний лес удалена.
Сводом лавров осененна,
Сбросив жрический покров,
Провозвестница священна
Так роптала на богов:

«Там шумят веселых волны;
Всем душа оживлена;
Мать, отец надеждой полны;
В храм сестра приведена.
Я одна мечты лишена;
Ужас мне — что радость там;
Вижу, вижу: окрыленна
Мчится Гибель на Пергам.

Вижу факел — он светлеет
Не в Гименовых руках;
И не жертвы пламя рдеет
На сгущенных облаках;
Зрю пиров уготовление...
Но... горé, по небесам, ^{хвдвв}
Слышно Бога приближенье,
Предлетящего бедам.

И вотще мое стenanье,
И печаль моя мне стыд:
Лишь с пустынями страданье
Сердце сирое делит.
От счастливых отчужденна,
Веселящимся позор,
Я тобой всех благ лишена,
О предведения взор!
отныне Я
Что Кассандре дар вещанья
В сем жилище скромных чад

Безмятежного незнания,
И блаженных им стократ?
Ах! почто она предвидит
То, чего не отвратит?...
Неизбежное приидет,
И грозящее сразит.

И спасу ль их, открывая
Близкий ужас их очам?
Лишь незнание — жизнь прямая;
Знание — смерть прямая нам.
Феб, возьми твой дар опасный,
Очи мне спеши затмить;
Тяжко истины ужасной
Смертною скуделью быть...

Я забыла славить радость,
Став пророчицей твоей.
Слепоты погибшей сладость,
Мирный мрак минувших дней,
С вами скрылись наслажденья!
Он мне будущее дал,
Но веселие мгновенья
Настоящего отнял.

Никогда покров венчальный
Мне главы не осенит:
Вижу факел погребальный;
Вижу: ранний гроб открыт.
Я с родными скучну младость
Всю утратила в тоске —
Ах, могла ль делить их радость,
Видя скорбь их вдалеке?

Их ласкает ожиданье;
Жизнь, любовь передо мной;
Всё окрест — очарованье —
Я одна мертва душой.

Для меня весна напрасна;
Мир цветущий пуст и дик...
Ах! сколь жизнь тому ужасна,
Кто во глубь ее проник!

Сладкий жребий Поликсены!
С женихом рука с рукой,
Взор, любовью распаленный,
И, гордясь сама собой,
Благ своих не постигает:
В сновидениях златых
И бессмертья не желает
За один с Пелидом миг.

И моей любви открылся
Тот, кого мы ждем душой:
Милый взор ко мне стремился,
Полный страстно тоской...
Но — для нас перед богами
Брачный гимн не возгремит;
Вижу: грозно между нами
Тень стигийская стоит.

Духи, бледною толпою
Покидая мрачный ад,
Вслед за мной и предо мною,
Неотступные, летят;
В резвы юношески лики
Вносят ужас за собой;
Внемля радостные клики,
Внемлю их надгробный вой.

Там сокрытый блеск кинжала;
Там убийцы взор горит;
Там невидимого жала
Яд погибелью грозит.
Всё предчувствуя и зная,
В страшный путь сама иду:

Ты падешь, страна родная;
Я в чужбине гроб найду...»

И слова еще звучали...
Вдруг... шумит священный лес...
И зефиры глас примчали:
«Пал великий Ахиллес!»
Машут Фурии змиями,
Боги мчатся к небесам...
И карающий громами
Грозно смотрит на Пергам.

<Сентябрь> 1809

СВЕТЛАНА

А. А. Воейковой

Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали:
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали;
Снег пололи; под окном
Слушали; кормили
Счетным курицу зерном;
Ярый воск топили;
В чашу с чистою водой
Клали перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Расстилали белый плат
И над чашей пели в лад
Песенки подблюдны.

Тускло светится луна
В сумраке тумана —
Молчалива и грустна
Милая Светлана.
«Что, подруженька, с тобой?
Вымолви словечко;
Слушай песни круговой;
Вынь себе колечко.
Пой, красавица: «Кузнец,
Скуй мне злат и нов венец,
Скуй кольцо золотое;
Мне венчаться тем венцом,
Обручаться тем кольцом
При святом наложье».

«Как могу, подружки, петь?
Милый друг далеко;
Мне судьбина умереть
В грусти одинокой.
Год промчался — вести нет;
Он ко мне не пишет;
Ах! а им лишь красен свет,
Им лишь сердце дышит...
Иль не вспомнишь обо мне?
Где, в какой ты стороне?
Где твоя обитель?
Я молюсь и слезы лью!
Утоли печаль мою,
Ангел-утешитель».

Вот в светлице стол накрыт
Белой пеленою;
И на том столе стоит
Зеркало с свечою;
Два прибора на столе.
«Загадай, Светлана;
В чистом зеркала стекле
В полночь, без обмана

Ты узнаешь жребий свой:
Стукнет в двери милый твой
Легкою рукою;
Упадет с дверей запор;
Сядет он за свой прибор
Ужинать с тобою».

Вот красавица одна;
К зеркалу садится;
С тайной робостью она
В зеркало глядится;
Тёмно в зеркале; кругом
Мертвое молчанье;
Свечка трепетным огнем
Чуть лиет сиянье...
Робость в ней волнует грудь,
Страшно ей назад взглянуть,
Страх туманит очи...
Стреском пыхнул огонек,
Крикнул жалобно сверчок,
Вестник полуночи.

Подпершися локотком,
Чуть Светлана дышит...
Вот... легохонько замком
Кто-то стукнул, слышит;
Робко в зеркало глядит:
За ее плечами
Кто-то, чудилось, блестит
Яркими глазами...
Занялся от страха дух...
Вдруг в ее влетает слух
Тихий, легкий шепот:
«Я с тобой, моя краса;
Укротились Небеса;
Твой услышан ропот!»

Оглянулася... милый к ней
Простирает руки.

«Радость, свет моих очей,
Нет для нас разлуки.
Едем! Поп уж в церкви ждет
С дьяконом, дьячками;
Хор венчальну песнь поет;
Храм блестит свечами».
Был в ответ умильный взор;
Идут на широкий двор,
В ворота тесовы;
У ворот их санки ждут;
С нетерпенья кони рвут
Повода шелковы.

Сели... кони с места враз;
Пышут дым ноздрями;
От копыт их поднялась
Вьюга над санями.
Скачут... пусто всё вокруг,
Степь в очах Светланы,
На луне туманный круг;
Чуть блестят поляны.
Сердце вещее дрожит;
Робко дева говорит:
«Что ты смолкнул, милый?»
Ни полслова ей в ответ:
Он глядит на лунный свет,
Бледен и унылый.

Кони мчатся по буграм;
Топчут снег глубокий...
Вот в сторонке Божий храм
Виден одинокий;
Двери вихорь отворил;
Тьма людей во храме;
Яркий свет паникадил
Тускнет в фимиаме;
На середине черный гроб;
И гласит протяжно поп:

«Буди взят могилой!»
Пуще девица дрожит;
Кони мимо; друг молчит,
Бледен и унылый.

Вдруг метелица кругом;
Снег валит клоками;
Черный вран, свистя крылом,
Вьется над санями;
Ворон каркает: *печаль!*
Кони торопливы
Чутко смотрят в темну даль,
Подымая гривы;
Брезжит в поле огонек;
Виден мирный уголок,
Хижинка под снегом.
Кони борзые быстрей,
Снег взрывая, прямо к ней
Мчатся дружным бегом.

Вот примчались... и вмиг
Из очей пропали:
Кони, сани и жених
Будто не бывали.
Одинокая, впотьмах,
Брошена от друга,
В страшных девица местах;
Вкруг метель и вьюга.
Возвратиться — следу нет...
Виден ей в избушке свет:
Вот перекрестилась;
В дверь с молитвою стучит...
Дверь шатнулася... скрипит...
Тихо растворилась.

Что ж?.. В избушке гроб; накрыт
Белою запоной;
Спасов лик в ногах стоит;

Свечка пред иконой...
Ах! Светлана, что с тобой?
В чью зашла обитель?
Страшен хижины пустой
Безответный житель.
Входит с трепетом, в слезах;
Пред иконой пала в прах,
Спасу помолилась;
И с крестом своим в руке,
Под святыми в уголке
Робко притаилась.

Всё утихло... вьюги нет...
Слабо свечка тлится,
То прольет дрожащий свет,
То опять затмится...
Всё в глубоком, мертвом сне,
Страшное молчанье...
Чу, Светлана!.. в тишине
Легкое журчанье...
Вот глядит: к ней в уголок
Белоснежный голубок
С светлыми глазами,
Тихо вея, прилетел,
К ней на перси тихо сел,
Обнял их крылами.

Смолкло всё опять кругом...
Вот Светлане мнится,
Что под белым полотном
Мертвый шевелится...
Сорвался покров; мертвец
(Лик мрачнее ночи)
Виден весь — на лбу венец,
Затворены очи.
Вдруг... в устах сомкнутых стон;
Силится раздвинуть он
Руки охладели...

Что же девица?.. Дрожит...
Гибель близко... но не спит
Голубочек белый.

Встрепенулся, развернул
Легкие он крылы;
К мертвецу на грудь вспорхнул...
Всей лишенный силы,
Простонав, заскрежетал
Страшно он зубами
И на деву засверкал
Грозными очами...
Снова бледность на устах;
В закатившихся глазах
Смерть изобразилась...
Глядь, Светлана... о Творец!
Милый друг ее — мертвец!
Ах!.. и пробудилась.

Где ж?.. У зеркала, одна
Посреди светлицы;
В тонкий занавес окна
Светит луч денницы;
Шумным бьет крылом петух,
День встречая пеньем;
Всё блестит... Светланин дух
Смутен сновиденьем.
«Ах! ужасный, грозный сон!
Не добро вещает он —
Горькую судьбину;
Тайный мрак грядущих дней,
Что сулишь душе моей,
Радость иль кручину?»

Села (тяжко ноет грудь)
Под окном Светлана;
Из окна широкий путь
Виден сквозь тумана;

Снег на солнышке блестит,
Пар алеет тонкий...
Чу!.. в дали пустой гремит
Колокольчик звонкий;
На дороге снежный прах;
Мчат, как будто на крылах,
Санки кони рыяны;
Ближе; вот уж у ворот;
Статный гость к крыльцу идет...
Кто?.. Жених Светланы.

Что же твой, Светлана, сон,
Прорицатель муки?
Друг с тобой; всё тот же он
В опыте разлуки;
Та ж любовь в его очах,
Те ж приятны взоры;
Те ж на сладостных устах
Милы разговоры.
Отворяйся ж, Божий храм;
Вы летите к Небесам,
Верные обеты;
Соберитесь, стар и млад;
Сдвинув звонки чаши, в лад
Пойте; многи леты!

Улыбнись, моя краса,
На мою балладу;
В ней большие чудеса,
Очень мало складу.
Взором счастливый твоим,
Не хочу и славы;
Слава — нас учили — дым;
Свет — судья лукавый.
Вот баллады толк моей:
♦ Лучший друг нам в жизни сей
Вера в Провиденье.

Благ зиждителя закон:
Здесь несчастье — лживый сон;
Счастье — пробужденье.

О! не знай сих страшных снов
Ты, моя Светлана...
Будь, Создатель, ей покров!
Ни печали рана,
Ни минутной грусти тень
К ней да не коснется;
В ней душа как ясный день;
Ах! да пронесется
Мимо — Бедствия рука;
Как приятный ручейка
Блеск на лоне луга,
Будь вся жизнь ее светла,
Будь веселость, как была,
Дней ее подруга.

1808—1812

ИВИКОВЫ ЖУРАВЛИ

На Посидонов пир веселый,
Куда стекались чада Гелы
Зреть бег коней и бой певцов,
Шел Ивик, скромный друг богов.
Ему с крылатою мечтою
Послал дар песней Аполлон:
И с лирой, с легкою клюкою
Шел, вдохновенный, к Истму он.

Уже его открыли взоры
Вдали Акрокоринф и горы,
Слиянны с синевой небес.
Он входит в Посидонов лес...
Всё тихо: лист не колыхнется;
Лишь журавлей по вышине
Шумящая станица вьется
В страны полуденны к весне.

«О спутники, ваш рой крылатый,
Досель мой верный провожатый,
Будь добрым знаменiem мне.
Сказав: прости! родной стране,
Чужого берега посетитель,
Ищу приюта, как и вы;
Да отвратит Зевес-хранитель
Беду от странничьей главы».

И с твердой верою в Зевеса
Он в глубину вступает леса;
Идет заглохшею тропой...
И зрит убийц перед собой.
Готов сразиться он с врагами;
Но час судьбы его приспел:
Знакомый с лирными струнами,
Напрячь он лука не умел.

К богам и к людям он взывает...
Лишь эхо стоны повторяет —
В ужасном лесе жизни нет.
«И так погибну в цвете лет,
Истлею здесь без погребенья
И не оплакан от друзей;
И сим врагам не будет мщенья
Ни от богов, ни от людей».

И он боролся уж с кончиной...
Вдруг... шум от стаи журавлиной;

Он слышит (взор уже угас)
Их жалобно-стелящий глас.
«Вы, журавли под небесами,
Я вас в свидетели зову!
Да грянет, привлеченный вами,
Зевесов гром на их главу».

И труп узрели обнаженный:
Рукой убийцы искаженны
Черты прекрасного лица.
Коринфский друг узнал певца.
«И ты ль недвижим предо мною?
И на главу твою, певец,
Я мнил торжественной рукою
Сосновый положить венец».

И внемлют гости Посидона,
Что пал наперсник Аполлона...
Вся Греция поражена;
Для всех сердец печаль одна.
И с диким ревом исступленья
Пританов окружил народ
И вопит: «Старцы, мщенья, мщенья!
Злодеям казнь, их сгибни род!»

Но где их след? Кому приметно
Лицо врага в толпе несметной
Притекших в Посидонов храм?
Они ругаются богам.
И кто ж — разбойник ли презренный
Иль тайный враг удар нанес?
Лишь Гелиос то зрел священный,
Всё озаряющий с небес.

С подъятой, может быть, главою,
Между шумящею толпою,
Злодей сокрыт в сей самый час
И хладно внемлет скорби глас;

Иль в капище, склонив колени,
Жжет ладан гнусною рукой;
Или теснится на ступени
Амфитеатра за толпой,

Где, устремив на сцену взоры
(Чуть могут их сдержать подпоры),
Пришед из ближних, дальних стран,
Шумя, как смутный океан,
Над рядом ряд, сидят народы;
И движутся, как в бурю лес,
Людьми кипящи переходы,
Всходя до синевы небес.

И кто сочтет разноплеменных,
Сим торжеством соединенных?
Пришли отсюда: от Афин,
От древней Спарты, от Микин,
С пределов Азии далекой,
С Эгейских вод, с Фракийских гор...
И сели в тишине глубокой,
И тихо выступает хор.

По древнему обряду, важно,
Походкой мерной и протяжной,
Священным страхом окружен,
Обходит вокруг театра он.
Не шествуют так персти чада;
Не здесь их колыбель была.
Их стана дивная громада
Предел земного перешла.

Идут с поникшими главами
И движут тощими руками
Свечй, от коих темный свет;
И в их ланитах крови нет;
Их мертвы лица, очи впалы;
И свитые меж их власов

Эхидны движут с свистом жалы,
Являя страшный ряд зубов.

И стали вокруг, сверкая взором;
И гимн запели диким хором,
В сердца вонзающий боязнь;
И в нем преступник слышит: *казнь!*
Гроза души, ума смутитель,
Эринний страшный хор гремит;
И, цепenea, внемлет зритель;
И лира, онемев, молчит:

«Блажен, кто незнаком с виною,
Кто чист младенчески душою!
Мы не дерзнем ему вослед;
Ему чужда дорога бед...
Но вам, убийцы, горе, горе!
Как тень, за вами всюду мы,
С грозою мщения во взоре,
Ужасные созданья тьмы.

Не мните скрыться — мы с крылами;
Вы в лес, вы в бездну — мы за вами;
И, спутав вас в своих сетях,
Растерзанных бросаем в прах.
Вам покаянье не защита;
Ваш стон, ваш плач — веселье нам;
Терзать вас будем до Коцита,
Но не покинем вас и там».

И песнь ужасных замолчала;
И над внимавшими лежала,
Богинь присутствием полна,
Как над могилой, тишина.
И тихой, мерною стопою
Они обратно потекли,
Склонив главы, рука с рукою,
И скрылись медленно вдали.

И зритель — зыблемый сомнением
Меж истиной и заблуждением —
Со страхом мнит о Силе той.
Которая, во мгле густой
Скрываясь, неизбежима,
Вьет нити роковых сетей,
Во глубине лишь сердца зрима,
Но скрыта от дневных лучей.

И всё, и всё еще в молчанье...
Вдруг на ступенях восклицанье:
«Парфений, слышишь?.. Крик вдали —
То Ивиковы журавли!..»
И небо вдруг покрылось тьмою;
И воздух весь от крыл шумит;
И видят... черной полосой
Станица журавлей летит.

«Что? Ивик!..» Всё поколебалось —
И имя Ивика помчалось
Из уст в уста... шумит народ,
Как бурная пучина вод.
«Наш добрый Ивик! наш сраженный
Врагом неизвестным поэт!..
Что, что в сем слове сокровенно?
И что сих журавлей полет?»

И всем сердцам в одно мгновенье,
Как будто свыше откровенье,
Блеснула мысль: «Убийца тут;
То Эвменид ужасных суд;
Отмщенье за певца готово;
Себе преступник изменил.
К суду и тот, кто молвил слово,
И тот, кем он внимаем был!»

И бледен, трепетен, смятенный,
Незапной речью обличенный,

Исторгнут из толпы злодей:
Перед седалище судей
Он привлечен с своим клеветом;
Смущенный вид, склоненный взор
И тщетный плач был их ответом;
И смерть была им приговор.

1813

**БАЛЛАДА,
В КОТОРОЙ ОПИСЫВАЕТСЯ,
КАК ОДНА СТАРУШКА
ЕХАЛА НА ЧЕРНОМ КОНЕ ВДВОЕМ
И КТО СИДЕЛ ВПЕРЕДИ**

На кровле ворон дико прокричал —
Старушка слышит и бледнеет.
Понятно ей, что ворон тот сказал:
Слегла в постель, дрожит, хладеет.

И вóпит скорбно: «Где мой сын-чернец?
Ему сказать мне слово дайте;
Увы! я гибну; близок мой конец;
Скорей, скорей! не опоздайте!»

И к матери идет чернец святой:
Ее услышать покаянье;
И тайные дары несет с собой,
Чтоб утолить ее страданье.

Но лишь пришел к одру с дарами он,
Старушка в трепете завывала;
Как смерти крик ее протяжный стон...
«Не приближайся! — возопила. —

Не подноси ко мне святых даров;
Уже не в пользу покаянье...»

Был страшен вид ее седых волос
И страшно груди колыханье.

Дары святые сын отнес назад
И к страждущей приходит снова;
Кругом бродил ее потухший взгляд;
Язык искал, немея, слова.

«Вся жизнь моя в грехах погребена,
Меня отвергнул искупитель;
Твоя ж душа молитвой спасена,
Ты будь души моей спаситель.

Здесь вместо дня была мне ночи мгла;
Я кровь младенцев проливала,
Власы невест в огне волшебном жгла
И кости мертвых похищала.

И казнь лукавый обольститель мой
Уж мне готовит в адской злобе;
И я, смутив чужих гробов покой,
В своем не успокоюсь гробе.

Ах! не забудь моих последних слов:
Мой труп, обвитый пеленою,
Мой гроб, мой черный гробовой покров
Ты окропи святой водою.

Чтоб из свинца мой крепкий гроб был слит,
Семью окован обручами,
Во храм внесен, пред алтарем прибит
К помосту крепкими цепями.

И цепи окропи святой водой;
Чтобы священники собором
И день и ночь стояли надо мной
И пели панихиду хором;

Чтоб пятьдесят на крылосах дьячков
За ними в черных рясах пели;
Чтоб день и ночь свечи у образов
Из воску ярого горели;

Чтобы звучней во все колокола
С молитвой день и ночь звонили;
Чтоб заперта во храме дверь была;
Чтоб дьяконы пред ней кадили;

Чтоб крепок был запор церковных врат;
Чтобы с полуночного бденья
Он ни на миг с растворов не был снят
До солнечного восхожденья.

С обрядом тем молитесь три дня,
Три ночи сряду надо мною:
Чтоб не достиг губитель до меня,
Чтоб прах мой принят был землею*.

И глас ее быть слышен перестал;
Померкши очи закатились;
Последний вздох в груди затрепетал;
Уста, охолодев, раскрылись.

И хладный труп, и саван гробовой,
И гроб под черной пеленою
Священники с приличною мольбой
Опрыскали святой водою.

Семь обручей на гроб положены;
Три цепи тяжкими винтами
Вонзились в гроб и с ним утверждены
В помост пред царскими дверями.

И вспрыснуты они святой водой;
И все священники в собрание:
Чтоб день и ночь душе на упокой
Свершать во храме поминанье.

Поют дьячки все в черных стихарях
Медлительными голосами;
Горят свечѣ надгробны в их руках,
Горят свечѣ пред образами.

Протяжный глас, и бледный лик певцов,
Печальный, страшный сумрак храма,
И тихий гроб, и длинный ряд попов
В тумане зыбком фимиама,

И горестный чернец пред алтарем,
Творящий до земли поклоны,
И в высоте дрожащим свеч огнем
Чуть озаренные иконы...

Ужасный вид! колокола звонят;
Уж час полуночного бденья...
И заперлись затворы тяжких врат
Перед начатием моления.

И в первую ночь от свеч веселый блеск.
И вдруг... к полночи за воротами
Ужасный вой, ужасный шум и треск;
И слышалось: гремят цепями.

Железных врат запор, стуча, дрожит;
Звонят на колокольне звонче;
Молитву клир усерднее творит,
И пение поющих громче.

Гудят колокола, дьячки поют,
Попы молитвы вслух читают,
Чернец в слезах, в кадилах ладан жгут,
И свечи яркие пылают.

Запел петух... и, смолкнувши, бегут
Враги, не совершив ловитвы;
Смелей дьячки на крылосах поют,
Смелей попы творят молитвы.

В другую ночь от свеч темнее свет,
И слабо теплятся кадилы,
И гробовой у всех на лицах цвет,
Как будто встали из могилы.

И снова рев, и шум, и треск у врат;
Грызут замок, в затворы рвутся;
Как будто вихрь, как будто шумный град,
Как будто воды с гор несутся.

Пред алтарем чернец на землю пал,
Священники творят поклоны,
И дым от свеч туманных побежал,
И потемнели все иконы.

Сильнее стук — звучней колокола,
И трепетней поющих голос;
В крови их хлад, объемлет очи мгла,
Дрожат колена, дыбом волос.

Запел петух... и прочь враги бегут,
Опять не совершив ловитвы;
Смелей дьячки на крылосах поют,
Попы смелей творят молитвы.

На третью ночь свечі едва горят;
И дым густой и запах серный;
Как ряд теней, попы во мгле стоят;
Чуть виден гроб во мраке черный.

И стук у врат: как будто океан
Под бурею ревет и воет,
Как будто степь песчаную оркан
Свистящими крылами роет.

И звонари от страха чуть звонят,
И руки им служить не вольны;
Час от часу страшнее гром у врат,
И звон слабее колокольный.

Дрожа, упал чернец пред алтарем;
Молиться силы нет; во прахе
Лежит, к земле прикинувши лицом;
Поднять глаза не смеет в страхе.

И певчих хор, досель согласный, стал
Нестройным криком от смятенья:
Им чудилось, что церковь запатал
Как бы удар землетрясения.

Вдруг затускнел огонь во всех свечах,
Погасли все и закурились;
И замер глас у певчих на устах,
Все трепетали, все крестились.

И раздалось... как будто оный глас,
Который грянет над гробами;
И храма дверь со стуком затряслась
И на пол рухнула с петлями.

И он предстал весь в пламени очам,
Свирепый, мрачный, разъяренный;
И вокруг него огромный Божий храм
Казался печью раскаленной!

Едва сказал: «Исчезните!» цепям —
Они рассыпались золою;
Едва рукой коснулся обручам —
Они истлели под рукою.

И вскрылся гроб. Он к телу вопиёт:
«Восстань, иди вослед владыке!»
И проступил от слов сих хладный пот
На мертвом, неподвижном лице.

И тихо труп со стоном тяжким встал,
Покорен страшному призыванью;
И никогда здесь смертный не слышал
Подобного тому стенанью.

И ко вратам пошла она с врагом...
Там зрелся конь чернее ночи.
Храпит и ржет и пышет он огнем,
И как пожар пылают очи.

И на коня с добычей прынул враг;
И труп завыл; и быстротечно
Конь полетел, взвивая дым и прах;
И слух об ней пропал навечно.

Никто не зрел, как с нею мчался он...
Лишь страшный след нашли на праге;
Лишь внемля крик, всю ночь сквозь тяжкий сон
Младенцы вздрагивали в страхе.

Октябрь 1814

АХИЛЛ

Отуманилася Ида;
Омрачился Илион;
Спит во мраке стан Атрида;
На равнине битвы сон.
Тихо всё... курясь, сверкает
Пламень гаснувших костров,
И протяжно окликает
Стражу стража близ шатров.

Над Эгейских вод равниной
Светел всходит рог луны;
Звезды спящую пучиной
И берега отражены;

Виден в поле опустелом
С колесницею Приам:
Он за Гекторовым телом
От шатров идет к стенам.

И на бреге близ кургана
Зрится сумрачный Ахилл;
Он один, далек от стана,
Он главу на длань склонил.
Смотрит вдаль — там с колесницей
На пути Приама зрит:
Оттирает багрянницей
Слезы бедный царь с ланит.

Лиру взял; ударил в струны;
Тих его печальный глас:
♦Старец, пал твой Гектор юный;
Свет души твоей угас;
И Гекуба, Андромаха
Ждут тебя у градских врат
С ношей милого им праха...
Жизнь и смерть им твой возврат.

И с денницею печальной
Воскурится фимиам,
Огласятся погребальной
Песнью каждый дом и храм;
Мать, отец, вдова с мольбою
Пепел в урну соберут,
И молитвы их герою
Мир в стране теней дадут.

О Приам, ты пред Ахиллом
Здесь во прах главу склонял;
Здесь молил о сыне милом,
Здесь, несчастный, ты лобзал
Руку, слез твоих причину...
Ах! не сетуй; глас небес

Нам одну изрек судьбину:
И меня постиг Зевес.

Близок час мой; роковая
Приготовлена стрела;
Парка, жребию внимая,
Дни мои уж отвила;
И скрыпят врата Аида;
И вещает грозный глас:
Всё свершилось для Пелида;
Факел дней его угас.

Верный друг мой взят могилой;
Брата бой меня лишил —
Вслед за ним с земли унылой
Удалится и Ахилл.
Так судил мне рок жестокий:
Я паду в весне моей
На чужом берегу, далёко
От Пелеевых очей.

Ах! и сердце запрещает
Доле жить в земном краю,
Где уж друг не услаждает
Душу сирую мою.
Гектор пал — его паденьем
Тень Патрокла я смирил;
Но себе за друга мщеньем
Путь к Тенару проложил.

Ты не жди, Менетий, сына;
Не придет он в отчий дом...
Здесь Эгейская пучина
Пред его шумит холмом;
Спит он... смерть сковала длани,
Позабыл ко славе путь;
И призывный голос брани
Не вздымает хладну грудь.

И Ахилл не возвратится;
В доме отчем пустота
Скоро, скоро водворится...
О Пелей, ты сирота.
Пронесется буря брани —
Ты Ахилла будешь ждать
И чертог свой в новы ткани
Для приема убирать;

Будешь с берега уныло
Ты смотреть — в пустой дали
Не белеет ли ветрило,
Не плывут ли корабли?
Корабли придут от Трои —
А меня ни на одном;
Там, где билися герои,
Буду спать — и вечным сном.

Тщетно, смертною борьбою
Мучим, будешь сына звать
И хладающей рукою
Вкруг себя его искать —
С милым светом разлученья
Глас его не усладит,
И на брег воды забвенья
Зов отца не долетит.

Край отчизны, светлы воды,
Очарованны места,
Мирт, олив и лавров своды,
Пышных долов красота,
Расцветайте, убирайтесь,
Как и прежде, красотой;
Как и прежде, оглашайтесь
Кликом радости одной;

Но Патрокла и Ахилла
Никогда вам не видеть!

Воды Сперхия, сулила
Вам рука моя отдать
Волоса с моей от брани
Уцелевшей головы...
Всё Патроклу в дар, и дани
Уж моей не ждите вы.

Кони быстрые, из боя
(Тайный рок вас удержал)
Вы не вынесли героя —
И на щит он мертвый пал;
Кони бодрые, ретивы,
Что ж теперь так мрачны вы?
По земле влачатся гривы;
Наклонились главы;

Позабыта пища вами;
Груды мощные дрожат;
Слышу стон ваш, и слезами
Очи гордые блещут.
Знать, Ахиллов пред собою
Зрите вы последний час;
Знать, внушен был вам судьбою
Мне конец вещавший глас...

Скоро!.. лук свой напрягает
Неизбежный Аполлон,
И пришельца ожидает
К Стиксу черному Харон.
И Патрокл с берегов забвенья
В полуночной тишине
Легкой тенью сновиденья
Прилетал уже ко мне.

Как зефирное дыханье,
Он провеял надо мной;
Мне послышалось призыванье,
Сладкий глас души родной;

В нежном взоре скорбь разлуки
И следы минувших слез...
Я простер ко брату руки...
Он во мгле пустой исчез.

От Скироса вдаль влекомый, —
Поплывет Неоптолем;
Брег увидит незнакомый
И зеленый холм на нем;
Кормщик юноше укажет,
Полный думы, на курган —
♦ Вот Ахиллов гроб (он скажет);
Там вблизи был греков стан.

Там, ужасный, на ограде
Нам явился он в ночи —
Нестерпимый блеск во взгляде,
С шлема грозные лучи —
И трикраты звучным криком
На врага он грянул страх,
И троянец с бледным ликом
Бросил щит и меч во прах.

Там, Атриду дав десницу,
С ним союз запечатлел;
Там, гремящий, в колесницу
Прянув, к Трое полетел; И
Там по праху за собою
Тело Гекторovo мчал
И на трепетную Трою
Взглядом мщенья сверкал!♦

И сойдешь на брег священный
С корабля, Неоптолем,
Чтоб на холм уединенный
Положить и меч и шлем;
Вкруг уж пусто... смолкли бои;
Тихи Ксант и Симоис;

И уже на грудах Трои
Плющ и терние свились.

Обойдешь равнину брани...
Там, где ратовал Ахилл,
Уж стадаются робки лани
Вкруг оставленных могил;
И услышишь над собою
Двух невидимых полет...
Это ты... рука с рукою...
Мы, друзья минувших лет.

Вспомяни тогда Ахилла:
Быстро в мире он протек;
Здесь судьба ему сулила
Долгий, но бесславный век;
Он мгновение со славой,
Хладну жизнь презрев, избрал
И на друга труп кровавый,
До могилы верный, пал».

Он умолк... в тумане Ида;
Отуманен Илион;
Спит во мраке стан Атрида;
На равнине битвы сон;
И, курясь, едва сверкает
Пламень гаснущих костров;
И протяжно окликает
Стража стражу близ шатров.

1812 — начало ноября 1814

ЭОЛОВА АРФА

Владыко Морвены,
Жил в дедовском замке могучий Ордал;
Над озером стены
Зубчатые замок с холма возвышал;
Прибрежны дубравы
Склонялись к водам,
И стлался кудрявый
Кустарник по злачным окрестным холмам.

Спокойствие сеней
Дубравных там часто лай псов нарушал;
Рогатых еленей,
И вепрей, и ланей могучий Ордал
С отважными псами
Гонял по холмам;
И долы с холмами,
Шумя, отвечали зовущим рогам.

В жилище Ордала
Веселость из ближних и дальних краев
Гостей собирала;
И убраны были чертоги пиров
Еленей рогами;
И в память отцам
Висели рядами
Их племя, кольчуги, щиты по стенам.

И в дружных беседах
Любил за бокалом рассказы Ордал

О древних победах
И взоры на брони отцов устремлял:
Чеканны их латы
В глубоких рубцах;
Мечи их зубчатые;
Щиты их и шлемы избиты в боях.

Младая Минвана
Красой озаряла родительский дом;
Как зыби тумана,
Зарею златимы над свежим холмом,
Так кудри густые
С главы молодой
На перси молодые,
Вияся, бежали струей золотой.

Приятней денницы
Задумчивый пламень во взорах сиял:
Сквозь темны ресницы
Он сладкое в душу смятенье вливал;
Потока журчанье —
Приятность речей;
Как роза дыханье;
Душа же прекрасней и прелестей в ней.

Гремела красою
Минвана и в ближних и в дальних краях;
В Морвену толпою
Стекались витязи, славны в боях;
И дочерью гордился
Пред ними отец...
Но втайне делился
Душою с Минваной Арминий-певец.

Младой и прекрасный,
Как свежая роза — утеха долин,
Певец сладкогласный...
Но родом не знатный, не княжеский сын;

Минвана забыла
О сане своем
И сердцем любила,
Невинная, сердце невинное в нем.

На темные своды
Багряным щитом покатилась луна;
И озера воды
Струистым сияньем покрыла она;
От замка, от сеней
Дубрав по берегам
Огромные теней
Легли великаны по гладким водам.

На холме, где чистым
Потоком источник бежал из кустов,
Под дубом ветвистым —
Свидетелем тайных свиданья часов —
Минвана младая
Сидела одна,
Певца ожидая,
И в страхе таила дыханье она.

И с арфою стройной
Ко древу к Минване приходит певец.
Всё было спокойно,
Как тихая радость их юных сердец:
Прохлада и нега,
Мерцанье луны,
И ропот у берега
Дробимая с легким плесканьем волны.

И долго, безмолвны,
Певец и Минвана с унылой душой
Смотрели на волны,
Златимые тихо блестящей луной.
«Как быстрые воды
Поток свой лиют —

Так быстрые годы
Веселье младое с любовью несут».

«Что ж сердце уныло?
Пусть воды лиются, пусть годы бегут,
О верный! о милый!
С любовию годы и жизнь унесут!» —
«Минвана, Минвана,
Я бедный певец;
Ты ж царского сана,
И предками славен твой гордый отец».

«Что в славе и сани?
Любовь — мой высокий, мой царский венец.
О милый, Минване
Всех витязей краше смиренный певец.
Зачем же уныло
На радость глядеть?
Всё близко, что мило;
Оставим годам за годами лететь».

«Минутная сладость
Веселого *вместе*, помедли, постой;
Кто скажет, что радость
Навек не умчится с грядущей зарей!
Проглянет денница —
Блаженству конец;
Опять ты царица,
Опять я ничтожный и бедный певец».

«Пускай возвратится
Веселое утро, сияние дня;
Зарей озарится
Тот свет, где мой милый живет для меня.
Лишь царским убором
Я буду с толпой;
А мыслию, взором,
И сердцем, и жизнью, о милый, с тобой».

«Прости, уж бледнеет
Рассветом далекий, Минвана, восток;
Уж утренний веет
С вершины кудрявых холмов ветерок». —
«О нет! то зарница
Блестит в облаках;
Не скоро денница;
И тих ветерок на кудрявых холмах».

«Уж в замке проснулись;
Мне слышался шорох и звук голосов». —
«О нет! встрепнулись
Дремавшие пташки на ветвях кустов». —
«Заря уж багряна». —
«О милый, постой». —
«Минвана, Минвана,
Почто ж замирает так сердце тоской?»

И арфу унылый
Певец привязал под наклоном ветвей:
«Будь, арфа, для милой
Залогом прекрасных минувшего дней;
И сладкие звуки
Любви не забудь;
Улада разлуки
И вестник души неизменныя будь.

Когда же мой юный,
Убитый печалию, цвет опадет,
О верные струны,
В вас с прежней любовью душа перейдет,
Как прежде, взыграет
Веселие в вас,
И друг мой узнает
Привычный, зовущий к свиданию глас.

И думай, их пенью
Внимая вечерней, Минвана, порой,

Что легкою тенью,
Всё верный, летает твой друг над тобой;
Что прежние муки:
Превратности страх,
Томленье разлуки,
Всё с трепетной жизнью он бросил во прах.

Что, жизнь переживши,
Любовь лишь одна не рассталась с душой;
Что робко любивший
Без робости любит и более твой.
А ты, дуб ветвистый,
Ее осеняй;
И, ветер душистый,
На грудь молодую дышать прилетай♦.

Умолк — и с прелестной
Задумчивых долго очей не сводил...
Как бы неизвестный
В нем голос: *навек прости!* говорил.
Горячей рукою
Ей руку пожал
И, тихой стопою
От ней удаляся, как призрак пропал...

Луна воссияла...
Минвана у древа... но где же певец?
Увы! преузнала
Душа, унывая, что счастьем конец;
Молва о свиданье
Достигла отца...
И мчит уж в изгнанье
Ладя через море молодого певца.

И поздно и рано
Под древом свиданья Минвана грустит.
Уныло с Минваной
Один лишь нагорный поток говорит;
Всё пусто; день ясный

Взойдет и зайдет —
Певец сладкогласный
Минваны под древом свиданья не ждет.

Прохладою дышит
Там ветер вечерний, и в листьях шумит,
И ветви колышет,
И арфу лобзает... но арфа молчит.
Творения радость,
Настала весна —
И в свежую младость,
Красу и веселье земля убрана.

И ярким сияньем
Холмы осыпал вечереющий день;
На землю с молчаньем
Сходила ночная, росистая тень;
Уж синие своды
Блистают в звездах;
Сровнялись воды;
И ветер улегся на спящих листьях.

Сидела уныло
Минвана у древа... душой вдалеке...
И тихо всё было...
Вдруг... к пламенной что-то коснулось щеке;
И что-то шатнуло
Без ветра листья;
И что-то прильнуло
К струнам, невидимо слетев с высоты...

И вдруг... из молчанья
Поднялся протяжно задумчивый звон;
И тише дыханья
Играющей в листьях прохлады был он.
В ней сердце смутилось:
То друга привет!
Свершилось, свершилось!..
Земля опустела, и милого нет.

От тяжкия муки
Минвана упала без чувства на прах,
И жалобней звуки
Над ней застенали в смятенных струнах.
Когда ж возвратила
Дыханье она,
Уже восходила
Заря, и над нею была тишина.

С тех пор, унывая,
Минвана, лишь вечер, ходила на холм
И, звукам внимая,
Мечтала о милом, о свете другом,
Где жизнь без разлуки,
Где всё не на час —
И мнились ей звуки,
Как будто летящий от родины глас.

«О милые струны,
Играйте, играйте... мой час недалек;
Уж клонится юный
Главой недоцветшей ко праху цветков.
И странник унылый
Завтра придет
И спросит: где милый
Цветок мой?... и боле цветка не найдет».

И нет уж Минваны...
Когда от потоков, холмов и полей
Восходят туманы
И светит, как в дыме, луна без лучей, —
Две видятся тени:
Слившись, летят
К знакомой им сени...
И дуб шевелится, и струны звучат.

Ноябрь 1814

МЩЕНИЕ

Изменой слуга паладина убил:
Убийце завиден сан рыцаря был.

Свершилось убийство ночью порой —
И труп поглощен был глубокой рекой.

И шпоры и латы убийца надел
И в них на коня паладинова сел.

И мост на коне проскакать он спешит:
Но конь поднялся на дыбы и храпит.

Он шпоры вонзает в крутые бока:
Конь бешеный сбросил в реку седока.

Он выплыть из всех напрягается сил:
Но панцирь тяжелый его утопил.

1816

ТРИ ПЕСНИ

♦Споет ли мне песню веселую скальд? —
Спросил, озираясь, могучий Освальд.
И скальд выступает на царскую речь,
Под мышкою арфа, на поясе меч.

♦Три песни я знаю: в одной старина!
Тобою, могучий, забыта она;
Ты сам ее в лесе дремучем сложил;
Та песня: *отца моего ты убил.*

Есть песня другая: ужасна она;
И мною под бурей ночной сложена;
Пою ее ранней и поздней порой;
И песня та: *бейся, убийца, со мной!* ♦

Он в сторону арфу и меч наголо;
И бешенство грозные лица зажгло;
Запрыгали искры по звонким мечам —
И рухнул Освальд — голова пополам.

«Раздайся ж, последняя песня моя;
Ту песню и утром и вечером я
Греметь не устану пред девой любви;
Та песня: *убийца повержен в крови*».

1816

РЫЦАРЬ ТОГЕНБУРГ

«Сладко мне твоей сестрою,
Милый рыцарь, быть;
Но любовию иною
Не могу любить:
При разлуке, при свиданье
Сердце в тишине —
И любви твоей страданье
Непонятно мне».

Он глядит с немой печалью —
Участь решена;
Руку сжал ей; крепкой сталью
Грудь обложена;
Звонкий рог созвал дружину;
Все уж на конях;
И помчались в Палестину,
Крест на раменах.

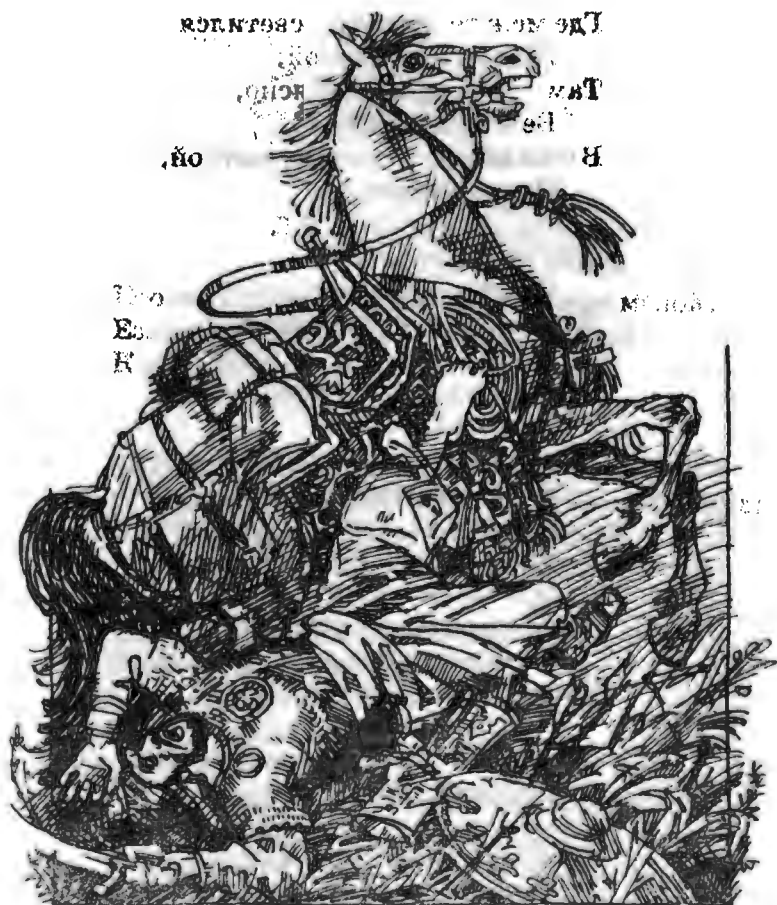
Уж в толпе врагов сверкают
Грозно шлемы их;
Уж отвагой изумляют
Чуждых и своих.
Тогенбург лишь выйдет к бою:
Сарацин бежит...
Но душа в нем всё тоскою
Прежнею болит.

Год прошел без утоленья...
Нет уж сил страдать;
Не найти ему забвенья —
И покинул рать.
Зрит корабль — шумят ветрилы,
Бьет в корму волна —
Сел и поплыл в край тот милый,
Где цветет она.

Но стучится к ней напрасно
В двери пилигрим;
Ах, они с молвой ужасной
Отперлись пред ним:
«Узы вечного обета
Приняла она;
И, погибшая для света,
Богу отдана».

Пышны праотцев палаты
Бросить он спешит;
Навсегда покинул латы;
Конь навек забыт;
Власяной покрыт одеждой,
Инок в цвете лет,
Не украшенный надеждой
Он оставил свет.

И в убогой келье скрылся
Близ долины той,

«Комне, мой
Узнает
Примет
Нирет

«Родит
Видит
Тот

Где меж темных лип светился
Монастырь святой;
Там — сияло ль утро ясно,
Вечер ли темнел —
В ожиданье, с мукой страстной,
Он один сидел.

И душе его унылой
Счастье там одно:
Дождаться, чтоб у милой
Стукнуло окно,
Чтоб прекрасная явилась,
Чтоб от вышины
В тихий дол лицом склонилась,
Ангел тишины.

И, дождавшись, на ложе
Простирался он;
И надежда: *завтра то же!*
Услаждала сон.
Время годы уводило...
Для него ж одно:
Ждать, как ждал он, чтоб у милой
Стукнуло окно;

Чтоб прекрасная явилась;
Чтоб от вышины
В тихий дол лицом склонилась,
Ангел тишины.
Раз — туманно утро было —
Мертв он там сидел,
Бледен ликом, и уныло
На окно глядел.

Январь 1818

ЛЕСНОЙ ЦАРЬ

Кто скачет, кто мчится под хладною мглой?
Ездок запоздалый, с ним сын молодой.
К отцу, весь издрогнув, малютка приник;
Обняв, его держит и греет старик.

— Дитя, что ко мне ты так робко прильнул?
— Родимый, лесной царь в глаза мне сверкнул;
Он в темной короне, с густой бородой.
— О нет, то белеет туман над водой.

«Дитя, оглянися; младенец, ко мне;
Веселого много в моей стороне:
Цветы бирюзовы, жемчужны струи;
Из золота слиты чертоги мои».

— Родимый, лесной царь со мной говорит:
Он золото, перлы и радость сулит.
— О нет, мой младенец, ослышался ты:
То ветер, проснувшись, колыхнул листы.

«Ко мне, мой младенец; в дуброве моей
Узнаешь прекрасных моих дочерей:
При месяце будут играть и летать,
Играя, летая, тебя усыплять».

— Родимый, лесной царь созвал дочерей:
Мне, вижу, кивают из темных ветвей.
— О нет, всё спокойно в ночной глубине:
То вётлы седые стоят в стороне.

♦ Дитя, я пленился твоей красотой:
Неволей иль волей, а будешь ты мой♦.
— Родимый, лесной царь нас хочет догнать;
Уж вот он: мне душно, мне тяжело дышать.

Ездок оробелый не скачет, летит;
Младенец тоскует, младенец кричит;
Ездок погоняет, ездок доскакал...
В руках его мертвый младенец лежал.

<Март> 1818

УЗНИК

♦ За днями дни идут, идут...
Напрасно;
Они свободы не ведут
Прекрасной;
Об ней тоскую и молюсь,
Ее зову, не дозовусь.

Смотрю в высокое окно
Темницы:
Всё небо светом зажжено
Денницы;
На свежих крыльях ветерка
Летают вольны облака.

И так все блага заменить
Могилой;
И бросить свет, когда в нем жить
Так мило;
Ах! дайте в свете подышать;
Еще мне рано умирать.

Лишь миг весенним бытиём
Жила я;
Лишь миг на празднике земном
Была я;
Душа готовилась любить...
И всё покинуть, всё забыть!*

Так голос заунывный пел
В темнице...
И сердцем юноша летел
К певице.
Но он в неволе, как она;
Меж ними хладная стена.

И тщетно с ней он разлучен
Стеною:
Невидимую знает он
Душою;
И мысль об ней и день и ночь
От сердца не отходит прочь.

Всё видит он: во тьме она
Тюремной
Сидит, раздумью предана,
Взор томный;
Младенчески прекрасен вид;
И слезы падают с ланит.

И ночью, забывая сон,
В мечтанье
Ее подслушивает он
Дыханье;
И на устах его горит
Огонь ее молодых ланит.

Таясь, страдания одне
Делить с ней,
В одной темничной глубине
Молить с ней

Согласной думой и тоской
От Неба участи одной —

Вот жизнь его: другой не ждет
Он доли;
Он, равнодушный, не зовет
И воли:
С ней розно в свете жизни нет;
Прекрасен только ею свет.

«Не ты ль, — он мнит, — давно была
Любима?
И не тебя ль душа звала,
Томима
Желанья смутного тоской,
Волненьем жизни молодой?»

Тебя в пророчественном сне
Видал я;
Тобою в пламенной весне
Дышал я;
Ты мне цвела в живых цветах;
Твой образ веял в облаках.

Когда же сердце ясный взор
Твой встретит?
Когда, разрушив сей затвор,
Осветит
Свобода жизнь вдвоем для нас?
Лети, лети, желанный час».

Напрасно; час не прилетел
Желанный;
Другой создателем удел
Избранный
Достался узнице младой —
Небесно-тайный, не земной.

Раз слышит он: затворов гром,
Рыданье,
Звук цепи, голоса... потом
Молчанье...
И ужас грудь его томит —
И тщетно ждет он... всё молчит.

Увы! удел его решен...
Угрюмый,
Навек грядущего лишен,
Все думы
За ней он в гроб переселил
И молит рок, чтоб поспешил.

Однажды — только занялась
Денница —
Его со стуком расперлась
Темница.
«О радость! (мнит он) скоро к ней!»
И что ж?.. Свобода у дверей.

Но хладно принял он привет
Свободы:
Прекрасного уж в мире нет;
Дни, годы
Напрасно будут проходить...
Погибшего не возвратить.

Ах! слово милое об ней
Кто скажет?
Кто след ее забытых дней
Укажет?
Кто знает, где она цвела?
Где тот, кого *своим* звала?

И нет ему в семье родной
Улады;
Задумчив, грустию немой
Он взгляды

Сердечные встречает их;
Он в людстве сумрачен и тих.

Настанет день — ни с места он;
Безгласный,
Душой в мечтанье погружен,
Взор страстный
Исполнен смутного огня,
Стоит он, голову склоня.

Но тихо в сумраке ночей
Он бродит
И с неба темного очей
Не сводит:
Звезда знакомая там есть;
Она к нему приносит весть...

О милом весть и в мир иной
Призванье...
И делит с тайной он звездой
Страданье;
Ее краса оживлена:
Ему в ней светится она.

Он таял, гаснул и угас...
И мнилось,
Что вдруг пред ним в последний час
Явилось
Всё то, чего душа ждала,
И жизнь в улыбке отошла.

<Декабрь> 1819

ЗАМОК СМАЛЬГОЛЬМ, ИЛИ ИВАНОВ ВЕЧЕР

До рассвета поднявшись, коня оседлал
Знаменитый Смальгольмский барон;
И без отдыха гнал, меж утесов и скал,
Он коня, торопясь в Бротерстон.

Не с могучим Боклю совокупно спешил
На военное дело барон;
Не в кровавом бою переведаться мнил
За Шотландию с Англией он;

Но в железной броне он сидит на коне;
Наточил он свой меч боевой;
И покрыт он щитом; и топор за седлом
Укреплен двадцатифунтовой.

Через три дни домой возвратился барон,
Отуманен и бледен лицом;
Через силу и конь, опенен, запылен,
Под тяжелым ступал седоком.

Анкрамморския битвы барон не видал,
Где потоками кровь их лилась,
Где на Эверса грозно Боклю напирал,
Где за родину бился Дуглас;

Но железный шелом был иссечен на нем,
Был изрублен и панцирь и щит,
Был недавнею кровью топор за седлом,
Но не английской кровью покрыт.

Соскочив у часовни с коня за стеной,
Притаяся в кустах, он стоял;
И три раза он свистнул — и паж молодой
На условленный свист прибежал.

«Подойди, мой малютка, мой паж молодой,
И присядь на колена мои;
Ты младенец, но ты откровенен душой,
И слова непритворны твои.

Я в отлучке был три дни, мой паж молодой;
Мне теперь ты всю правду скажи:
Что заметил? Что было с твоей госпожой?
И кто был у твоей госпожи?»

«Госпожа по ночам к отдаленным скалам,
Где маяк, приходила тайком
(Ведь огни по горам зажжены, чтоб врагам
Не прокрасться во мраке ночном).

И на первую ночь непогода была,
И без умолку филин кричал;
И она в непогоду ночную пошла
На вершину пустынную скал.

Тихомолком подкрался я к ней в темноте;
И сидела одна — я узрел;
Не стоял часовой на пустой высоте;
Одинок маяк пламенел.

На другую же ночь — я за ней по следам
На вершину опять побежал, —
О Творец, у огня одинокого там
Мне неведомый рыцарь стоял.

Подпершись мечом, он стоял пред огнем,
И беседовал долго он с ней;
Но под шумным дождем, но при ветре ночном
Я расслушать не мог их речей.

И последняя ночь безненастна была,
И порывистый ветер молчал;
И к маяку она на свиданье пошла;
У маяка уж рыцарь стоял.

И сказала (я слышал): «В полуночный час,
Перед светлым Ивановым днем,
Приходи ты; мой муж не опасен для нас;
Он теперь на свиданье ином;

Он с могучим Боклю ополчился теперь;
Он в сражение забыл про меня —
И тайком отопру я для милого дверь
Накануне Иванова дня».

«Я не властен прийти, я не должен прийти,
Я не смею прийти (был ответ);
Пред Ивановым днем одиноким путем
Я пойду... мне товарища нет».

«О, сомнение прочь! безмятежная ночь
Пред великим Ивановым днем
И тиха и темна, и свиданьям она
Благосклонна в молчанье своем.

Я собак привяжу, часовых уложу,
Я крыльцо пересыплю травой,
И в приюте моем, пред Ивановым днем,
Безопасен ты будешь со мной».

«Пусть собака молчит, часовой не трубит
И трава не слышна под ногой, —
Но священник есть там; он не спит по ночам;
Он приход мой узнает ночной».

«Он уйдет к той поре: в монастырь на горе
Панихиду он позван служить:
Кто-то был умерщвлен; по душе его он
Будет три дни поминки творить».

Он нахмуясь глядел, он как мертвый бледнел,
Он ужасен стоял при огне.
«Пусть о том, кто убит, он поминки творит:
То, быть может, поминки по мне.

Но полуночный час благосклонен для нас:
Я приду под защитой мглы».
Он сказал... и она... я смотрю... уж одна
У майка пустынной скалы».

И Смальгольмский барон, поражен, раздражен,
И кипел, и горел, и сверкал.
«Но скажи наконец, кто ночной сей пришлец?
Он, клянусь Небесами, пропал!»

«Показалось мне при блестящем огне:
Был шелом с соколиным пером,
И палаш боевой на цепи золотой,
Три звезды на щите голубом».

«Нет, мой паж молодой, ты обманут мечтой;
Сей полуночный мрачный пришлец
Был не властен прийти: он убит на пути;
Он в могилу зарыт, он мертвец».

«Нет! не чудилось мне; я стоял при огне,
И увидел, услышал я сам,
Как его обняла, как его назвала:
То был рыцарь Ричард Кольдингам».

И Смальгольмский барон, изумлен, поражен,
И хладел, и бледнел, и дрожал.
«Нет! в могиле покой; он лежит под землей,
Ты неправду мне, паж мой, сказал.

Где бежит и шумит меж утесами Твид,
Где подымется мрачный Эльдон,
Уж три ночи, как там твой Ричард Кольдингам
Потаенным врагом умерщвлен.

Нет! сверканье огня ослепило твой взгляд;
Оглушен был ты бурей ночной;
Уж три ночи, три дня, как поминки творят
Чернецы за его упокой».

Он идет в ворота, он уже на крыльце,
Он взошел по крутым ступеням
На площадку и видит: с печалью в лице,
Одиноко-унылая, там

Молодая жена — и тиха, и бледна,
И в мечтании грустном глядит
На поля, небеса, на Мертонски леса,
На прозрачно бегущую Твид.

«Я с тобою опять, молодая жена». —
«В добрый час, благородный барон.
Что расскажешь ты мне? Решена ли война?
Поразил ли Боклю иль сражен?»

«Англичанин разбит; англичанин бежит
С Анкрамморских кровавых полей;
И Боклю наблюдать мне маяк мой велит
И беречься недобрых гостей».

При ответе таком изменилась лицом,
И ни слова... ни слова и он;
И пошла в свой покой с наклоненной главой,
И за нею суровый барон.

Ночь покойна была, но заснуть не дала.
Он вздыхал, он с собой говорил:
«Не пробудится он; не подымется он;
Мертвецы не встают из могил».

Уж заря занялась; был таинственный час
Меж рассветом и утренней тьмой;
И глубоким он сном пред Ивановым днем
Вдруг заснул близ жены молодой.

Не спалось лишь ей, не смыкала очей...
И бродящим, открытым очам,
При лампадном огне, в шишаке и броне
Вдруг явился Ричард Кольдингам.

«Воротись, удались», — она говорит.

«Я к свиданью тобой приглашен;

Мне известно, кто здесь, неожиданный, спит, —
Не страшись, не услышит нас он.

Я во мраке ночном потаенным врагом

На дороге изменой убит;

Уж три ночи, три дня, как монахи меня
Поминают — и труп мой зарыт.

Он с тобой, он с тобой, сей убийца ночной!

И ужасный теперь ему сон!

И надолго во мгле на пустынной скале,
Где маяк, я бродить осужден;

Где видались мы под защитою тьмы,

Там скитаюсь теперь мертвецом;

И сюда с высоты не сошел бы... но ты
Заклинала Ивановым днем».

Содрогнулась она и, смятенья полна,

Вопросила: «Но что же с тобой?

Дай один мне ответ — ты спасен ли иль нет?...»

Он печально потряс головой.

«Выкупается кровью пролитая кровь, —

То убийце скажи моему.

Беззаконную Небо карает любовь, —

Ты сама будь свидетель тому».

Он тяжелою шуйцей коснулся стола;

Ей десницею руку пожал —

И десница как острое пламя была,

И по членам огонь пробежал.

И печать роковая в столе вожжена:

Отразились пальцы на нем;

На руке ж — но таинственно руку она

Закрывала с тех пор полотном.

**Есть монахиня в древних Драйбургских стенах:
И грустна и на свет не глядит;
Есть в Мельрозской обители мрачный монах:
И дичится людей и молчит.**

**Сей монах молчаливый и мрачный — кто он?
Та монахиня — кто же она?
То убийца, суровый Смальгольмский барон;
То его молодая жена.**

<Июль> 1822

ТОРЖЕСТВО ПОБЕДИТЕЛЕЙ

**Пал Приамов град священный;
Грудой пепла стал Пергам;
И, победой насыщенный,
К острогрудым кораблям
Собрались эллены — тризну
В честь минувшего свершить
И в желанную отчизну,
К берегам Эллады плыть.**

**Пойте, пойте гимн согласный:
Корабли обращены
От враждебной стороны
К нашей Греции прекрасной.**

**Брегом шла толпа густая
Илионских дев и жен:
Из отеческого края
Их вели в далекий плен.**

И с победной песнью дикой
Их сливался тихий стон
По тебе, святой, великий,
Невозвратный Илион.

Вы, родные хóлмы, нивы,
Нам вас боле не видать;
Будем в рабстве увядать...
О, сколь мертвые счастливы!

И с предведением во взгляде
Жертву сам Калхас заклал:
Грады-зигдущей Палладе
И губящей (он воззвал),
Буреносцу Посидону,
Воздымателю валов,
И носящему Горгону
Богу смертных и богов!

Суд окончен; спор решился;
Прекратилась борьба;
Всё исполнила Судьба:
Град великий сокрушился.

Царь народов, сын Атрея,
Обозрел полков число:
Вслед за ним на брег Сигея
Много, много их пришло...
И незапный мрак печали
Отуманил царский взгляд:
Благороднейшие пали...
Мало с ним пойдет назад.

Счастлив тот, кому сиянье
Бытия сохранено,
Тот, кому вкусить дано
С милой родиной свиданье!

И не всякий насладится
Миром, в свой пришедши дом:
Часто злобный ков таится
За домашним алтарем;
Часто Марсом пощаженный
Погибает от друзей
(Рек, Палладой вдохновенный,
Хитроумный Одиссей).

Счастлив тот, чей дом украшен
Скромной верностью жены!
Жены алчут новизны:
Постоянный мир им страшен.

И стоящий близ Елены
Менелай тогда сказал:
Плод губительный измены —
Ею сам изменник пал;
И погиб виной Парид
Отягченный Илион...
Неизбежен суд Кронида,
Всё блюдет с Олимпа он.

Злому злой конец бывает:
Гибнет жертвой Эвменид,
Кто безумно, как Парид,
Право гостя оскверняет.

Пусть веселый взор счастливых
(Оилеев сын сказал)
Зрит в богах богов правдивых;
Суд их часто слеп бывал:
Сколько бодрых жизнь поблѣкла!
Сколько низких рок щадит!..
Нет великого Патрокла;
Жив презрительный Терсит.

Смертный, царь Зевес Фортуне
Своейравной предал нас:

Уловляй же быстрый час,
Не тревожа сердца втуне.

Лучших бой похитил ярый!
Вечно памятен нам будь,
Ты, мой брат, ты, под удары
Подставлявший твердо грудь,
Ты, который нас, пожаром
Осажденных, защитил...
Но коварнейшему даром
Щит и меч Ахиллов был.

Мир тебе во тьме Эрева!
Жизнь твою не враг отнял:
Ты своею силой пал,
Жертва гибельного гнева.

О Ахилл! о мой родители!
(Возгласил Неоптолем)
Быстрый мира посетитель,
Жребий лучший взял ты в нем.
Жить в любви племен делами —
Благо первое земли;
Будем вечны именами
И сокрытые в пыли!

Слава дней твоих нетленна;
В песнях будет цвести она:
Жизнь живущих неверна,
Жизнь отживших неизменна!

Смерть велит умолкнуть злобе
(Диомед провозгласил);
Слава Гектору во гробе!
Он краса Пергама был;
Он за край, где жили деды,
Веледушно пролил кровь;
Победившим — честь победы!
Охранявшему — любовь!

Кто, на суд явясь кровавый,
Славно пал за отчий дом,
Тот, почтённый и врагом,
Будет жить в преданьях славы.

Нестор, жизнью убеленный,
Нацедил вина фиал
И Гекубе сокрушенной
Дружелюбно выпить дал.
Пей страданий утоленье;
Добрый Вакхов дар вино:
И веселость и забвенье
Проливает в нас оно.

Пей, страдалица! печали
Услаждаются вином:
Боги жалостные в нем
Подкрепление сердцу дали.

Вспомни мать Ниобею:
Что извела она!
Сколь ужасная над нею
Казнь была совершена!
Но и с нею, безотрадной,
Добрый Вакх недаром был:
Он струею виноградной
Вмиг тоску в ней усыпил.

Если грудь вином согрета
И в устах вино кипит:
Скорби наши быстро мчит
Их смывающая Лета.

И вперила взор Кассандра,
Вняв шепнувшим ей богам,
На пустынный брег Скамандра,
На дымящийся Пергам.
Всё великое земное

Разлетается, как дым:
Ныне жребий выпал Трое,
Завтра выпадет другим...

Смертный, силе, нас гнетущей,
Покоряйся и терпи;
Спящий в гробе, мирно спи;
Жизнью пользуйся, живущий.

1828

КУБОК

♦Кто, рыцарь ли знатный иль латник простой,
В ту бездну прыгнет с вышины?
Бросаю мой кубок туда золотой:
Кто сыщет во тьме глубины
Мой кубок и с ним возвратится безвредно,
Тому он и будет наградой победной♦.

Так царь возгласил, и с высокой скалы,
Висевшей над бездной морской,
В пучину бездонной, зияющей мглы
Он бросил свой кубок златой.
♦Кто, смелый, на подвиг опасный решится?
Кто сыщет мой кубок и с ним возвратится?♦

Но рыцарь и латник недвижно стоят;
Молчанье — на вызов ответ;
В молчанье на грозное море глядят;
За кубком отважного нет.
И в третий раз царь возгласил громогласно:
♦Отыщется ль смелый на подвиг опасный?♦

И все безответны... вдруг паж молодой
Смиренно и дерзко вперед;
Он снял епанчу, и снял пояс он свой;
Их молча на землю кладет...
И дамы и рыцари мыслят, безгласны:
«Ах! юноша, кто ты? Куда ты, прекрасный?»

И он подступает к наклону скалы,
И взор устремил в глубину...
Из чрева пучины бежали валы,
Шумя и гремя, в вышину;
И волны спирались, и пена кипела:
Как будто гроза, наступая, ревела.

И воеет, и свищет, и бьет, и шипит,
Как влага, мешаясь с огнем,
Волна за волною; и к небу летит
Дымящимся пена столбом;
Пучина бунтует, пучина клокочет...
Не море ль из моря извергнуться хочет?

И вдруг, успокоясь, волнение легло;
И грозно из пены седой
Разинулось черною щелью жерло;
И воды обратно толпой
Помчались во глубь истощенного чрева;
И глубь застонала от грома и рева.

И он, упредя разъяренный прилив,
Спасителя-Бога призвал.
И дрогнули зрители, все возопив, —
Уж юноша в бездне пропал.
И бездна таинственно зев свой закрыла:
Его не спасет никакая уж сила.

Над бездной утихло... в ней глухо шумит...
И каждый, очей отвести
Не смея от бездны, печально твердит:

«Красавец отважный, прости!»
Всё тише и тише на дне ее воет...
И сердце у всех ожиданием ноет.

**«Хоть брось ты туда свой венец золотой,
Сказав: кто венец возвратит,
Тот с ним и престол мой разделит со мной! —**
Меня твой престол не прельстит.
Того, что скрывает та бездна немая,
Ничья здесь душа не расскажет живая.

Немало судов, закруженных волной,
Глотала ее глубина:
Все мелкой назад вылетали щепой
С ее неприступного дна...»
Но слышится снова в пучине глубокой
Как будто роптанье грозы недалеко.

И воет, и свищет, и бьет, и шипит,
Как влага, мешаясь с огнем,
Волна за волною; и к небу летит
Дымящимся пена столбом...
И брызнул поток с оглушительным ревом,
Извергнутый бездны зияющим зевом.

Вдруг... что-то сквозь пену седой глубины
Мелькнуло живой белизной...
Мелькнула рука и плечо из волны...
И борется, спорит с волной...
И видят — весь берег потрясся от клича —
Он левою правит, а в правой добыча.

И долго дышал он, и тяжело дышал,
И Божий приветствовал свет...
И каждый с весельем: «Он жив! — повторял. —
Чудеснее подвига нет!
Из темного гроба, из пропасти влажной
Спас душу живую красавец отважный».

Он на берег вышел; он встречен толпой;
К царевым ногам он упал;
И кубок у ног положил золотой;
И дочери царь приказал:
Дать юноше кубок с струей винограда;
И в сладость была для него та награда.

«Да здравствует цари! Кто живет на земле,
Тот жизнью земной веселись!
Но страшно в подземной таинственной мгле...
И смертный пред Богом смирись:
И мыслью своей не желай дерзновенно
Знать тайны, им мудро от нас сокровенной.

Стрелою стремглав полетел я туда...
И вдруг мне навстречу поток;
Из трещины камня лилася вода;
И вихорь ужасный повлек
Меня в глубину с непонятною силой...
И страшно меня там кружило и било.

Но Богу молитву тогда я принес,
И он мне спасителем был:
Торчащий из мглы я увидел утес
И крепко его обхватил;
Висел там и кубок на ветви коралла:
В бездонное влага его не умчала.

И смутно всё было внизу подо мной
В пурпуровом сумраке там;
Всё спало для слуха в той бездне глухой;
Но виделось страшно очам,
Как двигались в ней безобразные груды,
Морской глубины несказанные чуды.

Я видел, как в черной пучине кипят,
В громадный свиваяся клуб,
И млат водяной, и уродливый скат,

И ужас морей однозуб;
И смертью грозил мне, зубами сверкая,
Мокой ненасытный, гиена морская.

И был я один с неизбежной судьбой,
От взора людей далеко;
Один, меж чудовищ, с любящей душой,
Во чреве земли, глубоко
Под звуком живым человечьего слова,
Меж страшных жильцов подземелья немова.

И я содрогался... вдруг слышу: ползет
Стоногое грозно из мглы,
И хочет схватить, и разинулся рот...
Я в ужасе прочь от скалы!..
То было спасеньем: я схвачен приливом
И выброшен вверх водомета порывом».

Чудесен рассказ показался царю:
«Мой кубок возьми золотой;
Но с ним я и перстень тебе подарю,
В котором алмаз дорогой,
Когда ты на подвиг отважишься снова
И тайны все дна перескажешь морскова».

То слыша, царица с волненьем в груди,
Краснея, царю говорит:
«Довольно, родитель, его пощади!
Подобное кто совершит?
И если уж должно быть опыту снова,
То рыцаря вышли, не пажа младова».

Но царь, не внимая, свой кубок златой
В пучину швырнул с высоты:
«И будешь здесь рыцарь любимейший мой,
Когда с ним воротишься ты;
И дочь моя, ныне твоя предо мною
Заступница, будет твоею женою».

В нем жизнью небесной душа зажжена;
Отважность сверкнула в очах;
Он видит: краснеет, бледнеет она;
Он видит: в ней жалость и страх...
Тогда, неописанной радостью полный,
На жизнь и погибель он кинулся в волны...

Утихнула бездна... и снова шумит...
И пеною снова полна...
И с трепетом в бездну царевна глядит...
И бьет за волною волна...
Приходит, уходит волна быстротечно —
А юноши нет и не будет уж вечно.

<1825> — <март> 1831

ЖАЛОБА ЦЕРЕРЫ

Снова гений жизни веет;
Возвратилась весна;
Холм на солнце зеленеет;
Лед разрушила волна;
Распустившийся дымит
Благовониями лес,
И безоблачен глядится
В воды зеркальны Зевес;
Всё цветет — лишь мой единый
Не взойдет прекрасный цвет:
Прозерпины, Прозерпины
На земле моей уж нет.

Я везде ее искала,
В дневном свете и в ночи;

Все за ней я посылала
Аполлоновы лучи;
Но ее под сводом неба
Не нашел всезрящий бог;
А подземной тьмы Эреба
Луч его пронзить не мог:
Те берега недостижимы,
И богам их страшен вид...
Там она! неумолимый
Ею властвует Аид.

Кто ж мое во мрак Плутона
Слово к ней перенесет?
Вечно ходит челн Харона,
Но лишь тени он берет.
Жизнь подземного страшится;
Недоступен ад и тих;
И с тех пор, как он стремится,
Стикс не видывал живых;
Тьма дорог туда низводит;
Ни одной оттуда нет;
И отшедший не приходит
Никогда опять на свет.

Сколь завидна мне, печальной,
Участь смертных матерей!
Легкий пламень погребальный
Возвращает им детей;
А для нас, богов нетленных,
Что усладою утрат?
Нас, безрадостно-блаженных,
Парки строгие щадят...
Парки, парки, поспешите
С неба в ад меня послать;
Прав богини не щадите:
Вы обрадуете мать.

В тот предел — где, утепению
И веселию чужда,

Дочь живет — свободной тенью
Полетела б я тогда;
Близ супруга, на престоле,
Мне предстала бы она,
Грустной думою о воле
И о матери полна;
И ко мне бы взор склонился,
И меня узнал бы он,
И над нами б прослезился
Сам безжалостный Плутон.

Тщетный призрак! стон напрасный!
Всё одним путем небес
Ходит Гелиос прекрасный;
Всё навек решил Зевес;
Жизнью горнею доволен,
Ненавидя адску ночь,
Он и сам отдать не волен
Мне утраченную дочь.
Там ей быть, доколь Аида
Не осветит Аполлон
Или радугой Ирида
Не сойдет на Ахерон!

Нет ли ж мне чего от милой,
В сладкопамятный завет:
Что осталось всё, как было,
Что для нас разлуки нет?
Нет ли тайных уз, чтоб ими
Снова сблизить мать и дочь,
Мертвых с милыми живыми,
С светлым днем подземну ночь?..
Так, не все следы пропали!
К ней дойдет мой нежный клик:
Нам святые боги дали
Усладительный язык.

В те часы, как хлад Борея
Губит нежных чад весны,

Листья падают, желтея,
И леса обнажены:
Из руки Вертумна щедрой
Семя жизни взять спешу
И, его в земное недро
Бросив, Стиксу приношу;
Сердцу дочери вверяю
Тайный дар моей руки
И, скорбя, в нем посылаю
Весть любви, залог тоски.

Но когда с небес слетает
Вслед за бурями весна:
В мертвом снова жизнь играет,
Солнце греет семена;
И, умершие для взора,
Вняв они весны привет,
Из подземного затвора
Рвутся радостно на свет:
Лист выходит в область неба,
Корень ищет тьмы ночной;
Лист живет лучами Феба,
Корень — Стиксовой струей.

Ими таинственно слита
Область тьмы с страной дня,
И приходят от Коцита
С ними вести для меня;
И ко мне в живом дыханье
Молодых цветов весны
Подымается признание,
Глас родной из глубины;
Он разлуку услаждает,
Он душе моей твердит:
Что любовь не умирает
И в отшедших за Коцит.

О! приветствую вас, чада
Расцветающих полей;

Вы тоски моей услада,
Образ дочери моей;
Вас налью благоуханьем,
Напою живой росой
И с Аврориным сияньем
Поравняю красотой;
Пусть весной природы младость,
Пусть осенний мрак полей
И мою вещают радость
И печаль души моей.

Март 1831

СУД БОЖИЙ НАД ЕПИСКОПОМ

Были и лето и осень дождливы;
Были потоплены пажити, нивы;
Хлеб на полях не созрел и пропал;
Сделался голод; народ умирал.

Но у епископа милостью неба
Полны амбары огромные хлеба;
Жито сберег прошлогоднее он:
Был осторожен епископ Гаттон.

Рвутся толпой и голодный и нищий
В двери епископа, требуя пищи;
Скуп и жесток был епископ Гаттон:
Общей бедою не тронулся он.

Слушать их вопли ему надоело;
Вот он решился на страшное дело:
Бедных из ближних и дальних сторон,
Слышно, скликает епископ Гаттон.

♦ Дожили мы до нежданного чуда:
Вынул епископ добро из-под спуда;

Бедных к себе на пирушку зовет», —
Так говорил изумленный народ.

К сроку собралися званные гости,
Бледные, чахлые, кожа да кости;
Старый, огромный сарай отворён:
В нем угостит их епископ Гаттон.

Вот уж столпились под кровлей сарая
Все пришлецы из окружного края...
Как же их принял епископ Гаттон?
Был им сарай и с гостями сожжен.

Глядя епископ на пепел пожарный,
Думает: «Будут мне все благодарны;
Разом избавил я шуткой моей
Край наш голодный от жадных мышей».

В замок епископ к себе возвратился,
Ужинать сел, пировал, веселился,
Спал, как невинный, и снов не видал...
Правда! но боле с тех пор он не спал.

Утром он входит в покой, где висели
Предков портреты, и видит, что съели
Мыши его живописный портрет,
Так, что холстины и признака нет.

Он обомлел; он от страха чуть дышит...
Вдруг он чудесную ведомость слышит:
«Наша округа мышами полна,
В житницах съеден весь хлеб до зерна».

Вот и другое в ушах загремело:
«Бог на тебя за вчерашнее дело!
Крепкий твой замок, епископ Гаттон,
Мыши со всех осаждают сторон».

Ход был до Рейна от замка подземный;
В страхе епископ дорогою темной
К берегу выйти из замка спешит:
«В Рейнской башне спасусь» (говорит).

Башня из реинских вод подымалась;
Издали острым утесом казалась,
Грозно из пены торчащим, она;
Стены кругом ограждала волна.

В легкую лодку епископ садится;
К башне причалил, дверь запер и мчится
Вверх по гранитным крутым ступеням;
В страхе один затворился он там.

Стены из стали казались слиты,
Были решетками окна забиты,
Ставни чугунные, каменный свод,
Дверью железною запертый вход.

Узник не знает, куда приютиться;
На пол, зажмурив глаза, он ложится...
Вдруг он испуган стенаньем глухим:
Вспыхнули ярко два глаза над ним.

Смотрит он... кошка сидит и мяучит;
Голос тот грешника давит и мучит;
Мечется кошка; невесело ей:
Чует она приближенье мышей.

Пал на колени епископ и криком
Бога зовет в исступлении диком.
Воеет преступник... а мыши плывут...
Ближе и ближе... доплыли... ползут.

Вот уж ему в расстоянии близком
Слышно, как лезут с роптаньем и писком;
Слышно, как стену их лапки скребут;
Слышно, как камень их зубы грызут.

Вдруг ворвались неизбежные звери;
Сыплются градом сквозь окна, сквозь двери,
Спереди, сзади, с боков, с высоты...
Что тут, епископ, почувствовал ты?

Зубы об камни они наострили,
Грешнику в кости их жадно впустили,
Весь по суставам раздернут был он...
Так был наказан епископ Гаттон.

Март 1831

РОЛАНД ОРУЖЕНОСЕЦ

Раз Карл Великий пировал;
Чертог богато был украшен;
Кругом ходил золотой бокал;
Огромный стол трещал от брашен;
Гремел певцов избранных хор;
Шумел веселый разговор;
И гости вдоволь пили, ели,
И лица их от вин горели.

Великий Карл сказал гостям:
«Свершить нам должно подвиг трудный.
Прилично ль веселиться нам,
Когда еще Артусов чудный
Не завоеван талисман?
Его укравший великан
Живет в Арденском лесе темном,
Он на щите его огромном».

Отважный Оливьер, Гварин,
Силач Гемон, Наим Баварский,
Агландский граф Милон, Мерлин,
Такой услыша вызов царский,
Из-за стола тотчас встают,
Мечи тяжелые берут;
Сверкают их стальные брони;
Их боевые пляшут кони.

Тут сын Милонов молодой
Роланд сказал: «Возьми, родитель,
Меня с собой; я буду твой
Оруженосец и служитель.
Ваш подвиг не по лётам мне;
Но ты позволь, чтоб на коне
Я вез, простым твоим слугою,
Копье и щит твой за тобою».

В Арденский лес одним путем
Шесть бодрых витязей пустились,
В средину въехали, потом
Друг с другом братски разлучились.
Младой Роланд с копьем, щитом
Смиренно едет за отцом;
Едва от радости он дышит;
Бодрит коня; конь ржет и пышет.

И рыщут по лесу они
Три целых дня, три целых ночи;
Устали сами; их кони
Совсем уж выбились из мочи;
А великана всё им нет.
Вот на четвертый день, в обед,
Под дубом сенисто-широким
Милон забылся сном глубоким.

Роланд не спит. Вдруг видит он:
В лесной дали, сквозь сумрак сеней,

Блеснуло; и со всех сторон
Вскочило множество оленей,
Живым испуганных лучом;
И там, как туча, со щитом,
Блистающим от талисмана,
Валит громада великана.

Роланд глядит на пришлеца
И мыслит: «Что же ты за диво?
Будить мне для тебя отца
Не к месту было бы учтиво;
Здесь за него, пока он спит,
Его копье, и добрый щит,
И острый меч, и конь задорный,
И сын Роланд, слуга проворный».

И вот он на бедро свое
Повесил меч отцов тяжелый;
Взял длинное его копье
И за плеча рукою смелой
Его закинул крепкий щит;
И вот он на коне сидит;
И потихоньку удалился —
Дабы отец не пробудился.

Его увидя, сморщил нос
С презреньем великан спесивый.
«Откуда ты, молокосос?
Не по тебе твой конь ретивый;
Смотри, тебя длинней твой меч;
Твой щит с твоих ребячьих плеч,
Тебя переломив, свалится;
Твое копье лишь мне годится».

«Дерзка твоя, как слышу, речь;
Посмотрим, таково ли дело?
Тяжел мой щит для детских плеч —
Зато за ним стою я смело;

Пусть неуч я — мой конь учен;
Пускай я слаб — мой меч силен;
Отведай нас; уж мы друг другу
Окажем в честь тебе услугу».

Дубину великан взмахнул,
Чтоб вдребезги разбить нахала,
Но конь Роландов отпрыгнул;
Дубина мимо просвистала.
Роланд пустил в него копьем;
Оно осталось с острием,
Погнутым силой талисмана,
В щите пронзенном великана.

Роланд отцовский меч большой
Схватил обеими руками;
Спешит схватить противник свой;
Но крепко стиснут он ножнами;
Еще меча он не извлек,
Как руку левую отсек
Ему наш витязь; кровь струею;
Прочь отлетел и щит с рукою.

Завыл от боли великан,
Кипучей кровию облитый:
Утратив чудный талисман,
Он вдруг остался без защиты;
Вслед за щитом он побежал;
Но по ногам вдогонку дал
Ему Роланд удар проворный:
Он покатился глыбой черной.

Роланд, подняв отцовский меч,
Одним ударом исполину
Отрушил голову от плеч;
Свистя, кровь хлынула в долину.
Щит великанов взяв потом,
Он талисман, блиставший в нем

(Осьмое чудо красотою),
Искусной выломал рукою.

И в платье скрыл он взятый клад;
Потом струей ручья леснова
С лица и с рук, с коня и с лат
Смыл кровь и прах и, севши снова
На доброго коня, шажком
Отправился своим путем
В то место, где отец остался;
Отец еще не просыпался.

С ним рядом лег Роланд и в сон
Глубокий скоро погрузился
И спал, куда сам Милон
Под сумерки не пробудился.
«Скорей, мой сын Роланд, вставай;
Подай мой шлем, мой меч подай;
Уж вечер; всюду мгла тумана;
Опять не встретим великана».

Вот ездит он в лесу густом
И великана ищет снова;
Роланд за ним с копьем, щитом —
Но о случившемся ни слова.
И вот они в долине той,
Где жаркий совершился бой;
Там виден был поток кровавый;
В крови валялся труп безглавый.

Роланд глядит; своим глазам
Не верит он: что за причина?
Одно лишь туловище там;
Но где же голова, дубина?
Где панцирь, меч, рука и щит?
Один ободранный лежит
Обрубок мертвеца нагого;
Следов не видно остального.

Труп осмотрев, Милон сказал:
«Что за уродливая груда!
Еще ни разу не видал
На свете я такого чуда:
Чей это труп?.. Вопрос смешной!
Да это великан; другой
Успел дать хищнику управу;
Я прбспал честь мою и славу».

Великий Карл глядел в окно
И думал: «Страшно мне по чести;
Где рыцари мои? Давно
Пора б от них иметь нам вести.
Но что?.. Не герцог ли Гемон
Там едет? Так, и держит он
Свое копье перед собою
С отрубленною головою».

Гемон, с нахмуренным лицом
Приближась, голову немую
Стряхнул с копья перед крыльцом
И Карлу так сказал: «Плохую
Добычу я завоевал;
Я этот клад в лесу достал,
Где трое суток я скитался:
Мне враг без головы попался».

Приехал за Гемоном вслед
Тюрпин, усталый, бледный, тощий.
«Со мною талисмана нет:
Но вот вам дорогие мощи».
Добычу снял Тюрпин с седла:
То великанова была
Рука, обвитая тряпицей,
С его огромной рукавицей.

Сердит и сумрачен, Наим
Приехал по следам Тюрпина,

И великанова за ним
Висела на седле дубина.
«Кому достался талисман,
Не знаю я; но великан
Меня оставил в час кончины
Наследником своей дубины».

Шел рыцарь Оливьер пешком,
Задумчивый и утомленный;
Конь, великановым мечом
И панцирем обремененный,
Едва копыта подымал.
«Всё это с мертвеца я снял;
Мне от победы мало чести;
О талисмане ж нет и вести».

Вдали является Гварин
С щитом огромным великана,
И все кричат: «Вот паладин,
Завоеватель талисмана!»
Гварин, подъехав, говорит:
«В лесу нашел я этот щит;
Но обманулся я в надежде:
Был талисман украден прежде».

Вот наконец и граф Милон.
Печален, во вражде с собою,
К дворцу тихонько едет он
С потупленною головою.
Роланд смиренно за отцом
Сего копьем, с его щитом,
И светятся, как звезды ночи,
Под шлемом удалые очи.

И вот они уж у крыльца,
На коем Карл и паладины
Их ждут; тогда на щит отца
Роланд, сорвав с его средины
Златую бляху, утвердил

Свой талисман и щит открыл...
И луч блеснул с него чудесный,
Как с черной тучи день небесный.

И грянуло со всех сторон
Шумящее рукоплесканье;
И Карл сказал: «Ты, граф Милон,
Исполнил наше упованье;
Ты возвратил нам талисман;
Тобой наказан великан;
За славный подвиг в награждение
Прими от нас благоволенье».

Милон, слова услыша те,
Глаза на сына обращает...
И что же? Перед ним в щите,
Как солнце, талисман сияет.
«Где это взял ты, молодец?»
Роланд в ответ: «Прости, отец;
Тебя будить я побоялся
И с великаном сам подрался».

19 октября 1832

ЭЛЕВЗИНСКИЙ ПРАЗДНИК

Свивайте венцы из колосьев златых;
Цианы лазурные в них заплетайте;
Сбирайтесь плясать на коврах луговых
И пеньем благую Цереру встречайте.
Церера сдружила враждебных людей;
Жестокие нравы смягчила;

И в дом постоянный меж нив и полей
Шатер подвижной обратила.

Робок, наг и дик скрывался
Троглодит в пещерах скал;
По полям Номад скитался
И поля опустошал;
Зверолов с копьем, стрелами,
Грозен, бегал по лесам...
Горе брошенным волнами
К неприютным их брегам!

С Олимпийския вершины
Сходит мать Церера вслед
Похищенной Прозерпины:
Дик лежит пред нею свет.
Ни угла, ни угощенья
Нет нигде богине там;
И нигде богопочтенья
Не свидетельствует храм.

Плод полей и грозды сладки
Не блистают на пирах;
Лишь дымятся тел остатки
На кровавых алтарях;
И куда печальным оком
Там Церера ни глядит:
В унижении глубоком
Человека всюду зрит.

«Ты ль, Зевесовой рукою
Сотворенный человек?
Для того ль тебя красою
Олимпийскою облек
Бог богов и во владенье
Мир земной тебе отдал,
Чтоб ты в нем, как в заточенье
Узник брошенный, страдал?

Иль ни в ком между богами
Сожаленья к людям нет
И могучими руками
Ни один из бездны бед
Их не вырвет? Знать, к блаженным
Скорбь земная не дошла?
Знать, одна я огорченным
Сердцем горе поняла?

Чтоб из низости душою
Мог подняться человек,
С древней матерью-землею
Он вступи в союз навек;
Чти закон времен спокойный;
Знай течение лун и лет,
Знай, как движется под стройной
Их гармониею свет».

И мгновенно расступилась
Тьма, лежавшая на ней,
И небесная явилась
Божеством пред дикарей:
Кончив бой, они, как тигры,
Из черепьев вражьих пьют
И ее на зверски игры
И на страшный пир зовут.

Но богиня, с содроганьем
Отвратясь, рекла: «Богам
Кровь противна; с сим даяньем
Вы, как звери, чужды нам;
Чистым чистое угодно;
Дар, достойнейший небес:
Нивы колос первородный,
Сок оливы, плод древес».

Тут богиня исторгает
Тяжкий дротик у стрелка;

Острием его пронзает
Грудь земли ее рука;
И берет она живое
Из венца главы зерно,
И в пронзенное земное
Лоно брошено оно.

И выводит молодые
Класы тучная земля;
И повсюду, как златые
Волны, зыблются поля.
Их она благословляет
И, колосья в сноп сложив,
На смиренный возлагает
Камень жертву первых нив.

И гласит: «Прими даянье,
Царь Зевес, и с высоты
Нам подай знаменованье,
Что доволен жертвой ты.
Вечный бог, сними завесу
С них, не знающих тебя:
Да поклонятся Зевесу,
Сердцем правду возлюбя».

Чистой жертвы не отринул
На Олимпе царь Зевес;
Он во знамение кинул
Гром излучистый с небес;
Вмиг алтарь воспламенился;
К небу жертвы дым взлетел,
И над ней горé явился
Зевсов пламенный орел.

И чудо проникло в сердца дикарей;
Упали во прах перед дивной Церерой;
Исторгнулись слезы из грубых очей,
И сладкой сердца растворились верой.
Оружие кинув, теснятся толпой

И ей воздают поклоненье;
И с видом смиренным, покорной душой
Приемлют ее поученье.

С высоты небес нисходит
Олимпийцев светлый сонм;
И Фемида их предводит,
И своим она жезлом
Ставит грани юных, жатвой
Озлатившихся полей
И скрепляет первой клятвой
Узы первые людей.

И приходит благ податель,
Друг пиров, веселый Ком;
Бог, ремесл изобретатель,
Он людей дружит с огнем;
Учит их владеть клещами;
Движет мехом, млатом бьет
И искусными руками
Первый плуг им создает.

И вослед ему Паллада
Копьеносная идет
И богов к строенью града
Крепкостенного зовет:
Чтоб приютно-безопасный
Кров толпам бродящим дать
И в один союз согласный
Мир рассеянный собрать.

И богиня утверждает
Града нового чертеж;
Ей покорный, означает
Термин камнями рубеж;
Цепью смерена равнина;
Холм глубоким рвом обвит;

И могучая плотина
Гранью бурных вод стоит.

Мчатся Нимфы, Ореады
(За Дианой по лесам,
Через потоки, водопады,
По долинам, по холмам
С звонким скачущие луком);
Влещет в их руках топор,
И обрушился со стуком
Побежденный ими бор.

И, Палладою призванный,
Из зеленых вод встает
Бог, осокою венчанный,
И тяжелый строит плот;
И, сияя, низлетают
Оры легкие с небес
И в колонну округляют
Суковатый ствол древес.

И во грудь горы вонзает
Свой трезубец Посидон;
Слой гранитный отторгает
От ребра земного он;
И в руке своей громаду,
Как песчинку, он несет;
И огромную ограду
Во мгновенье создает.

И вливает в струны пенье
Светлоглавый Аполлон;
Пробуждает вдохновенье
Их согласно-мерный звон;
И веселые Камены
Сладким хором с ним поют,
И красивых зданий стены
Под напев их встают.

И творит рука Цибелы
Створы врат городских:
Держат петли их дебели,
Утвержден замок на них;
И чудесное творенье
Довершает, в честь богам,
Совокупное строенье
Всех богов, великий храм.

И Юнона, с оком ясным
Низлетев от высоты,
Сводит с юношей прекрасным
В храме деву красоты;
И Киприда обвиняет
Их гирляндю цветов,
И с небес благословляет
Первый брак отец богов.

И с торжественной игрою
Сладких лир, поющих в лад,
Вводят боги за собою
Новых граждан в новый град;
В храме Зевсовом царица,
Мать Церера там стоит,
Жжет курения, как жрица,
И пришельцам говорит:

«В лесе ищет *зверь* свободы,
Правит всем свободно *бог*,
Их закон — закон природы.
Человек, прияв в залог
Зоркий ум — звено меж ними, —
Для гражданства сотворен:
Здесь лишь нравами одними
Может быть свободен он».

Свивайте венцы из колосьев златых;
Цианы лазурные в них заплетайте;

КОММЕНТАРИИ

61
12.12 -
V
6.11
- 36

[illegible]

В эту книгу вошли избранные стихотворные произведения В. А. Жуковского. Они располагаются по двум разделам: «Стихотворения» и «Баллады». Внутри разделов соблюден хронологический принцип композиции. Издание снабжено комментариями. Устаревшие слова, названия и мифологические имена поясняются в Словаре.

СТИХОТВОРЕНИЯ

СЕЛЬСКОЕ КЛАДВИЩЕ

С. 27

Вольный перевод элегии «Elegy written in a Country Churchyard» («Элегия, написанная на сельском кладбище») английского поэта-сентименталиста Томаса Грея (1716—1771). Эту элегию (1802) Жуковский считал началом своей поэтической деятельности и в 1839 году еще раз перевел ее. До нас дошла семейная легенда, в которой рассказывается, что перевод был сделан поэтом на холме в селе Мишенском, на родине поэта (близ города Белева Тульской губернии). Биограф Жуковского К. Зейдлиц писал: «Этот холм сохранил название *Греева элегия*». Сам Жуковский в одном из писем сообщал из Швейцарии: «Хочу у подошвы швейцарских гор посидеть на том низком холмике, на коем стоял наш Мишенский дом с своею смиренной церковью, на коем началась моя поэзия Греевой элегией». Жуковский отступил в переводе от подлинника и внес чувствительные, меланхолические ноты. Элегия посвящалась товарищу Жуковского по Благородному пансиону при Московском уни-

верситете и «Дружескому литературному обществу» Андрею Ивановичу Тургеневу.

Лишь слышится вдали рогов унылый звон. — «В Англии привязывают колокольчики к рогам баранов и коров» (примеч. В. А. Жуковского).

Лишь дикая сова... — Сова, как ночная птица, считалась стражем покоя мертвых и была также олицетворением мудрости.

На всех ярится смерть... — Мысль об одинаковой доле людей перед лицом смерти характерна для раннего Жуковского.

Гампден надменный — Джон Гампден (Гемпден; 1594—1643), крупный английский землевладелец, посчитавший незаконной небольшую корабельную подать, востребованную королем, и отказавшийся уплатить ее; сыграл активную роль на первых этапах Английской буржуазной революции XVII века.

Иль кровию граждан Кромвель необагранный... — Оливер Кромвель (1599—1658) — вождь Английской революции XVII века. Жуковский ошибался в его характеристике: Кромвель сурово расправлялся с демократическими элементами, подавил восстания в Ирландии и Шотландии.

Или Мильтон немой, без славы скрытый в прах. — Имеется в виду Джон Мильтон (1608—1674), английский поэт, публицист и политический деятель, перу которого принадлежат поэмы «Потерянный рай», «Возвращенный рай», а также памфлеты в защиту республики. Возможно, Жуковский ошибся: Мильтон был слеп, а не нем. Но более вероятно другое: Мильтон был активным участником английской революции, а после восстановления монархии Стюартов (1660) публицистическая деятельность стала для него невозможной. Умер Мильтон гонимым, в безвестности и в бедности.

ДРУЖБА

С. 32

Уже в ранние годы у Жуковского сложилась целая философия дружбы. Это чувство он считал наиважнейшим и самым возвышенным. 27 февраля 1806 года он

выступил в «Дружеском литературном обществе» с речью «О дружбе», где утверждал: «Любовь — которую не сравню с дружбой, — любовь страсть сильная, пламенная — должна неоспоримо уступить ей». «Дружба, — полагал поэт, — не боится ни злобы, ни предрассудков, никакая сила не может разлучить сердец, соединенных самой природой, ни море шумящее, ни степи непроходимые, ни гонения оскорбленного рока, — дружба и под кровом сельским все та же чистая божественная дружба, утешительница добродетельных, гений-хранитель тружеников мира. Пифагор в разговоре о дружбе сказал: Я не один, когда со мною друг мой, однако ж нас не двое, — сильное, много значащее изречение, достойное великого философа, который произнес его». В письме к А. И. Тургеневу (брат товарища Жуковского — Александр Иванович Тургенев) от 8 января 1806 года Жуковский обращался: «Ах, брат, нам надобно жить... возвышенным образом; но я один ничего не сделаю: мне необходима подпора. Я найду ее в дружбе, и в твоей дружбе... Ты должен быть согревателем моей души». Культ дружбы, утверждаемый Жуковским, сыграл большую роль в бытовом и литературном общении того времени. Известно, сколь спланивала дружба лицеистов, арзамасцев, а впоследствии пушкинский круг писателей, куда входил и Жуковский.

ВЕЧЕР

С. 32

По словам биографа поэта К. Зейдлица, «одно из лучших его описаний вечерней красоты природы села Мишенского». В стихотворении поэт вспоминает о друзьях своей юности, принадлежавших, как и он, к «Дружескому литературному обществу».

Один — минутный цвет — почил, и непробудно... — Речь идет об Андрее Ивановиче Тургеневе, умершем в 1803 году.

Другой... о Небо правосудно!.. — С. Е. Родзянко (1782—1808), вскоре после окончания университетского Благородного пансиона сошедший с ума.

Строфы 6—8 (от стиха «Уж вечер... облаков померк-

нули края...» и кончая стихом «И гибкой ивы трепетанье!») использованы П. И. Чайковским в опере «Пиковая дама» для дуэта Лизы и Полины.

ПЕСНЯ

С. 35

(«Мой друг, хранитель-ангел мой...»). В первопечатном тексте стихотворение имело подзаголовок «На голос: *Je t'aime tant, je t'aime tant...*» («Я так люблю тебя, так люблю тебя...»). Эта популярная в конце XVIII — начале XIX века песня принадлежала французскому поэту, драматургу и политическому деятелю Ф. Фабру д'Эглантину (1750—1794). Стихотворение Жуковского — переложение этой песни.

ПУТЕШЕСТВЕННИК

С. 37

Вольный перевод стихотворения «*Der Pilgrim*» («Странник») немецкого поэта Фридриха Шиллера (1759—1805).

ПЕСНЬ АРАБА НАД МОГИЛОЮ КОНЯ

С. 38

Перевод с добавлением отсутствующей в подлиннике последней строфы популярного в то время в России романа «*L'arabe au tombeau de son coursier*» («Араб на могиле своего скакуна»), принадлежащего французскому поэту-классицисту Шарлю Мильвуа (1782—1816). Примененный Жуковским размер впоследствии был использован Пушкиным («Подражания Корану», IX) и Лермонтовым («Три пальмы») с сокращением каждой строфы на два последних стиха.

К НЕЙ

С. 40

Перевод немецкой песни неизвестного автора. Предположительно относится к М. А. Протасовой.

ЖЕЛАНИЕ

С. 41

Перевод (с небольшими отступлениями) стихотворения Ф. Шиллера «Sehnsucht» («Томление»). Страстное ожидание чуда, устремленность к неведомому, но прекрасному идеалу выражает пафос поэзии Жуковского. Он свойствен и его жизненной философии. Понимая, например, что надежда на брак с М. А. Протасовой не сбылась, Жуковский пишет 5 мая 1814 года А. Л. Киреевской: «Теперешнее мое бытие для меня так тяжело, как самое ужасное бедствие. Для меня было бы самым величайшим наслаждением попасть в горячку, в чахотку или что-нибудь подобное и увидеть вдруг вблизи прелестный край чудес».

ПЕВЕЦ

С. 42

Романс вызвал высокую оценку К. Н. Батюшкова и отразился в стихотворении юного Пушкина «Певец». В. Г. Белинский отнес «Певца» к «лучшим» и «самым характеристическим» произведениям Жуковского.

Он дружбу пел, дав другу нежную руку... — Речь идет об А. И. Тургеневе (см. коммент. к стихотворению «Сельское кладбище»).

Он пел любовь... — Имеется в виду любовная лирика Жуковского, адресованная М. А. Протасовой.

На стихи «Певца» написаны романсы М. И. Глинки и А. Н. Верстовского.

ПЕВЕЦ ВО СТАНЕ РУССКИХ ВОИНОВ

С. 44

В первой публикации (журнал «Вестник Европы», 1812, № 23 и 24, декабрь) опубликовано с подзаголовком: «Писано после отдачи Москвы перед сражением при Таургутине». Жуковский находился тогда в московском ополчении. Ко второму — отдельному — изданию «Певца» (1813) Жуковский и его друг, карамзинист Д. В. Дашков (1789—1839), сделали примечания, которые частично используются с указанием в скобках — (п р и м е ч.).

О Святослав, бич древних лет... — Имеется в виду Святослав, князь киевский (945—972).

«Погибнем! мертвым срама нет!» — «Древние летописи сохранили нам краткую, но сильную речь великого князя Святослава Игоревича к его воинам на походе против греков. «Не посраим земли русския, — сказал он, — ляжем zde костями, мертвии бо срама не имеют!» Воины, одушевленные словами и примером вождя, устремились на многочисленного неприятеля и одержали победу» (п р и м е ч.).

И ты, неверных страх, Донской, с четой двух соименных... — «Великий князь Дмитрий Иоаннович (то есть Дмитрий Донской, 1350—1389. — В. К.), избавитель России от постыдного рабства. Со времени несчастного сражения при Калке (1223) татары господствовали над князьями российскими, свергая их по произволению с престола и налагая тяжкие дани. Димитрий отмстил за сии поругания и, предводительствуя сам соединенными русскими силами, истребил на берегу Дона несметное воинство Мамая. Он положил первое основание могуществу России, утвержденному потом великою четой соименных (Иоаннами III и IV) и вознесенному на высочайшую степень Петром и августейшими его преемниками» (п р и м е ч.).

Внимайте клич: Полтава! — «Сражение при Полтаве решило навсегда участь России. Обыкновенные последствия войны суть всеобщее опустошение и грабительства; но сей знаменитый день был виною благополучия многих миллионов, увенчав труды, поднятые Великим Петром для преобразования своего отечества. Дерзкий Карл, ворвавшийся в пределы российские с непобедимым войском, едва мог спастись бегством с немногими спутниками, в числе коих был изменник Мазепа, названный здесь братом владыки (Карла XII)» (п р и м е ч.).

В лесу с твоим сарматом... — Сарматы — варвары-кочевники; здесь — Мазепа.

То грозный наш Суворов. — «Кому из современников наших неизвестны подвиги российского Аннибала, преодолевшего самую природу на вершинах альпийских? Потомство будет с удивлением читать в летописях беспристрастной истории дела Вождя победы, грозы оттоманов (турок. — В. К.) и сарматов, избавителя Италии. Он скончал славные дни свои; но дух его еще предводит пол-

ками нашими и вливает новое мужество в сердца воинов» (п р и м е ч.).

Отчизне кубок сей, друзья! — «Воздав должную хвалу почившим героям, певец посвящает сей кубок любви к отечеству, столь славно ознаменовавшей народ российский при нашествии свирепого неприятеля» (п р и м е ч.).

Хвала тебе, наш бодрый вождь... — «Имя князя Смоленского, спасителя России, пребудет всегда незабвенным для истинных патриотов. В то печальное время, когда враги гнездились в древней столице, угрожая разрушить последний оплот вольности Европы, мудрый вождь не унывал духом и готовил достойную казнь гордыне их. С быстротою молнии перелетал он от берегов Москвы до Эльбы, расточив сонмища иноплеменных и устлав путь свой бесчисленными их трупами. Орлиный взор его измерял уже берега Рейна, когда жестокая смерть, которой он столько раз подвергал себя во брани, сразила его на одре болезни, посреди блистательного поприща. Но благодарное отечество, почтившее героя доверенностью своею, сохранит навеки память его вместе с бессмертною памятью Пожарского; а мужественные воины, сражавшиеся под его знаменами, с гордостью некогда скажут юным товарищам и детям своим: «И мы были его подвижниками, и мы мстили за Москву, обращенную в пепел неистовой злобою!» (п р и м е ч.). Титул князя Смоленского М. И. Кутузов (1745—1813) получил за Бородинское сражение.

О, сколь с израненным челом... — В сражении при Кагуле (1770) Кутузов был ранен турецкой пулей, которая вошла в левый висок и вышла у правого глаза.

О диво! се орел пронзил над ним небес равнины... — «У древних парящий орел почитаем был предвестником победы; знамение сие не обмануло и нас на достопамятном Бородинском поле. Когда российский вождь устраивал полки свои, орел пролетел над ним при радостных кликах воинов и был верной предтечею гибели врагов наших» (п р и м е ч.). В первой публикации к этим стихам было дано примечание: «Сказывают, что в самую ту минуту, когда главнокомандующий, приехавший к армии, выходил из своей кареты, орел показался на высоте; полководец снял перед ним шляпу; войска закричали «ура!».

Ермолов, витязь юный... — А. П. Ермолов (1777—1861), русский генерал, начальник штаба 1-й армии, впоследствии главнокомандующий на Кавказе.

Раевский, слава наших дней... — Н. Н. Раевский (1771—1829), русский генерал, командовал «Курганной» батареей («батарея Раевского») в Бородинском сражении.

С отважными сынами. — Сыновья Раевского — А. Н. Раевский (1795—1868) и Н. Н. Раевский (1801—1843) — участвовали вместе с отцом в Бородинской битве. Сохранились рассказы современников, что генерал повел сыновей в атаку в бою под Дашковкой. Раевский, однако, их опровергал.

Наш Милорадович, хвала! — М. А. Милорадович (1771—1825), генерал, ученик Суворова, видный участник Бородинского сражения и всей кампании 1812 года.

Витгенштейн — П. Х. Витгенштейн (1768—1842), генерал, командовал корпусом, прикрывавшим Петербург от войск маршалов Удино и Макдональда.

Наш Коновницын смелый!.. — П. П. Коновницын (1764—1822), русский генерал, ближайший помощник Кутузова, после ранения Багратиона принял на себя командование его армией.

Вождь неведимых, Платов! — М. И. Платов (1751—1818), атаман донских казаков, совершивший в Бородинскую битву знаменитый рейд в тыл левого фланга французской армии.

Орлом шумишь по облакам, по полю волком рыщешь... — образы, заимствованные из «Слова о полку Игореве».

Хвала, наш Нестор — Беннингсон! — Л. Л. Беннингсен (1745—1826), генерал, начальник штаба Кутузова; назван Нестором по имени старейшего вождя греков в Троянской войне, описанной в «Илиаде» Гомера (по возрасту был старейшим среди генералов — участников Отечественной войны 1812 года).

Остерман — А. И. Остерман-Толстой (1770—1857), А. П. Тормасов (1752—1819), К. Ф. Багговут (1761—1812), Д. С. Дохтуров (1756—1816), генералы, участники Бородинского сражения. К строкам о К. Ф. Багговуте относились слова в примеч.: «Стихи сии сочинены прежде Тарутинского сражения. Багговут был первою его жертвою (6 октября 1812)».

Наш твердый Воронцов, хвала!.. стрела в бесстрашного вонзилась... — М. С. Воронцов (1782—1856) был ранен в Бородинском бою.

Хвала, Щербатов, вождь молодой!.. Он сетует душой о трате незабвенной. — А. Г. Щербатов (1777—1848), генерал; незадолго до сражения лишился жены, доведившейся сестрой приятелю Жуковского П. А. Вяземскому.

Хвала, наш Пален, чести сын! — П. П. Пален (1778—1864), генерал, участник Бородинского сражения.

Наш смелый Строганов, хвала! — П. А. Строганов (1772—1817), будучи государственным деятелем, добровольно вступил в армию.

Хвала бестрепетных вождам! — «Вождами бестрепетных названы здесь партизаны, которые в прошедшую войну, особенно в кампанию 1812 года, много способствовали к истреблению неприятеля» (п р и м е ч.).

Наш Фигнер старцем в стан врагов... — А. С. Фигнер (1787—1813), организатор партизанского движения, умелый разведчик: переодеваясь в разные костюмы, проникал в тыл французов.

Сеславин — где ни пролетит... — А. Н. Сеславин (1780—1858), партизан, начальник отряда.

Давыдов, пламенный боец... — Д. В. Давыдов (1784—1839), знаменитый поэт-партизан.

Кудашев скоком через ров... — Н. Д. Кудашев (1784—1813), партизан, зять М. И. Кутузова.

Бросает взглядом Чернышов... — А. И. Чернышев (1785—1857), партизан.

Орлов отважностью орел... — В. В. Орлов-Денисов (1775—1843), казачий генерал, отличился в бою при Тарутине.

В среду врагов Кайсаров. — Речь могла идти либо о П. С. Кайсарове (1783—1844), генерале штаба М. И. Кутузова, либо о его брате А. С. Кайсарове (1782—1813), товарище Жуковского по университетскому Благородному пансиону, профессоре Дерптского университета, который добровольно вступил в армию и был убит 14 мая 1813 года под Ганау.

Кульнев — Я. П. Кульнев (1763—1812), кавалерийский генерал, убитый под селом Клястицы.

Где жизнь судьба ему дала, там брань его сразила... — «Кульнев убит в 30 верстах от местечка Люцина, где жила его мать и где провел он свое младенчество» (п р и м е ч.).

А ты, Кутайсов, вождь молодой... — А. И. Кутайсов (1784—1812), генерал, в Бородинском бою командовал артиллерией. «Кутайсов убит под Бородином. В нем погибла одна из блистательнейших побед нашей армии. С великими дарованиями воина соединял он ум приятный и прекрасный характер нравственный. Он любил словесность и в свободное время писал стихи. После Бородинского сражения увидели его лошадь, обгавленную кровию, бегущую без седока, и долго не могли отыскать его тела» (п р и м е ч.).

И ты... и ты, Багратион? — П. И. Багратион (1765—1812) — любимый ученик и сподвижник Суворова, герой заграничных походов 1799, 1805-го и других годов, командовал в Отечественную войну 2-й армией, а в Бородинском сражении — войсками левого фланга.

Еще дружин надежда в нем... — «Багратион умер от раны, полученной в сражении под Бородином. Армия несколько времени надеялась на его выздоровление, но судьба решила иначе» (п р и м е ч.).

Он в область храбрых воспарил, к тебе, отец Суворов. — «По мифологии северных народов, витязи, сраженные во бранях, переселялись в Валгаллу, к отцу своему Одну. Стихотворец заменил здесь баснословного Одена бессмертным Суворовым» (п р и м е ч.).

О, радость древних лет, Боян! — «Автор соглашается здесь со мнением некоторых писателей, приемлющих Бояна за великого стихотворца, который процветал во мрачные времена истории нашей и, подобно греческому Тиртею, возбуждал песнями своими мужество славянских воинов» (п р и м е ч.).

Петру возник среди снегов левец — податель славы... — Имеется в виду М. В. Ломоносов (1711—1765).

Честь Задунайскому — Петров... — В. П. Петров (1736—1799) воспел в одах победы над турками генерал-фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского (1725—1796).

Державин грянет в струны. — Г. Р. Державин (1743—1816) в нескольких стихотворениях прославил полководческий гений А. В. Суворова.

УЗНИК К МОТЫЛЬКУ, ВЛЕТЕВШЕМУ В ЕГО ТЕМНИЦУ

С. 64

Перевод (с отступлениями) стихотворения «Le prisonnier et la papillon» («Узник и бабочка») французского поэта и романиста Ксавье де Местра (1763—1852), бежавшего в Россию в годы Великой французской революции и поступившего на русскую службу. В. Г. Белинский включил стихотворение в число лучших у Жуковского.

СВЕТЛАНЕ

С. 67

Посвящено Александре Андреевне Протасовой («Светлане»), см. примеч. к балладе «Светлана». Поводом к написанию послужили сомнения в отношении предстоящего брака А. А. Протасовой с А. Ф. Воейковым, которые Жуковский пытался рассеять.

ТЕОН И ЭСХИН

С. 68

В. Г. Белинский писал, что «на это стихотворение можно смотреть как на программу всей поэзии Жуковского, как на изложение основных принципов ее содержания. Все блага жизни неверны: стало быть, благо внутри нас; здесь все проходит и изменяет нам: стало быть, неизменное впереди нас».

СЛАВЯНКА

С. 72

Это стихотворение Жуковский снабдил примечанием: «Славянка — река в Павловске (царской летней резиденции, где жила тогда вдова Павла I императрица Мария Федоровна. — В. К.). Здесь описываются некоторые виды ее берегов, и в особенности два памятника, произведение знаменитого Мартоса (Иван Петрович Мартос — ок. 1750—1835 — русский скульптор, автор монумента Митину и Пожарскому на Красной площади в Москве. — В. К.). Первый из них воздвигнут государынею вдовству».

ющею императрицею в честь покойного императора Павла. В уединенном храме, окруженном густым лесом, стоит пирамида: на ней медальон с изображением Павла; перед ним гробовая урна, к которой преклоняется величественная женщина в короне и порфире царской, на пьедестале изображено в барельефе семейство императорское: государь Александр представлен сидящим; голова его склонилась на правую руку, и левая рука опирается на щит, на коем изображен двуглавый орел; в облаках видны две тени: одна летит на небеса, другая летит с небес, навстречу первой. — Спустиась к реке Славянке (сливающейся перед самым дворцом в небольшое озеро), находишь молодую березовую рощу: эта роща называется *семейственною*, ибо в ней каждое дерево означает как-нибудь радостное происшествие в высоком семействе царском. Посреди рощи стоит уединенная *урна Судьбы*. Далее, на самом берегу Славянки, под тенью дерев, воздвигнут прекрасный памятник великой княгине Александре Павловне. Художник умел в одно время изобразить и прелестный характер и безвременный конец ее; вы увидите молодую женщину, существо более небесное, нежели земное; она готова покинуть мир сей; она еще не улетела, но душа ее смиренно покорилась призывающему ее гласу; и взоры и руки ее, поднятые к небесам, как будто говорят: *да будет воля Твоя*. Жизнь, в виде юного Гения, простирается у ее ног и хочет удержать летящую; но она ее не замечает; она повинуется одному Небу — и уже над головой ее сияет звезда новой жизни». В. Г. Белинский во второй статье «Сочинения Александра Пушкина» процитировал большой отрывок из «Славянки» в пример того, что «изображаемая Жуковским природа — *романтическая природа*, дышащая таинственною жизнью души и сердца, исполненная высшего смысла и значения».

ПЕСНЯ

С. 77

(«К востоку, всё к востоку...»). Перевод стихотворения «Nach Osten» («К востоку») немецкого поэта-романтика Фридриха Готтлиба Ветцеля (1779—1819). Стихотворение положено на музыку А. С. Даргомыжским. В. Г. Белинский включил его в число лучших у Жуковского.

«КТО СЛЕЗ НА ХЛЕБ СВОЙ НЕ РОНЯЛ...»

С. 78

Перевод стихотворения Гёте «*Wer nie sein Brot mit Tränen ass...*» («Кто никогда не ел свой хлеб со слезами...»), вошедшего в роман «Годы учения Вильгельма Мейстера» (кн. II, гл. XIII) и в цикл «Из Вильгельма Мейстера».

ПЕСНЯ

С. 78

(«Кольцо души-девицы...»). Вольный перевод немецкой народной песни «*Lied*» («*Der Ring ist mir entfallen...*» («Кольцо у меня выпало...»). В. Г. Белинский назвал это стихотворение Жуковского «преlestным». Стихи положены на музыку А. А. Алябьевым.

ВЕСЕННЕЕ ЧУВСТВО

С. 79

Характеризуя поэзию Жуковского, В. Г. Белинский писал: «Итак, содержание поэзии Жуковского, ее пафос составляет стремление к бесконечному, принимаемое за само бесконечное, движущую силу — за цель движения. Совершенно чуждая исторической почвы, лишенная всякого практического элемента, эта поэзия вечно стремится, никогда не достигая, вечно спрашивает самое себя, никогда не давая ответа...» И в качестве подтверждения этой мысли критик процитировал всю вторую строфу стихотворения. Стихотворение положено на музыку А. Г. Рубинштейном.

«ТАМ НЕБЕСА И ВОДЫ ЯСНЫ!..»

С. 80

Вольный перевод романа «*Combien j'ai douce souvenance*» («Как сладко мне воспоминанье...») французского романтика Франсуа Рене Шатобриана (1768—1848). Стихотворение Шатобриана вошло в его роман «*Les aventures du Dernier Abencerage*» («История последнего из Абенсеражей»). По свидетельству биографов, Жуковский придал пейзажу черты родного села Мишенского.

ГОРНАЯ ДОРОГА

С. 81

Перевод стихотворения Фридриха Шиллера «Berglied» («Горная песня»). В стихотворении описан подъем на перевал Сен-Готард в Альпах, однако конкретность изображения романтически обобщена.

Над страшною бездной дорога бежит... — Имеется в виду тропа из Амштега через Вассен и Гешенен до знаменитого Чертова моста.

Там мост через бездну отважной дугой... — Чертов мост.

Поток под него разъяренный бежит... — река Рейсс.

Там, грозно раздавшись, стоят ворота... — Имеется в виду так называемая Урнская дыра.

Пройди их — долина, долин красота... — долина Ури.

Четыре потока оттуда шумят... — реки Рейсс, Рона, Тичино и Рейн.

Там в блеске небес два утеса стоят... — скалы Фиэудо и Проза.

Царица сидит высоко и светло... — гигантская вершина Мутенгорн.

ПЕСНЯ

С. 82

(«Минувших дней очарованье...»). Стихотворение посвящено Екатерине Федоровне Вадковской (ум. в 1861 году), племяннице родственницы и приятельницы Жуковского Анны Ивановны Плещеевой (ум. в 1817 году), которая горячо поддерживала намерение Жуковского жениться на М. А. Протасовой.

Там есть один жилец безгласный... — Имеется в виду Е. Ф. Вадковская; по воспоминаниям Б. Н. Чичерина, она грустно повторяла слова из посвященного ей в молодости стихотворения Жуковского: «Там есть один жилец безгласный, свидетель милой старины». Стихотворение положено на музыку П. П. Булаховым и другими композиторами.

Перевод одноименного стихотворения французского поэта Антуана Венсана Арно (1766—1834). Жуковский удлинил размер, но уменьшил количество строк. Стихотворение Арно было написано в 1815 году, после того как вернувшиеся к власти Бурбоны изгнали поэта за его близость к Наполеону Бонапарту. В эпоху Реставрации оно, следовательно, воспринималось отражающим общую участь изгнанников, преследуемых деспотизмом. А. С. Пушкин в статье «Французская академия» (1836) писал о «Листке» Арно: «Участь этого маленького стихотворения замечательна. Костюшко перед своей смертью повторил его на берегу Женевского озера; Александр Ипсиланти перевел его на греческий язык; у нас его перевели Жуковский, Давыдов.

Наш боец чернокудрявый
С белым локоном на лбу».

Узнав о переводе Дениса Давыдова, Арно послал ему четверостишие (1825), первая строка которого была использована Пушкиным в послании к Денису Давыдову: «Тебе, певцу, тебе, герою...» (1836).

Стихотворение не раз переводилось на русский язык и впоследствии (см., например, переводы поэта-петрашевца С. Ф. Дурова — «С родного дерева отпавший...» — и В. Я. Брюсова — «Сорван с веточки зеленой...»). Мотивы стихотворения своеобразно трансформировались в «Листке» («Дубовый листок оторвался от ветки родимой...»; 1841) М. Ю. Лермонтова.

НА КОНЧИНУ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА КОРОЛЕВЫ ВИРТЕМБЕРГСКОЙ

С. 84

Королева Виртембергская — Екатерина Павловна, сестра Александра I. Стихотворение вызвано ее внезапной смертью 28 декабря 1818 года в Штутгарте.

Элегию сразу же высоко оценили современники. К. Н. Батюшков назвал стихи Жуковского прекрасными.

В. Г. Белинский писал: «Это вопль страшно потрясенной души, это голос растерзанного, истекающего кровью сердца, это чувство жизненное и глубокое...» Характеризуя Жуковского как «певца *сердечных утрат*», Белинский сослался на элегию поэта: «...И кто не знает его превосходной элегии «На кончину королевы Виртембергской» — этого высокого католического реквиема, этого скорбного гимна *житейского страдания и таинства утрат*?.. Это в высшей степени романтическое произведение в духе средних веков. Оно всегда прекрасно; но если вы хотите насладиться им вполне и глубоко — прочтите его, когда сердце ваше постигнет скорбная утрата... О, тогда в Жуковском найдете вы себе друга, который разделит с вами ваше страдание и даст ему язык и слово...»

ЦВЕТ ЗАВЕТА

С. 90

Написано по желанию великой княгини Александры Федоровны, которая обменивалась со своей сестрой первыми весенними цветами. А. И. Тургенев писал 30 июля 1819 года П. А. Вяземскому: «Посылаю тебе стихи Жуковского, написанные по заказу вел. княгини. Она же дала и тему на немецком: «*Ländler-Gras*», у немцев — цвет завета. Чего не выразит чародей-Жуковский. В сем «Цвете» соединяется воспоминание прошедшего с таинственностью будущего. Он часто означает какую-нибудь эпоху или минуту жизни, например, свидание или разлуку. Знаменование его скорее понять, нежели объяснить можно». Вяземский, получив письмо, отвечал А. И. Тургеневу 7 августа 1819 года: «Этот обер-черт Жуковский!.. Как можно быть поэтом по заказу? Стихотворцем — так, я понимаю; но чувствовать живо, дать языку души такую верность, когда говоришь за другую душу, и еще порфиородную, я постигнуть этого не могу! Знаешь ли, что в Жуковском важнейшая примета его чародейства? — Способность, с которою он себя, то есть поэзию, переносит во все недоступные места... все скверное очищается перед ним... «Цветок» его прелестен. Был ли такой язык до него? Нет! Зачинщиком ли он нового у нас поэтического языка? Что вы ни думали бы (И. И. Дмитриев и А. Ф. Мерзляков. — В. К.), а Жуковский вас переживет.

Пускай язык наш и изменится, некоторые цветки его не повянут. Стихотворные красоты языка могут со временем поблекнуть, поэтические всегда свежи, всегда душисты».

К МИМОПРОЛЕТЕВШЕМУ ЗНАКОМОМУ ГЕНИЮ

С. 93

Вольный перевод стихотворения «Lied» («Песня») немецкого философа, теоретика романтизма Фридриха Вильгельма Шеллинга (1775—1854). Образ «гения» биографы связывают с С. А. Самойловой (в замужестве — Бобринская), которой Жуковский был увлечен. Пушкин, не увидевший стихотворения в Собрании сочинений Жуковского 1824 года, пенял ему: «Зачем слушаешься ты маркиза Блудова (Д. Н. Блудов (1785—1864) — дипломат, член «Арзамаса». — В. К.)? пора бы тебе удостовериться в односторонности его вкуса... «Надпись к Гёте», «Ах, если б мой милый», «Гению» — все это прелесть, а где она?»

К ПОРТРЕТУ ГЁТЕ

С. 94

Надпись, возможно, приготовлена к 70-летию Гёте (родился 28 августа 1749 года). Жуковский, вероятно, воспользовался четверостишием Андрея Тургенева (см. примеч. к стихотворению «Сельское кладбище»), который переводил на русский язык «Страдания молодого Вертера». В экземпляр немецкого издания, подаренного Жуковскому Андреем Тургеневым, вклеен листок со стихами:

Свободным гением природы вдохновенный,
Он в пламенных чертах ее изображал;
И в чувствах сердца лишь законы почерпал,
Законам никаким другим не покоренный.

Под ними стоит подпись: «Т». По свидетельству Александра Ивановича Тургенева, брата Андрея Тургенева и близкого друга Жуковского, стихи Андрея Тургенева были написаны им в 16-летнем возрасте к портрету Гёте. Впоследствии А. И. Тургенев вписал их в альбом Гёте. Впол-

не естественно, что Жуковский в преддверии юбилея Гёте вновь вспомнил о друге своей юности и отдал дань не только немецкому поэту, но и его русскому переводчику. Известен восторженный отзыв М. Горького о стихотворении: «Здесь в четырех строках не только дан очерк Гёте — это выше Гёте. Здесь заключен общечеловеческий лозунг — Служи свободе, все познавай, ничему не покоряйся! Таких строк немного в литературе мира». Стихотворение надолго определило романтическую интерпретацию образа великого немецкого поэта.

НЕВЫРАЗИМОЕ

С. 95

Стихотворение носит программный характер. Жуковский считал, что главный предмет поэзии — душа. Впечатления, получаемые из внешнего мира, воздействуют на душу, и по ним можно понять ее движения. Однако они настолько зыбки, изменчивы, что уловить их почти невозможно. Жизнь души — это непрерываемый процесс, в котором нельзя выхватить какой-нибудь один миг, чтобы в точности выразить его, так как прошедшее состояние никогда не воскресает вновь в том же виде. Отсюда идет утверждение о невыразимости истинного содержания переживаний, то есть о невозможности их достоверной передачи вследствие их текучести. Кроме того, слово, называя, огрубляет чувство, лишает его сопутствующих оттенков. То, что выражает поэт в стихотворении, лишь бледная копия действительных реальных переживаний. Эти мысли Жуковского характерны для отношения романтиков (Баратынский, Тютчев, Фет) к слову.

ПЕСНЯ

С. 96

(«Отымает наши радости...»). Вольный перевод стихотворения Джорджа Ноэла Гордона Байрона «Stanzas for music» («Стансы для музыки»). «Песня» — первый перевод, точнее, вариация на мотив Байрона. Начиная с 1819-го и в последующие годы Жуковский увлекался поэзией Байрона (впервые об английском поэте он услышал гораздо раньше) и читал «Чайльд Гарольда», «Гяура»,

«Мазепу», «Манфреда», познакомился с переводом «Абидосской невесты» поэта И. И. Козлова. На поэзию Байрона обращает внимание Жуковского и П. А. Вяземский. В письме А. И. Тургеневу он, по его словам, «кушается» «в пучине поэзии», «читает и перечитывает лорда Байрона», удивляясь: «Как Жуковский не черпает тут жизни, коей стало бы на целое поколение поэтов!» А. И. Тургенев отвечал: «Ты проповедуешь нам Байрона, которого мы все лето (1819 года. — В. К.) читали. Жуковский им бредит и им питается. В планах его много переводов из Байрона».

Жуковский не сохранил размера подлинника, а куплетную строфу заменил восьмистишием. Байрон считал стихотворение одним из «наиболее меланхолических», когда-либо им написанных. Тем самым Жуковский нашел в стихотворении родственное себе чувство и настроение, заметно усилив меланхолическую грусть и переведя энергию байроновского отчаяния в план элегического размышления.

ЛАЛЛА РУК

С. 98

В первой публикации стихотворение оканчивалось строфой, впоследствии опущенной:

Кто же ты, очарователь
Бед и радостей земных?
О небесный жизнедатель,
Мне знаком ты! для других
Нет тебе именованья:
Ты без имени им друг!
Для меня ж тебе названье
Сердце дало: Лалла Рук.

Стихотворение было написано по придворному заказу. 15 января 1821 года в Берлине прусский король Фридрих дал праздник в честь приезда великой княгини Александры Федоровны (принцессы Шарлотты) и ее мужа, великого князя Николая Павловича (будущего Николая I). На празднике были разыграны живые картины на сюжеты поэмы «Лалла Рук» («Lallah Rookh») английского (ирланд-

ского) поэта, друга Байрона, Томаса Мура (1779—1852). Роль индийской принцессы Лалла Рук исполняла Александра Федоровна, а ее жениха, бухарского принца Али-риса, явившегося ей певцом Фераморза, — Николай Павлович. Образ «гения вдохновения», столь устойчивый у Жуковского, восходит к поэзии немецких романтиков. Жуковский собирался снабдить стихотворение обширным примечанием, но не опубликовал его. В нем разъяснена суть «философии» «Лалла Рук»: «Руссо говорит: *il n'y a de beau que ce qui n'est pas* — прекрасно только то, чего нет; это не значит *только то, что не существует*. Прекрасное существует, но его нет, ибо оно является нам только минутами, для того единственно, чтобы нам сказать, оживить нас, возвысить нашу душу — но его ни удержать, ни разглядеть, ни постигнуть мы не можем; ему нет имени, ни образа; оно ощутительно и непонятно; оно посещает нас в лучшие минуты нашей жизни... И весьма понятно, почему почти всегда соединяется с ними грусть, но грусть, не лишаящая бодрости, а животворная и сладкая, какое-то смутное стремление: это происходит от его скоротечности, от его невыразимости, от его необъятности — прекрасно только то, чего нет! В эти минуты живого чувства стремишься не к тому, чем оно произведено и что перед тобою, но к чему-то лучшему, тайному, далекому, что с ним соединяется, и чего с ним нет, и что для тебя где-то существует... Нет, эта грусть убедительно говорит нам, что прекрасное здесь не дома, что оно только мимопролетающий благовеститель лучшего; оно есть восхитительная тоска по отчизне; оно действует на нашу душу не *настоящим*, а темным воспоминанием всего прекрасного в *прошедшем* и тайным ожиданием чего-то в *будущем*.

А когда нас покидает,
В дар любви, у нас в виду
В нашем небе зажигает
Нам прощальную звезду».

Современники, обеспокоенные влиянием на Жуковского царской семьи, бьют тревогу. П. А. Вяземский пытается воздействовать на Жуковского через А. И. Тургенева: «Он (Жуковский. — В. К.)... говорит с душами в

Аничковском дворце, где души никогда и не водились». Однако Жуковский освещал события придворной жизни совсем не в официальном ключе и не создавал панегирических виршей: он преобразовывал эти события силой фантазии, и они становились поэтическими фактами его душевной жизни, выражая свойственное ему романтическое мироощущение. Данное обращение к поэме Т. Мура диктовалось к тому же темой праздника. Любопытно, что стихи Жуковского вошли в творческую память Пушкина, который в 1825 году использовал (разумеется, переосмыслив) выражение «гений чистой красоты» из «Лаллы Рук» Жуковского в мадригале Анне Петровне Керн («Я помню чудное мгновенье...»), а императрица Александра Федоровна предстала в его сознании в поэтическом образе из стихотворения Жуковского. В рукописях VIII главы «Евгения Онегина», писавшейся в декабре 1829 — сентябре 1830 года, сохранилась строфа с такими стихами:

И в зале яркой и богатой,
Когда в умолкший, тесный круг,
Подобна лилии крылатой
Колеблясь, входит Лалла Рук.
И над поникшею толпою
Сияет царственной главою,
И тихо вьется и скользит
Звезда-харита меж харит...

ЯВЛЕНИЕ ПОЭЗИИ В ВИДЕ ЛАЛЛА РУК

С. 100

Об этом стихотворении Жуковский писал А. И. Тургеневу: «Эти стихи сочинены здесь одною молодою девушкою: я их перевел». Высказано предположение, что автор оригинального текста, вероятно, Гедвига Штегеман (о «Стихах m-me Stägemann» упоминается в дневнике Жуковского от 1 февраля 1821 года).

ВОСПОМИНАНИЕ

С. 101

Стихотворение в первой публикации было озаглавлено «К N. N.». Первоначально последние два стиха в черновом автографе читались:

Не с грустью говори: на свете их уж нет,
Но с благодарностью: они на свете были.

Мотив воспоминания — один из ключевых в жизни и поэзии Жуковского. Уже в 1815 году поэт изложил свою «философию воспоминания» (выражение Ц. Вольпе — исследователя творчества Жуковского): «Я когда-то написал: *Счастье не состоит из удовольствий простых, но из удовольствий с воспоминанием*, и эти удовольствия сравнил с фонарями, зажженными ночью на улице; между ними есть промежутки освещенные и вся улица *светла*, хотя не вся составлена из света. Так и счастье жизни. Удовольствие — фонарь, зажженный на дороге жизни, воспоминание свет, а счастье ряд этих прекрасных воспоминаний, которые всю жизнь озаряют. ...Надежда пустое слово. Оно прекрасно только для неопытности, которой жизнь неизвестна». Те же мысли развиты в дневнике от 16 февраля 1821 года и в статье «Воспоминание», причем они непосредственно следуют за текстом стихотворения: «*Нет и были* — какая разница! в первом *потеря*, в последнем *воспоминание*: *нет* значит исчезли; *были* значит оставили следы бытия своего. Прекрасная жизнь тех, которых мы лишились, освещает для нас и землю и жизнь нашу. Решительная минута разлуки миновалась, она навеки предана воспоминанию; недоумение кончилось; но будущее не приводит в трепет; печаль об них обратилась из страдания в благодетельную для сердца любовь; можем всем делиться с ними свободно; их образ равно светел для нас и при нашем счастье и при нашем несчастье; ни то, ни другое не изменяет им жребия; но и в том, и в другом они с нами *воспоминанием*, всегда неизменным (пока не изменимся мы сами), возвышающим душу в счастье, ободряющим ее в несчастье, и такое воспоминание есть для нас, так сказать, двойник нашей совести». Мысль стихотворения Жуковский распространял и на жизнь. В частности, он писал А. П. Елагиной 12 ноября 1823 года об умершей в том году М. А. Мойер (урожд. Протасовой): «Маша для нас существует. Прошедшее не умирает. Не говорите: ее нет! говорите: она была».

МОРЕ

С. 101

Одно из самых совершенных стихотворений Жуковского, сразу ставшее классическим. Пушкин в письме к П. А. Вяземскому (около 25 января 1829 года) выделил из сборника «Северные цветы» это стихотворение: «Читал «Цветы»? Каково море Жуковского...»

9 МАРТА 1823

С. 102

Раньше считалось, что стихотворение связано с получением известия о смерти М. А. Мойер (Протасовой). Однако, как установлено И. М. Семенко, в стихотворении идет речь о последнем свидании Жуковского с М. А. Мойер (в ночь с 9 на 10 марта Жуковский выехал из Дерпта в Петербург). Подлинное заглавие основано на чтении двух автографов (см.: Жуковский В. А. Избранное. Л.: Худож. лит., 1973. С. 126 и Семенко И. Жизнь и поэзия Жуковского. М.: Худож. лит., 1975. С. 35). Однако, восстанавливая заглавие стихотворения («9 марта 1823» вместо «19 марта 1823»), нужно учесть, что стихотворение, в котором поэт вспоминает о последнем свидании, написано все же после получения известия о смерти, поскольку в нем упоминается «твоя могила», что было бы невозможным, если бы в момент создания стихотворения М. А. Мойер была жива. Даты заглавия и написания не совпадают, и в этом, возможно, заложен особый смысл: для Жуковского Мойер не исчезла из мира, а стала лишь незримой. Об этом свидетельствует письмо поэта А. П. Елагиной от 28 марта 1823 года: «Дуняша, друг, дайте мне руку во имя Маши, которая для нас все существует». В стихотворении Жуковский запечатлел последнее свидание с М. А. Мойер, которая как бы «удаляется» из «здешнего света», но остается живой, унося туда и «земные воспоминанья». Жуковский хотел продолжить стихотворение. К 1831 году относится отрывок, не вошедший в окончательный текст:

Звезды небес!
Тихая ночь!
Ваше молчанье

Тайною чарою
Душу покоит!
С вами душа,
Звезды небес,
Тихая ночь!
Счастье живое
Минувших времен,
Раз улетевши,
Не будет назад.

В. М. Жирмунский указал, что источником стихотворения послужил отрывок «*Wie war dein Leben...*» («Какова была твоя жизнь...»), в котором немецкий поэт-романтик Клеменс Брентано (1778—1842) оплакивал свою умершую сестру Софию.

ПОБЕДИТЕЛЬ

С. 103

Перевод одноименного стихотворения немецкого поэта-романтика И. Л. Уланда (1787—1862). Подчеркивая значение поэзии Жуковского для отечественной литературы, Белинский писал: «Итак, развитие романтических элементов есть первое условие нашей человечности. И вот великая заслуга Жуковского! Трепет объемлет душу при мысли о том, из какого ограниченного и пустого мира поэзии в какой бесконечный и полный мир ввел он нашу литературу! каким содержанием обогатил и оплодотворил он ее посредством своих переводов!..» Среди этих переводов критик назвал и «Победителя», Положено на музыку М. И. Глинкой и другими композиторами.

НОЧЬ

С. 103

Перевод романса «*Schon sank auf rosiger Bahn der Tag in wallende Fluten...*» («Уже опускался по розовой дороге день в кипящие волны...») неизвестного немецкого автора. Положено на музыку А. Г. Рубинштейном.

С. 104

Новое издание стихотворений (1824) открылось этим своеобразным посвящением, обращенным к поэтическому вдохновению — «Гению чистой красоты».

ТАИНСТВЕННЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ

С. 105

Источник стихотворения — посвящение Гёте к «Фаусту», переведенное Жуковским и помещенное в балладе «Двенадцать спящих дев», и стихотворение Ф. В. Шеллинга (см. примеч. к стихотворению «К мимопролетевшему знакомому Гению»). Белинский писал: «Таинственный посетитель» есть одно из самых характеристических стихотворений Жуковского». Приведя затем его целиком, он продолжал: «Поняли ль вы, кто такой этот «таинственный посетитель»? Сам поэт не знает, кто он, и думает видеть в нем то Надежду, то Любовь, то Думу, то Поэзию, то Предчувствие... Но эта-то неопределенность, эта-то туманность и составляет главную прелесть, равно как и главный недостаток поэзии Жуковского. Попытаемся объяснить ее». И далее Белинский поясняет содержание поэзии Жуковского, основываясь на идее стихотворения «Таинственный посетитель»: «Есть в человеке чувство бесконечного; оно составляет основу его духа, и стремление к нему есть пружина всякой духовной деятельности. Без стремления к бесконечному нет жизни, нет развития, нет прогресса. Сущность развития состоит в *стремлении и достижении*. Но когда человек чего-нибудь достигает, он не останавливается на этом, не удовлетворяется этим вполне; напротив, торжество достижения бывает в его душе непродолжительно и скоро побеждается новым стремлением. Отсюда чувство внутреннего недовольства, неудовлетворения ничем в жизни; отсюда тайная тоска. Можно сказать, что человек бывает счастливее, пока он борется с препятствиями к достижению, нежели когда он наслаждается победою борьбы, праздником достижения. Иначе и быть не может. Чем глубже натура человека, тем сильнее в нем стремление и тем менее способен он к удовлетворению».

МОТЫЛЕК И ЦВЕТЫ

С. 107

К стихотворению Жуковский дал такое примечание в альманахе «Северные цветы на 1825 год»: «Стихи, написанные в альбоме Н. И. И., на рисунок, представляющий бабочку, сидящую на букете из *pensées* (анютиных глазок) и незабудок». А. С. Пушкин в письме к Л. С. Пушкину и П. А. Плетневу от 15 марта 1825 года отметил стихотворение: «Кстати: что прелестнее строфы Жуковского: *Он мнил, что вы с ним однородные и следующей. Конца не люблю*». Белинский отнес «Мотылек и цветы» к числу характерных для Жуковского.

НОЧНОЙ СМОТР

С. 108

Перевод одноименной баллады австрийского писателя Н. Х. Цедлица (1793—1862). Д. Давыдов в письме к Жуковскому сообщил ему отзыв Пушкина: «Мне Пушкин пишет, что ты в журнале его (Современник. 1836. № 1. — В. К.) дал такие стихи, что мой белый локон дыбом станет от восторга». В. Г. Белинский также отметил «глубину поэтической мысли» стихотворения, присущие ему «простоту», «благородство» и «высокость выражения».

На тот же сюжет М. Ю. Лермонтов создал балладу «Воздушный корабль».

<ИЗ АЛЬБОМА, ПОДАРЕННОГО ГРАФИНЕ РОСТОПЧИНОЙ>

С. 110

В 1838 году Жуковский послал в подарок поэтессе Евдокии Петровне Ростопчиной (1811—1858) альбом для стихов, принадлежавший Пушкину и предназначавшийся им для книги своих стихов. Но Пушкин не воспользовался им. После смерти поэта альбом перешел к Жуковскому, который вписал в него посвящение к «Удине», восемь стихотворений в стиле греческой антологической лирики и комментируемое стихотворение. Оно передает размышления Жуковского у тела Пушкина и представля-

ет собой переложение в стихах следующего отрывка из письма Жуковского к С. Л. Пушкину (отцу А. С. Пушкина) от 15 февраля 1837 года: «Когда все упьян, я сел перед ним и долго один смотрел ему в лицо. Никогда на этом лице я не видал ничего подобного тому, что было на нем в эту первую минуту смерти. Голова его несколько наклонилась; руки, в которых было за несколько минут какое-то судорожное движение, были спокойно протянуты, как будто упавшие для отдыха после тяжелого труда. Но что выражалось на его лице, я сказать словами не умею. Оно было для меня так ново и в то же время так знакомо! Это было не сон и не покой! Это не было выражение ума, столь прежде свойственное этому лицу; это не было также и выражение поэтическое! нет! какая-то глубокая, удивительная мысль на нем развивалась, что-то похожее на видение, на какое-то полное, глубокое, удовлетворенное знание. Всматриваясь в него, мне все хотелось у него спросить: «Что видишь, друг?» И что бы он отвечал мне, если бы мог на минуту воскреснуть? Вот минуты в жизни нашей, которые вполне достойны названия великих. В эту минуту, можно сказать, я видел самую смерть, божественно тайную, смерть без покрывала. Какую печать наложила она на лицо его и как удивительно высказала на нем и свою и его тайну. Я уверяю тебя, что никогда на лице его не видал я выражения такой глубокой, величественной, торжественной мысли. Она, конечно, проскакивала в нем и прежде. Но в этой чистоте обнаружилась только тогда, когда все земное отделилось от него с прикосновением смерти. Таков был конец нашего Пушкина».

ЦАРКОСЕЛЬСКИЙ ЛЕБЕДЬ

С. 111

По словам Жуковского, записанным его камердинером, «Этот лебедь не выдумка, а правда. Я сам видел в Царском Селе старого лебедя, который всегда был один, никогда не покидал своего уединенного пруда, и когда являлся в обществе молодых лебедей, то они поступали с ним весьма неучтиво. Его называли екатерининским лебедем». Поводом к написанию стихотворения послужила встреча в немецком городе Бадене с великой княгиней Марией Николаевной, которая, как писал Жуковский,

была для него «явлением Руси на чужой стороне». Сообщая об этом поэту и критику П. А. Плетневу, он открыл замысел стихотворения: «Посылаю вам новые мои стихи, биографию лебедя, которого я знал во время оно в Царском Селе... Мне хотелось просто написать картину лебедя в стихах, дабы моя дочка выучила их наизусть; но вышел не простой лебедь; посылаю его вам; может быть, в его стихотворной биографии вы найдете ту же старческую хилость ее автора, какой страдал писанный им лебедь». Стихотворение было воспринято современниками как прощальный поэтический привет престарелого певца.

Пред Чесменской гордо блещущей колонной... — Чесменская колонна была воздвигнута в честь победы над турками в битве (1770) близ портового города Чесма в Эгейском море.

Битва при Кагуле... — Кагул — приток Дуная; русские войска под командованием П. А. Румянцева нанесли поражение туркам (1770), и в Царском Селе был сооружен Кагульский обелиск.

БАЛЛАДЫ

ЛЮДМИЛА

С. 115

Вольное переложение баллады «Lenore» («Ленора») немецкого поэта Готфрида Августа Бюргера (1747—1794). Жуковский писал о нем: «Бюргер в балладе единственный... В особенности изображает он очень счастливо ужасное, то ужасное, которое принадлежит к ужасу, производимому в нас предметами мрачными, призраками мрачного воображения. Картины свои заимствует он от таинственной природы того света, который не есть идеальный свет, созданный фантазиею древних поэтов, но мрачное владычество суеверия». Сохранилось предание о том, будто Жуковский писал балладу по ночам, с тем чтобы ощутить ужасы и живее изобразить их. Поэт существенно отступил от подлинника: изменил размер (ввел хорей вместо четырехстопного ямба), отнес действие баллады к Руси XVI—XVII веков и приурочил его ко времени Ливон-

ской войны, придал балладе легкий национальный колорит, использовав народно-поэтические выражения (борзый конь, ветер буйный и другие) и русские понятия (рать славян, дружина, терем). Благодаря этому «Людмила» стала первой русской балладой, что, кстати, было отмечено в журнальной публикации («Людмила» появилась с подзаголовком «Русская баллада» и с примечанием: «Подражание Бюргеровой Леноре»). Мрачные и суровые образы Бюргера Жуковский обработал в сентиментально-романтическом духе. Впоследствии Жуковский еще раз перевел балладу («Ленора»), стремясь сохранить верность подлиннику. Русская читающая публика встретила «Людмилу» сочувственно, даже восторженно, приветствуя первый опыт русской баллады. «Это было время, — писал Белинский, — когда «Людмила» Жуковского доставляла какое-то сладостно-страшное удовольствие, и чем больше ужасала, с тем большею страстью читали ее». По словам критика, общество почувствовало в «Людмиле» «новый дух творчества». Однако в 1816 году баллада подверглась критике в связи с проблемой народности. Видный поэт декабристского круга П. А. Катенин, не удовлетворенный народным элементом у Жуковского, опубликовал на тот же сюжет балладу «Ольга». В защиту Жуковского выступил Н. И. Гнедич, а на стороне Катенина — А. С. Грибоедов. Итоги плодотворной полемики, имевшей важное значение для судеб жанра и всей литературы, подвел А. С. Пушкин в статье «Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина» (1833): «Первым замечательным произведением г-на Катенина был перевод славной Бюргеровой «Леноры». Она была уже известна у нас по неверному и прелестному подражанию Жуковского, который сделал из нее то же, что Байрон в своем «Манфреде» сделал из «Фауста»: ослабил дух и формы своего образца. Катенин это чувствовал и вздумал показать нам «Ленору» в энергической красоте ее первобытного создания; он написал «Ольгу». Но сия простота и даже грубость выражений, сия *сволочь*, заменившая *воздушную цепь теней*, сия виселица вместо сельских картин, озаренных летнею луною, неприятно поразили непривычных читателей, и Гнедич взялся высказать их мнения в статье, коей несправедливость обличена была Грибоедовым».

Перевод (с отступлениями) одноименной баллады Ф. Шиллера. В журнальной публикации баллада сопровождалась примечанием: «Читателям известно, что Ахиллес, сын богини Фетиды и Пелея (почему и называется он здесь Пелидом), в ту самую минуту, когда он стоял перед брачным алтарем с Поликсеною, дочерью Троянского царя Приама, убит Парисом, которого стрелою управлял Аполлон. Кассандра, сестра Поликсены, будучи жрицею Аполлона, имела несчастный дар предвидеть будущее» (примеч. В. Жуковского). В основу баллады положены описания «тroyанского цикла» поэм, известных по позднейшим пересказам. Согласно мифам, Кассандра по воле богов обладала даром предсказывать будущее, притом одни лишь бедствия, но никто не верил ее пророчествам. Содержание баллады отражает тот момент, когда между греками и троянцами намечалось перемирие, и герой греков Ахилл должен был вступить в брак с дочерью троянского царя Поликсеной. Однако Кассандра уже предвидит печальную участь Трои и последующие несчастья. В знании грядущего — трагедия Кассандры, так как это отвращает ее от непосредственных впечатлений жизни.

И моей любви открылся... — Кассандра предсказала смерть своему жениху, фригийскому царю Коробу.

Тень стигийская — тень мертвеца.

Ты падешь, страна родная; я в чужбине гроб найду... — Кассандра предрекает гибель Трои и свою смерть в Микенах (Греция), куда ее, пленницу, увез Агамемнон, победитель троянцев, и где она была убита его женой Клитемнестрой.

Машут Фурии змиями... — Богини мщения Фурии с извивающимися змеями на голове (вместо волос) вершат возмездие за совершенное в Трое (Пергаме) преступление — предательское убийство Ахилла.

Боги мчатся к небесам... — Боги, ранее покровительствовавшие Трое, теперь предоставляют ее грозной судьбе и удаляются на небеса, отказываясь участвовать в войне.

И карающий громами... — Зевс.

Свободное переложение баллады «Ленора». «Светлана» — одна из немногих оригинальных баллад Жуковского как по своему народному колориту, так и по оптимистическому настроению, нарушающему балладную традицию: счастливый конец, устранение фантастики реальной мотивировкой. В первой публикации баллада печаталась с подзаголовком: «Ал. Ан. Пр...вой» (то есть Александре Андреевне Протасовой). Жуковский предназначил балладу в качестве свадебного подарка своей племяннице, вышедшей замуж за А. Ф. Воейкова. С его легкой руки за ней сохранилось поэтическое имя Светлана. Белинский впоследствии свидетельствовал: «Светлана», оригинальная баллада Жуковского, была признана его *chef d'oeuvre* <лучшим произведением>, так что критики и словесники того времени (она была напечатана в 1813 году, стало быть, тридцать лет назад тому) титуловали Жуковского *певцом Светланы*. В. К. Кюхельбекер, критикуя в 1824 году русскую поэзию (в том числе и Жуковского) за несамостоятельность, все же отметил, что некоторые стихи в «Светлане» «ознаменованы» «печатью народности». Баллада не раз упоминается в произведениях Пушкина. Свою любимую героиню Татьяну Пушкин сравнивает со Светланой:

«Скажи: которая Татьяна?»

— Да та, которая грустна
И молчалива, как Светлана,
Вошла и села у окна.

(См. также: «Евгений Онегин», гл. 5, строфа X; эпиграфы к гл. 5 и к повести «Метель».)

Крещенский вечерок. — Имеется в виду религиозный праздник Крещения.

За ворота башмачок, сняв с ноги, бросали; снег положи; под окном слушали; кормили счетным курицу зерном; ярый воск топили... — Жуковский описывает разнообразные виды новогодних гаданий о суженом (женитке); счетное зерно — отборное зерно; ярый воск — белый и чистый воск.

Песенки подблюдны. — После совершения обряда, описанного в предшествующих стихах Жуковского, вынимали *перстень золотой* или *серьги изумрудны* и к их владельцам относили соответствующие слова песни; песни, сопровождавшие это гаданье, назывались подблюдными.

Спасов лик — икона, на которой изображен Иисус Христос (Спаситель).

Отрывок «Раз в крещенский вечерок...» положен на музыку А. Е. Варламовым.

ИВИКОВЫ ЖУРАВЛИ

С. 135

Перевод баллады Ф. Шиллера «Die Kraniche des Pykus» («Журавли Ивика»). В основу баллады положена легенда, согласно которой странствующий древнегреческий певец Ивик (VI в. до н. э., родился в Регииуме, в Южной Италии, много путешествовал по Италии и Сицилии и наконец поселился на острове Самос, при дворе Поликрата Самосского) был убит разбойниками по дороге на общегреческий праздник-состязание. До Жуковского этой легендой воспользовался Сумароков («Разбойник и пиит»). Шиллеру сюжет баллады предложил Гёте, который также намеревался его разработать, но не осуществил замысла.

То Ивиковы журавли!.. — По преданию, убийство Ивика раскрылось благодаря появлению свидетелей-журавлей. Для легенды, которая дошла до нас в позднейшем изложении, характерна идея неотвратимого возмездия. Шиллер ввел новый мотив — убийца невольно выдает себя под впечатлением искусства, глубоко воздействующего на человеческую душу (он смотрит в театре «Эвмениды» Эсхила; в балладе Жуковского описан хор Эринний из этой трагедии — см. Словарь). Преступник у Шиллера не потрясен трагедией, но она напомнила ему о злодеянии. Немецкий поэт полагал, что впечатление властвует над убийцей — «грубым животным». Поэтому, увидев журавлей, которых еще никто не видит (злодей сидит наверху, пояснял Шиллер, среди простого народа), своим восклицанием он обнаруживает себя. Жуковский устранил важную для Шиллера психологическую моти-

вировку, но зато усилил мотив мощного воздействия искусства на душу человека. У Шиллера убийца разоблачается *при виде журавлей*, тогда как у Жуковского — *услышав приближение птиц*.

БАЛЛАДА,
В КОТОРОЙ ОПИСЫВАЕТСЯ, КАК ОДНА СТАРУШКА
ЕХАЛА НА ЧЕРНОМ КОНЕ ВДВОЕМ И КТО СИДЕЛ
ВПЕРЕДИ

С. 141

Перевод баллады английского романтика Роберта Саути (1774—1843) «The old woman of Berkeley. A Ballad, shewing how an old woman rode double and who rode before she» («Старуха из Беркли. Баллада, показывающая, как одна старуха ехала верхом вдвоем и кто ехал перед ней»). Сюжет баллады восходит к английским средневековым хроникам, в которых излагаются «легенды о грешниках и ведьмах, завещающих вымолить себе прощение грехов молебнами о душе».

Сначала поэт представил балладу в московскую цензуру. О последствиях он сообщил А. И. Тургеневу: «Балладу *Старушка* в Москве не пропустили; постарайся, чтобы того же не случилось в Петербурге». Однако и петербургская цензура была настороже. Когда в середине 1820-х годов Жуковский сделал новую попытку напечатать балладу под названием «Ведьма», она была опять запрещена. Цензор вынес следующий вердикт: «Баллада «Старушка», ныне явившаяся «Ведьмой», надлежит вся запрещению, как пьеса, в которой дьявол торжествует над Церковью, над Богом». Не напечатанная в течение долгого времени, баллада, однако, ходила по рукам, и Жуковский читал ее в салонах и даже во дворце. Об одном из таких чтений он шутливо оповещал:

Во вторник ввечеру
Я буду, если не умру
Иль не поссорюсь с Аполлоном,
Читать вам погребальным тоном,
Как ведьму черт унес,
И напугаю вас до слез.

Но однажды шутка Жуковского стала явью: по дошедшим до нас воспоминаниям, во время чтения во дворце впечатлительной слушательнице сделалось дурно. Этот эпизод отражен в «Комедии против комедии» писателя М. Н. Загоскина: «В половине чтения сделалось многим дурно, и под конец одна дама упала в обморок».

Баллада была напечатана только после переделки ее Жуковским, которому по требованию цензуры пришлось «вывести сатану из храма и ослабить его могущество».

Любопытно, что о переводе и цензурных мытарствах Жуковского узнал автор Р. Саути, которому рассказал об этом А. И. Тургенев. Сюжет баллады сходен с сюжетом повести Н. В. Гоголя «Вий», что объясняется общностью средневековых мотивов о грешнице-ведьме, которые Гоголь обработал в духе украинских поверий.

Искупитель — Иисус Христос, который, согласно Писанию, принес себя в жертву, избавив человечество от проклятья (искупив людские грехи); Искупителем он назывался и потому, что, как учит Церковь, прощал грехи и освобождал от душевных мучений.

Власы невест в огне волшебном жгла и кости мертвых похищала — то есть занималась разными видами колдовства, устанавливая связь с дьяволом.

Лукавый обольститель — дьявол, сатана.

Чтоб из свинца мой крепкий гроб был слит... — Старушка заботится о том, чтобы дьявол после ее смерти не унес ее бранные останки и снова не заставил, согласно религиозным представлениям, служить себе.

До солнечного восхожденья. — Дьявольские силы, по церковным поверьям, действуют в темноте, во мраке.

...перед царскими дверями — то есть перед дверями, открывающими вход в алтарь (возвышение в восточной оконечности церкви).

И он предстал... — то есть сатана. Церковные люди утверждали, что дьявол бессилен перед Богом и отступает при виде икон, храма, креста; у Жуковского дьявол рушит затворы храма, проникает в церковь и выходит победителем; с точки зрения христианской религии, Жуковский написал кощунственное произведение, подрывающее принцип веры во всемогущество Бога.

Белинский писал, что Жуковский «превосходно перевел» балладу.

Оригинальная баллада, написанная по мотивам «Илиады» и других мифов «тroyанского цикла», но обработанная в духе характерной для античного сознания идеи судьбы, предопределяющей жизненный путь человека, которому, однако, предоставлен выбор — либо долгое бесславное существование, либо краткая, но бурная дорога героя. Ахилл у Жуковского предпочитает героическую стезю. Вероятно, воинская доблесть Ахилла привлекла Жуковского, охваченного патриотическим подъемом в Отечественную войну 1812 года. Поэт снабдил балладу примечаниями, в которых разъяснял смысл баллады и отдельных стихов. Заглавие баллады Жуковский сопроводил словами: «Ахиллу было дано на выбор: или жить долго без славы, или умереть в молодости со славою, — он избрал последнее и полетел к стенам Илиона. Он знал, что конец его скоро последует за смертью Гектора, — и умертвил Гектора, мстя за Патрокла. Сия мысль о близкой смерти следовала за ним повсюду, и в шумный бой, и в уединенный шатер; везде он помнил о ней; наконец, он слышал и пророческий голос коней своих, возвестивший ему погибель».

С колесницею Приам... — «Приам приходил один ночью в греческий стан молить Ахилла о возвращении Гекторова тела. Мольбы сего старца тронули душу грозного героя: он возвратил Приаму обезображенный труп его сына, и старец невредимо возвратился в Трою» (примеч. В. Жуковского).

И скрипят врата Аида... — «Аидом назывался у греков ад; Плутон был проименован Айдонеем» (примеч. В. Жуковского).

Ты не жди, Менетий, сына... — «Менетий — отец Патрокла» (примеч. В. Жуковского).

Поплывет Неоптолем... — «Пирр, сын Ахилла и Диодамии, прозванный Неоптолемом. В то время, когда Ахилл ратовал под стенами Илиона, он находился в Скиросе у деда своего, царя Ликомеда» (примеч. В. Жуковского).

Оригинальная баллада Жуковского, в которой тема «запрещенной любви» носит автобиографический характер (здесь отразились драматические отношения между Жуковским и М. А. Протасовой). Отсюда проистекает исключительный лиризм в освещении мрачного и таинственного сюжета, напоминающего древние сказания. П. А. Плетнев в письме к Я. К. Гроту и в статье о Жуковском связывал «Золову арфу» с поэзией Оссиана (легендарного певца-барда, якобы жившего в III в. н. э.): «В «Золовой арфе» краски, музыка, мечтательность и вымысел создания — все представляет особый мир, царство Оссиана». «Поэмы Оссиана» были изданы английским поэтом Джеймсом Макферсоном (1736—1796). Они, однако, являлись вполне самостоятельным сочинением, основанным на народных кельтских поверьях, и только приписаны Макферсоном древнему певцу. Этими произведениями Макферсон оказал большое влияние на европейскую романтическую поэзию.

И долго, безмолвны... — Следующий затем любовный диалог Минваны и Арминия напоминает, как отмечено комментаторами, сцену прощания Ромео и Джульетты в трагедии Шекспира (начало 3-го акта).

И арфу унылый певец привязал под наклоном ветвей... — Образ арфы навеян стихотворениями немецкого поэта Фридриха Маттисона (1761—1831) «Lied aus der Ferne» («Песнь издалека») и И. И. Дмитриева (1760—1837) «Лира». В. Г. Белинский писал об «Золовой арфе»: «Она — прекрасное и поэтическое произведение, где сосредоточен весь смысл, вся благоухающая прелесть романтики Жуковского... Надо живо помнить первые лета своей юности, когда сердце уже полно тревоги, но страсть еще не охватила его своим порывистым пламенем, — надо живо помнить это время своей жизни, чтоб понять, какое глубокое впечатление должны производить на юную душу эти прекрасные стихи последнего куплета баллады...»

МЩЕНИЕ

С. 162

Перевод баллады немецкого поэта-романтика И. Л. Уланда (1787—1862) «Die Rache» («Мсть»). Положена на музыку А. С. Даргомыжским.

ТРИ ПЕСНИ

С. 162

Перевод одноименной баллады И. Л. Уланда. Жуковский придал балладе вместо средневекового германского скандинавский колорит, заменил немецкое имя Зигфрид на Освальд.

РЫЦАРЬ ТОГЕНБУРГ

С. 163

Перевод одноименной баллады Ф. Шиллера.

Жуковский усилил шиллеровский мотив вечного томления по недостижимому идеалу. В. Г. Белинский писал: «Рыцарь Тогенбург» — прекрасный и верный перевод одной из лучших баллад Шиллера».

Власяной покрыт одеждой... — Монахи в знак соблюдения строгого аскетического обета носили волосяную или грубую шерстяную одежду вроде вериг (власяницу) на голом теле.

ЛЕСНОЙ ЦАРЬ

С. 167

Перевод баллады Гёте «Erlkönig», сюжет которой Гёте нашел у немецкого историка, поэта и философа И. Г. Гердера (1744—1803), а последний — в датских народных песнях. Хотя Жуковский отступил от подлинника, его перевод по совершенству формы сразу же был признан образцовым. Музыка Ф. Шуберта для исполнения на слова Жуковского обработал А. Г. Рубинштейн. Известна также баллада для соло, хора и оркестра А. С. Аренского.

УЗНИК

С. 168

Оригинальная баллада Жуковского, однако образ юной узницы подсказан, как выяснено, элегией «*La jeune captive*» («Молодая пленница») французского поэта Андре Шенье (1762—1794) и осложнен настроениями, почерпнутыми из «Шильонского узника» Байрона (эту повесть Жуковский перевел). Друг поэта и поклонник его таланта П. А. Вяземский назвал балладу одним «из самых благоуханных романтических произведений Жуковского».

ЗАМОК СМАЛЬГОЛЬМ, ИЛИ ИВАНОВ ВЕЧЕР

С. 173

Перевод баллады Вальтера Скотта (1771—1832) «*The Eve St. John*» («Канун святого Джона»). Баллада навлекла на Жуковского цензурные гонения. Цензоры сочли неприличным, что любовное свидание происходит в ней в Иванов вечер — в канун церковного праздника в честь Ивана (Иоанна) Крестителя, в ночь с 23 на 24 июня по новому стилю. Оскорбление Церкви увидели и в том, что грешники — убийца-муж и неверная жена — не раскаялись, а все-таки скрылись в монашеском уединении. Жуковскому пришлось пойти на исправления и сопроводить балладу примечаниями, которые он снял лишь в 1831 году. О цензурном произволе были хорошо осведомлены современники. А. С. Пушкин писал: «В славной балладе Жуковского назначается свидание накануне Иванова дня; цензор нашел, что в такой великий праздник грешить неприлично, и никак не желал пропустить балладу Вальтера Скотта». В балладе воспроизведены события XVI века, когда Англия и Шотландия вели непрерывные феодальные войны. В примечаниях к своему переводу Жуковский писал: «Вальтер Скотт, автор сей баллады, в младенчестве своем жил в соседстве Смальгольм, иногда в самом замке, который принадлежал одному из его родственников (Вальтер Скотт назвал его имя: Хью Скотт. — В. К.), и по чувству благодарности поэтической захотел прославить его стихотворною сказкою: формы оной (между прочим частые рифмы на полустиния) заимствованы им из былевых песен южной Шотландии... содержание

имеет сходство с одним старинным преданием, донные сохранившимся у суеверных ирландцев». Жуковский воспроизвел и примечания к балладе Вальтера Скотта.

...торопясь в Бротерстон. — «Бротерстон, уединенная лощина в горах, за несколько миль от Смальгольма» (примеч. В. Жуковского).

Анкрамморская битва барон не видал... — Имеется в виду битва при Анкраммуре (1545), в которой были разбиты английские войска, вторгшиеся в Шотландию; англичанами командовали упомянутый в балладе лорд Эверс и баронет Бриан Латон (оба пали в сражении), шотландцами — Арчибальд Дуглас, граф Ангусский и баронет Вальтер Скотт-Боклю.

Где подымается мрачный Эльдон... — «Эльдон, высокий холм с тремя коническими вершинами, над самым городом Мельрозом, в который любопытные приезжают посмотреть развалины великолепного монастыря» (примеч. В. Жуковского).

...ты спасен ли или нет?.. — Имеется в виду религиозное «спасение души», то есть прощение грешника Богом на том свете.

Есть монахиня в древних Драйбургских стенах... — Драйбургское аббатство расположено на берегу реки Твид (см.: «Где бежит и шумит меж утесами Твид...»). До Вальтера Скотта дошли рассказы старожилов о монахине, которая в начале 1770-х годов поселилась в развалинах Драйбургского замка, жила там в полном одиночестве и «выходила только ночью за пищей, которую ей оставляли добрые люди».

В. Г. Белинский отнес балладу к лучшим у Жуковского: «Замок Смальгольм», прекрасная баллада Вальтера Скотта, прекрасными стихами переведенная Жуковским, поэтически характеризует мрачную и исполненную злодейств и преступлений жизнь феодальных времен. По языку это одно из удивительнейших произведений Жуковского».

ТОРЖЕСТВО ПОБЕДИТЕЛЕЙ

С. 179

Перевод баллады Ф. Шиллера «Das Siegesfest» («Праздник победы»). Источником баллады послужил гомеров-

ский эпос («Илиада») и песни, не вошедшие в него («трянский цикл» мифов, так называемых «киклических поэм»). Шиллер признавался: «Я напал на роскошную жатву «Илиады» и унес из нее, что мог». Как и у Шиллера, баллада Жуковского двуголосна (антифонная композиция): она построена как античная хоровая песнь. Один голос ведут оставшиеся в живых греческие вожди, а другой принадлежит античному «хору». Жуковский во многих случаях отступил от подлинника: от некоторых мест оригинала он отказался, другие (концовку) передал афористически, третьи сделал более соответствующими античному духу. Цель Жуковского состояла не в воспроизведении быта, античной экзотики и декораций, а в проникновении в характер древнего мирозерцания, и на этом пути он достиг больших успехов. В. Г. Белинский, процитировав последние восемь стихов баллады, писал: «В этих стихах заключается весь кодекс нравственности грека». И далее: «Какие переходы от высоких созерцаний трагической судьбы всего великого к веселому взгляду на жизнь!...», «...нисколько не менее эллинизма и в... речи Нестора к Гекубе...». Вместе с тем оба поэта усилили лирическую тему: эпические герои древности превратились у Шиллера и Жуковского в философов, рассуждающих о превратностях бытия и скоротечности земного счастья. Считая «Торжество победителей» одним из величайших и благороднейших созданий Шиллера, Белинский отдавал должное и переводу баллады, назвав его «образцом превосходных переводов», в котором много «найдется мест», выраженных «сильнее и лучше», чем в подлиннике.

КУБОК

С. 184

Перевод баллады Ф. Шиллера «Der Taucher» («Водолаз»). Немецкий поэт воспользовался легендой XII века о замечательном пловце, но облагородил ее, внося романтические мотивы (в суровом средневековом предании пловец погибает от жадности). Жуковский, в свою очередь, перестроил балладу: например, вместо морских чудищ паж видит реальных рыб. Но главное — наш поэт изменил мысль Шиллера, который полагал, что «милосердные боги скрывают от человека только те тайны, познание

которых наполнило бы его ужасом». Жуковский же считает, что человеку недоступно познание любых тайн, должных оставаться, согласно предначертанию свыше, за пределами разума («И смертный пред Богом смирься: и мыслью своей не желай дерзновенно знать тайны, им мудро от нас сокровенной»). Баллада положена на музыку А. С. Аренским.

ЖАЛОБА ЦЕРЕРЫ

С. 189

Перевод одноименной баллады Ф. Шиллера, в основу которой легли античные мифы. Жуковский вслед за Шиллером психологизировал их, усилив гуманность материинской любви. Он внес в интерпретацию античности христианские мотивы (античному сознанию, например, чуждо представление о сошествии светлого духа в ад и о конце ада, тогда как у Жуковского читаем: «Там ей быть, доколь Аида не осветит Аполлон...»; Шиллер здесь более точен: он лишь намечает христианскую тему и говорит о лучах зари). Характеризуя переводческую работу Жуковского, В. Г. Белинский не однажды обращался к «Жалобе Цереры»: «Творчество в духе известной поэзии, жизни которой проникнулся поэт, есть уже не список, не копия, но свободное воспроизведение... соперничество с образцом. Для доказательства достаточно указать на «Торжество победителей» и «Жалобу Цереры» — пьесы Шиллера, так превосходно переданные по-русски Жуковским. Эллинская речь исполнена в них эллинского духа; пластические образы классической поэзии дышат глубиной и простодушием древней мысли...» В другом месте критик повторил свою оценку: «Я не умею ничего лучше представить себе его (Жуковского. — В. К.) переводов: «Торжество победителей» и «Жалоба Цереры»; если б Жуковский перевел только их — и тогда бы он составил себе имя в нашей литературе».

СУД БОЖИЙ НАД ЕПИСКОПОМ

С. 193

Перевод одноименной баллады Р. Саути, в основу которой легло средневековое предание о скупом и жестоком

архиепископе города Метца Гаттоне (Hatto), жившем во времена Оттона Великого (912— 973). Это предание было известно и в России: его первое русское переложение в стихах — «Казнь за сожжение нищих» — сделал Симеон Полоцкий и включил в сборник «Вертоград многоцветный». Перевод Жуковского существенно отличается от подлинника в ритмическом и стилистическом отношениях.

Слышно, скликает епископ Гаттон... — В неурожайный 914 год архиепископ Гаттон, по преданию, созвал голодных и сжег их в амбаре.

Край наш голодный от жадных мышей. — При сожжении голодных Гаттон сравнил их с мышами. За это, согласно легенде, он сам был съеден мышами в замке, расположенном на острове посреди реки Рейна.

Указано, что некоторыми чертами (образностью, ритмом, расположением дактилических стоп в строфе) баллада Жуковского близка Некрасову, в частности стихотворению «Несжатая полоса» (ср.: «Были и лето и осень дождливы...» — «Поздняя осень. Грачи улетели...»).

РОЛАНД ОРУЖЕНОСЕЦ

С. 196

Перевод (с изменениями) одноименной баллады И. Л. Уланда. В основу баллады легли старофранцузские легенды о Карле Великом и его паладине Роланде, герое знаменитой поэмы «Песнь о Роланде».

Когда еще Артуров чудный не завоеван талисман? — волшебный талисман короля Артура (Артуса), героя романа о рыцарях «Круглого стола».

ЭЛЕВЗИНСКИЙ ПРАЗДНИК

С. 203

Перевод одноименной баллады Ф. Шиллера. В основу легли античные мифы о богине плодородия Деметре (гр. миф.), или Церере (рим. миф.). Шиллер поставил своей задачей воспеть рождение гражданского общества. Античная цивилизация и переход к оседлому образу жизни и земледелию у него означает прогресс истории по сравнению с варварством и кочевым бытом. Следствием этого явилось смягчение, облагораживание нравов, потребность в

обществе, в науках, искусствах, ремеслах и т. д. Возникновение гражданского сознания прославлено Шиллером, а вслед за ним и Жуковским в форме победного, торжественного гимна в честь богини — покровительницы людского сообщества. Замысел Шиллера включал опору на античное миросозерцание и на идею развития, источник которой — Божественный промысел. В таком качестве она представляет романтическую концепцию истории в противовес теориям XVIII века. Жуковскому идеи Шиллера оказались близки, но он еще более усилил античный колорит (у Шиллера нет сложных составных эпитетов типа «копыеносная», «крепкостенный», «светлоглавый», то есть тех примет «гомеровского стиля», которые вносит Жуковский). Поскольку в балладе воспеты светлый разум человека, его созидательная деятельность, гражданское сознание и гуманные чувства, то она встретила горячее одобрение в критике. В. Г. Белинский писал: «В «Элевзинском празднике» Шиллера есть опять поэтическая апофеоза Цереры; но здесь эта богиня представлена уже с другой ее стороны. В «Жалобе Цереры» эта богиня является представительницей греческого романтизма; в «Элевзинском празднике» она является божеством благотворно деятельным — очеловечивает и одухотворяет подобных троглодитам людей, научая их земледелию, соединяет их в общества, дает им богов и храмы, низводит к ним ремесла и искусства и посеивает между ними семена гражданственности. Эта превосходная поэма Шиллера превосходно переведена Жуковским».

Бог, ремесл изобретатель... — Гефест.

Бог, осокою венчаный... — Нерей.

ВН 1387

130

орган

Литературный
журнал (19) 1900

Издательство

СЛОВАРЬ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ИМЕН, НАЗВАНИЙ И УСТАРЕВШИХ СЛОВ

Аврора — богиня утренней зари (рим. миф.); в гр. миф. — Эос.

Аид — Плутон, владыка подземного мира и царства мертвых (гр. миф.); подземное царство (другие названия — Эреб, Тартар, Орк). Один из самых распространенных мифов рассказывает о похищении богом Аидом (Плутоном) Персефоны (Прозерпины — в рим. миф.) — дочери богини плодородия и земледелия Деметры (Цереры — в рим. миф.). Плутон сделал Персефону своей женой. Полная отчаяния Деметра перестала посылать людям урожай, и человечеству грозила гибель. Зевс (см. Словарь) приказал Плутону возвратить Персефону матери, но тот заставил жену проглотить несколько гранатовых зерен (символ неразрывного брака), и она уже не могла окончательно покинуть подземное царство.

Акрокоринф — акрополь древнегреческого города-республики Коринфа (акрополь — укрепленная часть античного города, расположенная обычно на холме).

Алкать — голодать, томиться голодом; здесь: сильно хотеть, жаждать, стремиться к чему-либо силою воли.

Алтарь — жертвенник у древних народов, где совершались жертвоприношения богам.

Алфей — крупнейшая река на Пелопоннесском полуострове, на юге Греции.

Альпин — вымышленное имя, заимствованное из песен Д. Макферсона и его подражателей.

Амбра (амбра, амбросия, амброзия) — благовонная пища богов, поддерживающая бессмертие и вечную юность (гр. миф.).

Аполлон — бог поэзии, музыки, предводитель муз (гр. миф.); его прозвища — Феб, Мусагет. Аполлон считался богом солнечного света и позднее отождествлялся с Гелиосом (см. Словарь).

Арминий — вымышленное имя.

Асмодей — сатана, дьявол, злой дух, соблазнитель.

Атрей — микенский царь (гр. миф.); у Атрея было два сына — Агамемнон и Менедай; «сын Атрея» у Жуковского — Агамемнон («Торжество победителей»).

Ахерон (Ахеронт) — река в подземном царстве (гр. миф.).

Ахилл (Ахиллес) — герой Троянской войны, сын Пелея, отец Неоптолема (см. Словарь).

Багряница — ткань пурпурового, самого яркого и густого красного цвета; порфира — багряный широкий плащ, подбитый горностаем, торжественное облачение владетельных особ.

Борей — бог холодного северного ветра (гр. миф.).

Бразды — борозды; конские удила.

Брань — битва, бой, война.

Брашно — яства, пища, кушанье, еда.

Вакх — бог растительности, виноградарства, виноделия (отсюда «Вакховы пиры», или вакханалии; рим. миф.); в гр. миф. — Дионис.

Ведомость — здесь: весть, известие.

Веледушно — великодушно (ср.: великий).

Вепрь — дикий кабан.

Вериги — кандалы, цепи, оковы.

Вертумн — этрусское божество садов и обработки земли, древнеиталийский бог времен года и их даров (рим. миф.).

Вестовой перун — пушечный выстрел.

Ветрилы — паруса.

Власы — волосы.

Вонми — внимли, внимай, слушай.

Вотще — тщетно, напрасно, попусту, безуспешно, неудачно, без пользы.

Вран — ворон.

Втуне — напрасно, без причины, без надобности.

Геенна — ад, преисподняя, тьма крошечная.

Гектор — троянский герой, старший сын Приама и Гекубы (см. Словарь), предводитель троянцев, сражавшийся с Диомедом и убивший Патрокла (см. Словарь), но погибший от руки друга Патрокла Ахилла (гр. миф.).

Гекуба (Гекаба) — супруга троянского царя Приама, мать Гектора, Париса, Кассандры, Поликсены (см. Словарь); после падения Трои уведена Одиссеем в рабство (гр. миф.).

Гелла — Эллада, Греция; чада Гелы — греки (см. Посидон).

Гелиос — бог солнца, солнечного света (гр. миф.). К стиху «Лишь Гелиос то зрел священный...» («Ивиковы журавли») Жуковский дал примечание: «Гелиос — имя солнца у греков».

Геспер — божество вечерней звезды; одно из прозвищ планеты Венера (гр. миф.).

Гимен (Гименей) — бог брака у греков и римлян, сын Аполлона и одной из муз (гр. и рим. миф.).

Глад — голод.

Глас — голос.

Горгона — чудовище со змеями вместо волос. Всех смотревших на нее обращала в камень (гр. миф.).

Горé — высоко, в вышине; вверх, ввысь.

Дебелый — матерый, плотный, толстый, здоровый.

Денница — утренняя заря, рассвет.

Десница (десная) — правая рука.

Диана — богиня охоты, покровительница диких зверей, целомудренная девственница (рим. миф.), в гр. миф. — Артемида, дочь Зевса, сестра Аполлона.

Диомед — аргосский царь, участник Троянской войны (гр. миф.).

Длань — ладонь.

Днесь — в сей день, сегодня, ныне.

Дол — долина.

Дротик — копьё, пика, которые можно бросать, стремясь поразить цель.

Елена — популярнейшая героиня древнегреческого эпоса, славилась необыкновенной красотой; жена царя Менелая, у которого была похищена прекрасным юношей Парисом, сыном царя Приама, из-за чего и началась Троянская война (гр. миф.).

Елень — олень.

Епанча — широкий плащ без рукавов.

Запона — полотнище для занавешивания или охранения чего-нибудь; пряжка, застежка.

Зевс — верховный бог греков, царь и отец богов; постоянное местопребывание — гора Олимп; управлял всеми небесными явлениями, и прежде всего — громом и молнией (гр. миф.).

Зефир — западный ветер (гр. миф.); в европейской поэзии — приятный, мягкий и теплый.

Зиждитель — создатель, творец; здесь: Бог, сотворивший, согласно Писанию, мир.

Знамение — знак, признак, примета; явление природы или чудо, предвещающие что-либо.

Ида — гора в Малой Азии, возле Трои.

Илион — греческое название города Трои (в Малой Азии).

Инокини — монахини.

Ирида — богиня радуги, считалась посредницей между богами и людьми, вестницей, передававшей волю богов (гр. миф.).

Исканье — домогательство, стремление чего-нибудь добиться.

Истм — Коринфский перешеек, где в сосновой роще близ Коринфа происходили истмийские праздники-состязания (конные, гимнастические, музыкальные) в честь Посейдона, храм которого стоял на Истме (см. Посидон). Победители увенчивались венком из сельдерея, а позднее — сосновым.

Кадить — курить и жечь благовония по обряду церковной службы.

Калхас (Калхант) — жрец, легендарный прорицатель, участник Троянской войны, предсказавший, что она продлится десять лет (гр. миф.).

Камены — богини пения, а затем поэзии, искусств и наук (рим. миф.); в гр. миф. — музы.

Капище — языческий храм.

Кассандра — троянская царевна, дочь Приама и Гекубы (Гекубы), наделенная влюбленным в нее Аполлоном даром пророчества, но так как она отвергла Аполлона, то бог лишил ее пророчества силы — им никто не верил.

Кассандра предсказывала гибель Трои, но никого не могла убедить (гр. миф.).

Кашемир (Кашмир) — область в Индии.

Киприда — одно из прозвищ Афродиты, богини любви и красоты (гр. миф.).

Класы — колосья; соцветья злаков.

Клеврет — товарищ, собрат; приспешник, приверженец.

Клир — собрание церковных служителей; церковный причт, собрание причетников и певчих.

Ков — коварство.

Ком — бог пиршеств (гр. миф.).

Коцит — река в подземном царстве теней, приток Ахерона (см. Словарь) (гр. миф.).

Красный — здесь: красивый, прекрасный.

Кронид — см. Зевс.

Крылос — от «крил», место в церкви для певцов; сами певцы во время богослужения.

Ксант (Ксанф) — река и город в Ликии.

Ладан — пахучая смола, используемая для отправления церковных обрядов.

Ланиты — щеки.

Лета — река забвения в царстве мертвых (гр. миф.).

Литургия — богослужение, обедня.

Ловтва — лов, ловля, поимка, охота.

Лоно — грудь; символ духовного прибежища; поэтическое обозначение поверхности или окружения, обстановки.

Льзя — можно.

Марс — бог войны (рим. миф.); в гр. миф. — Арей.

Менелай — царь Спарты, сын Атрея, муж Елены (см. Словарь); вместе с братом Агамемноном собрал греков для Троянской войны, победил Париса, вынес с поля боя убитого Патрокла (гр. миф.); иносказательно — обманутый муж.

Мзда — награда или возмездие.

Микены — древний город на Пелопоннесе (Древняя Греция).

Минвана — условное поэтическое имя, заимствованное из оссиановских песен Д. Макферсона.

Мирт — южный вечнозеленый кустарник с белыми душистыми цветками.

Млат — рыба-молот.

Могущий — мощный, сильный (духовно и физически), властный.

Мокой — род акулы, морской волк.

Морвена — название страны в одной из оссиановских песен Д. Макферсона.

Муза — богиня пения, затем богиня поэзии (гр. миф.); символ поэтического гения, вдохновения.

Мыза — усадьба, хутор.

Налой (аналой) — столик с покатым верхом для икон или книг.

Наперсник — душевный друг, любимец, доверенное лицо.

Незапно — внезапно.

Неоптолем (Пирр) — сын Ахилла (см. Словарь), участник Троянской войны, без которого, по предсказанию, она не могла закончиться; в доспехах Ахилла штурмовал Трою, убил Приама, взял в рабство жену Гектора Андромаху (гр. миф.).

Нерей — один из водяных богов, изображался старцем с бородой, ресницами и волосами из водорослей (гр. миф.).

Нестор — пилосский царь, опытный и храбрый воин, красноречивый оратор, мудрый старец, советчик (гр. миф.).

Нимфы — буквально: невесты, юные девы; многочисленные божества; олицетворяли силы и явления природы; вели беспечную и веселую жизнь, участвовали в пирах и любовных играх богов (гр. миф.).

Ниобея (Ниоба) — по Гомеру, у нее было шесть сыновей и шесть дочерей, которых поразил Аполлон за неуважение Ниобы к его матери Латоне, а Зевс обратил их в камни; сама Ниоба была превращена Зевсом в скалу, источающую слезы (гр. миф.); в позднейшем искусстве — олицетворение горя, печали, страдания.

Номад — кочевник.

Одиссей — мифический царь острова Итаки, герой «Илиады» и «Одиссеи», участвовал в Троянской войне, прослыл предприимчивым, храбрым и опытным; обычный

его эпитет — «хитроумный», у Жуковского также — «Палладой вдохновенный», то есть вдохновенный богиней мудрости; предсказывает судьбу Агамемнону, предупреждая, что тот будет убит в мирное время своей первой женой Клитемнестрой (см. Паллада); Одиссей похитил статую Паллады, покровительницы Трои, по его совету греки соорудили троянского коня (гр. миф.). У Жуковского Одиссей назван также коварнейшим («Но коварнейшему даром щит и меч Ахилла был»). Это объясняется тем, что доспехи Ахилла должен был получить Аякс Большой — храбрейший из греческих воинов после Ахилла, но по решению войска они были присуждены Одиссею, который подкупил пленных троянцев, и они заявили, что Одиссей погубил больше троянцев, чем Аякс. Последний в гневе и отчаянии бросился на меч. Речь об Аяксе («Ты, мой брат...») произносит не названный в балладе «Торжество победителей» Тевкр, брат Аякса (см. Атрей).

Однозуб — так назывался один из видов акулы.

Одр — кровать, постель, ложе.

Оилей — локридский царь, отец Аякса Малого, участника Троянской войны (у Жуковского — «Оилеев сын») (гр. миф.).

Оклад — здесь: золотая или серебряная риза.

Олива — вечнозеленое дерево, маслина, ветвь которого стала символом мира.

Олимп — священная гора древних греков в Северной Фессалии, местопребывание богов; сонм, собрание олимпийских богов.

Оратай — пахарь.

Ордал — вымышленное имя.

Ореады — нимфы гор (гр. миф.).

Оркан — циклон, буря, смерч.

Оры — богини времен года.

Очеса — очи (мн. ч. от «око»).

Паладин — средневековый доблестный рыцарь, придворный вельможа.

Паланкин — крытые носилки знатных лиц, богачей на Востоке.

Паллада — прозвище богини мудрости Афины, покровительницы наук (гр. миф.).

Паникадила — светильники со многими свечами в церкви.

Панихида — заупокойная молитва, служба по усопшим.

Парид (Парис) — сын Приама и Гекабы (Гекубы), троянский царевич, похитивший Елену (гр. миф.).

Парки — богини человеческой судьбы, прядущие нить человеческой жизни (рим. миф.), в гр. миф. — мойры.

Патрокл — участник Троянской войны, друг Ахилла (см. Словарь), пал от руки Гектора (см. Словарь) (гр. миф.).

Пенаты — боги — хранители домашнего очага (рим. миф.).

Пергам — имеется в виду алтарь Зевса (см. Словарь) — Пергамский алтарь, находившийся в столице Пергамского царства (ныне — город Бергама в Турции).

Перлы — жемчужины, жемчуг.

Перси — грудь.

Перст — палец.

Персть — пыль, прах, земля; плоть, материя в ее противоположности духу.

Перуны — здесь: молнии.

Петел — петух.

Плат — платок.

Платан — дерево с зеленовато-серой корой и широкими лапчатыми листьями.

Плутон — см. Аид.

Позор — взор, взгляд; зрелище.

Покаянье — церковный обряд раскаянья в грехах, исповедь.

Поликсена — троянская царевна, дочь Приама и Гекабы, сестра Кассандры. Послегомеровские сказания изображают ее причиной гибели Ахилла, который явился в храм Аполлона на свиданье с Поликсеной и был убит Парисом. После падения Трои была захвачена ахейцами в плен и принесена в жертву тени Ахилла, что исполнил сын Ахилла Неоптолем (гр. миф.).

Поминанье — воспоминание; церковный обряд поминовения усопших; скорбное застолье после похорон.

Посидон (Посейдон) — бог морей, брат Зевса, изображавшийся с трезубцем; в его честь устраивались Истмийские игры (гр. миф.); в рим. миф. — Нептун. «Под словом

«Посидонов пир» разумеются здесь игры Истмийские, которые отправляемы были на перешейке (Истме) Коринфском, в честь Посидона (Нептуна). Победители получали сосновые венцы. Гела, Элла, Эллада — имена Древней Греции» (п р и м е ч. В. Жуковского).

Потир — чаша с поддоном, используемая во время литургии.

Праг — порог, преграда.

Прах — пыль, тлен, земля, плоть, тело.

Председать — сидеть на первом месте, выше других, занимать высокое положение, быть старшим.

Презрительный — здесь: презренный.

Приам — последний царь Трои, муж Гекабы (Гекубы), отец Гектора, Париса, Кассандры, Поликсены (см. Словарь).

Пританы — правители Коринфской республики; притан был один, но во время Ивика во главе республики стояли два властителя (провула).

Прозерпина — владычица преисподней, богиня произрастания злаков и земного плодородия, дочь Цереры (см. Словарь), похищенная Аидом (см. Словарь); в гр. миф. — Персефона. Жуковский использовал в балладе «Жалоба Цереры» миф, в котором рассказывается о двойном местопребывании Прозерпины: как жена Плутона она некоторое время проводила в подземном царстве, а как дочь Цереры покидала владения Плутона и навещала мать. Время ее пребывания у матери (весна, лето, начало осени) — расцвет плодоносящей силы земли; миф символизирует ежегодное умирание и пробуждение жизни, растительности и злака, опущенного в недра земли.

Пря — борьба, ратованье, битва, сражение, состязание, распря, ссора, спор, тяжба.

Прянуть — прыгнуть, скакнуть, внезапно броситься, метнуться.

Рамена — плечи; в переносном значении: мощь, сила, могучая рука, власть.

Родший — рожденный или выращенный дома; родной.

Рьяный — горячий, вспыльчивый, ретивый.

Сарацин — так называли араба или мусульманина в Средние века.

Светлица — чистая и светлая комната, горница.

Секира — здесь: топор.

Серафим — в переводе: горящий, пламенеющий; один из высших ангельских чинов; изображался шестикрылым.

Сигей — мыс на северо-востоке Малой Азии, при входе в пролив Гелеспонт (Дарданеллы).

Симонс — река у Трои.

Скальд — древнескандинавский народный певец.

Скамандр — река в долине Трои.

Скирос — остров в Эгейском море.

Снедь — еда, пища, яство; в переносном смысле **снедать** — разорять, губить, сокрушать; **снедаемый** — сокрушаемый, мучимый, томимый (горем).

Сонм — собрание, сход, съезд, собор.

Сперхий — река в Фессалии.

Сретенье — встреча.

Станица — стая.

Стенанье — стоны, плач.

Стикс — река в царстве мертвых (гр. миф.).

Стихарь — нижнее облачение священников (архиерев) и верхнее — дьяконов.

Стогны — площади или широкие улицы.

Стяжать — снискивать, приобретать, добывать; блюсти, хранить.

Сугубить — усугублять, удвоять; увеличивать, усиливать.

Творить (молитву) — молиться.

Термин — бог межей и пограничных межевых знаков, столбов, камней, считавшихся священными (рим. миф.).

Терсит — простой греческий воин, изображаемый злобным, безобразным и трусливым (гр. миф.).

Терние — всякое колючее растение, а также отдельная колючка, шип.

Трапеза — здесь: помещение в монастырях, где монахи едят за общим столом (*трапеза* — стол).

Тризна — скорбное пиршество в честь поминовения усопших.

Троглодит — первобытный пещерный человек; в переносном смысле — грубый, неотесанный.

Троя — город в Малой Азии.

Утверждать — здесь: укрепить, крепко поставить.

Устав — закон, правило; собрание законов.

Устен — род. п. от слова «уста» — рот, губы.

Феб — см. Аполлон.

Фемида — богиня права, законности и предсказаний; изображалась с весами и повязкой на глазах в знак беспристрастия (гр. миф.).

Фиал — у древних греков и римлян плоский и низкий сосуд для питья и для возливания при жертвоприношениях.

Филомела — иносказательно: соловей.

Фимиам — благовонное вещество для курений; приятный запах.

Фортуна — богиня счастья, случая, судьбы, изображалась с повязкой на глазах в знак изменчивости счастья (рим. миф.).

Фракия — область в восточной части Балканского полуострова.

Фурии — богини мести (рим. миф.).

Харон — сын Эреба (см. Словарь) и Ночи; перевозчик, переправлявший на челноке через реки Стикс, Ахерон и Коцит (см. Словарь) души умерших до ворот Аида — подземного царства (гр. миф.).

Хребты (облаков) — гряда, цепь (облаков).

Цевница — свирель.

Церера — богиня плодородия и земледелия, созревания хлеба; считалась богиней — законодательницей, покровительницей брака, семьи и гражданских порядков; вслед за Церерой и другие боги открыли людям полезные знания и помогли им создать материальную и духовную культуру; в честь Цереры устраивались в апреле праздники (рим. миф.); в гр. миф. — Деметра, в честь которой проводились ежегодные празднества в Элевзине, расположенном в двух километрах от Афин (Элевзинские мистерии); см. Аид, Прозерпина.

Цианы — васильки.

Цибела (Кибела) — великая мать богов и всего живущего на земле (гр. миф.).

Часть — участь, судьба.

Чернец — монах.

Чресла — поясница, крестец, окружность тела над тазом.

Шуйца — левая рука.

Эвмениды. — К стиху «И тихо выступает хор...» («Ивиковы журавли») Жуковский дал такое примечание: «Хор Эвменид (Эриний, Фурий). Сии богини, дочери Ночи и Ахерона, открывали тайные преступления, преследовали виновных и мстили им на земле и в аде».

Эллада — см. Гела.

Эллены — греки; от Эллина, мифического родоначальника греческого народа (гр. миф.); см. Гела.

Эол — повелитель ветров (гр. миф.); иносказательно: ветер; **эолова арфа** — струнный инструмент, звучащий от дуновения ветра.

Эреб (Эрев) — сын Хаоса и брат Ночи; олицетворение одного из начал мира — вечного мрака (гр. миф.).

Эриннии — богини мщения, живущие в Аиде; они жестоко преследуют клятвопреступления, нарушение законов гостеприимства и в особенности убийство (гр. миф.). В Аттике Эриннии назывались Эвменидами.

Эрот — бог любви (гр. миф.).

Эфир — олицетворение верхнего, лучезарного слоя воздуха, считавшегося местопребыванием Зевса; позднее — некая чистая и божественная стихия, более тонкая и подвижная, чем воздух, из которой произошли солнце и звезды и где живут боги; Эфир — одно из основных начал мироздания (гр. миф.).

Юнона — супруга Юпитера, покровительница брака и семейного очага (рим. миф.).

Ярый (бой) — огненный, пылкий, неудержный, сердитый, злой, лютый, жестокий, рьяный.

Ясмин — жасмин.

СОДЕРЖАНИЕ

В. И. Коровин. Поэт Василий Жуковский 5

СТИХОТВОРЕНИЯ

Сельское кладбище. <i>Элегия</i>	27
Дружба	32
Вечер. <i>Элегия</i>	—
Песня («Мой друг, хранитель-ангел мой...»)	35
Путешественник. <i>Песня</i>	37
Песнь араба над могилою коня	38
К ней	40
Желание. <i>Романс</i>	41
Певец	42
Певец во стане русских воинов	44
Узник к мотыльку, влетевшему в его темницу	64
Светлане	67
Теон и Эсхин	68
Славянка. <i>Элегия</i>	72
Песня («К востоку, всё к востоку...»)	77
«Кто слез на хлеб свой не ронял...»	78
Песня («Кольцо души-девицы...»)	—
Весеннее чувство	79
«Там небеса и воды ясны!...»	80
Горная дорога	81
Песня («Минувших дней очарованье...»)	82
Листок	83
На кончину ее величества королевы Виртембергской. <i>Элегия</i>	84
Цвет завета	90
К мимопролетевшему знакомому Гению	93
К портрету Гёте	94
Невыразимое. <i>Отрывок</i>	95
Песня («Отымает наши радости...»)	96

Лалла Рук	98
Явление поэзии в виде Лалла Рук	100
Воспоминание	101
Море. Элегия	—
9 марта 1823	102
Победитель	103
Ночь	—
«Я Музу юную, бывало...»	104
Таинственный посетитель	105
Мотылек и цветы	107
Ночной смотр	108
<Из альбома, подаренного графине Ростопчиной>	
А. С. Пушкин	110
Царскосельский лебедь	111

БАЛЛАДЫ

Людмила	115
Кассандра	123
Светлана	127
Ивиковы журавли	135
Баллада, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем и кто сидел впереди	141
Ахилл	147
Эолова арфа	154
Мщение	162
Три песни	—
Рыцарь Тогенбург	163
Лесной царь	167
Узник	168
Замок Смальгольм, или Иванов вечер	173
Торжество победителей	179
Кубок	184
Жалоба Цереры	189
Суд Божий над епископом	193
Роланд оруженосец	196
Элевзинский праздник	203
Комментарии	211
С л о в а р ь мифологических имен, названий и устаревших слов	256

СЕРИЯ «ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА»

Литературно-художественное издание

Для среднего и старшего школьного возраста

Жуковский Василий Андреевич

СТИХОТВОРЕНИЯ И БАЛЛАДЫ

Ответственный редактор

Г. Е. Комракова

Художественный редактор

Е. М. Ларская

Технический редактор

Н. Ю. Крапоткина

Корректор

О. И. Голева

Компьютерный дизайн

Е. Г. Валерьянова, Т. А. Яковлева

Компьютерная верстка

В. И. Тушева, Л. С. Киселева

ИД № 04982 от 04.06.01

Подписано в печать с готовых диапозитивов 20.01.06. Формат 84х108 $\frac{1}{4}$.
Бумага офсетная № 1. Шрифт «Школьный». Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,28
Уч.-изд. л. 12,06. Тираж 5000 экз. Заказ № 2628.

**Орден Трудового Красного Знамени и Дружбы народов
издательство «Детская литература»**

Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

109012, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1

www.detlit.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов

в Открытом акционерном обществе «Ордена Октябрьской

Революции, Ордена Трудового Красного Знамени

«Первая Образцовая типография».

115054, Москва, Валовая, 28

Жуковский В. А.
Ж 86 Стихотворения и баллады/Сост., вступ. ст.,
коммент. В. И. Коровина; Ил. Ю. Иванова. — М.:
Дет. лит., 2006. — 269 с.: ил. — (Школьная б-
ка).

ISBN 5-08-004064-5

В книгу вошли избранные стихотворения и балла-
ды В. А. Жуковского.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5

СЕРИЯ «ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА»

*Рекомендована Министерством образования РФ
к изучению в средней школе и для внеклассного чтения*

Серия «Школьная библиотека» — неизменный спутник многих поколений школьников. В ней издаются лучшие произведения отечественной и зарубежной литературы со вступительными статьями и комментариями известных критиков и литературоведов.

Книги иллюстрированы лучшими художниками, имеют удобный формат и небольшой объем, рекомендованные для детского чтения шрифты, твердый целлофанированный переплет.

Постоянно в наличии более 200 книг для учащихся всех классов.

В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ ВЫХОДЯТ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

*А что у вас? (сборник стихов К. Чуковского,
С. Маршака, А. Барто, С. Михалкова,
Б. Заходера)*

Каверин В. Два капитана

Кассиль Л. Кондуит и Швамбрания

Железников В. Чучело

Замятин Е. Мы (сборник избранных
произведений)

Островский Н. Как закалялась сталь

Соколов-Микитов И. На теплой земле (рассказы)

Стихи о Родине (сборник стихов поэтов
XIX—XX веков)

Толстой Л. Н. Анна Каренина (в 2 томах)

Толстой Л. Н. Басни, сказки, загадки

Тел.: (095) 685-07-15, 257-99-77

<http://www.detlit.ru>

РУБ

80.00

Издательство
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ISBN 5-08-004064-5

9 785080 040641

